

Б.М.Филиппов

ТЕРНИСТЫЙ
ПУТЬ

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

ФИЛИППОВ

(1858—1903)

Б. М. ФИЛИППОВ

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

*Жизнь и деятельность
русского ученого и литератора
М. М. Филиппова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1969

Книга, написанная сыном М. М. Филиппова — Б. М. Филипповым — рассказывает о борьбе русских ученых за передовую материалистическую науку и технический прогресс на рубеже XIX и XX вв.

На фоне общественной жизни этого периода автор нарисовал образ передового русского ученого-энциклопедиста, вдумчивого исследователя, талантливого литератора, яркого публициста. В книге дается краткая характеристика разностро-
ронних и донные интересных трудов М. М. Филиппова в области естествознания, математики, химии, техники, политической экономики, философии, истории общественной мысли, литературной критики и т. д.

Автор излагает также историю трагической гибели М. М. Филиппова во время научных опытов.

Издание 2-е,
переработанное и дополненное

Под редакцией и с предисловием
Героя Социалистического Труда
лауреата Ленинской премии
академика С. Г. Струмилина

Предисловие к первому изданию

Борьба прогрессивных русских ученых против идеалистической реакции в конце XIX в. за торжество научно-материалистической мысли и передовых социальных идей была великим научным и общественным подвигом.

Почетное место в этой борьбе принадлежит выдающемуся русскому ученому Михаилу Михайловичу Филиппову, которого я знал в свои студенческие годы по его многочисленным печатным трудам и горячим выступлениям на нелегальных сходках и студенческих вечеринках. Эти вечеринки носили отнюдь не развлекательный характер. Они способствовали идеологическому воздействию марксизма на молодежь и его пропаганде. Сборы от них являлись существенным пополнением кассы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

По складу ума, по политическим убеждениям, характеру и темпераменту Филиппова никак нельзя было причислить к так называемым «кабинетным ученым», оторванным от жизни и замкнувшимся в скорлупе узко специальных интересов. Он запомнился мне как горячий оратор и острый полемист, блиставший логикой своих доводов и разносторонней научной эрудицией. Это был человек, остро чувствовавший нужды своего народа, непримиримый враг мракобесия, ярый противник самодержавного строя.

Глубоко симпатизируя идеям марксизма, М. М. Филиппов, хотя и не был последовательным марксистом, многое сделал для пропаганды в России учения Маркса и Энгельса.

В легальной печати Филиппову, в отличие от так называемых «легальных марксистов», принадлежит особое место, поскольку в полемике с ними он открыто занял позицию, близкую Г. В. Плеханову, и не раз выступал против ревизионизма в лице его главных представителей — Струве, Туган-Барановского, Бердяева и Булгакова.

Основанный Филипповым журнал «Научное обозрение» являлся подлинной трибуной материалистической мысли и борьбы против народничества. Нас, молодых марксистов, этот журнал интересовал^в не только потому, что в нем освещались философские вопросы: на страницах «Научного обозрения» всегда находили место статьи и заметки, которые можно было взять на вооружение в революционной борьбе. Этому особенно способствовало участие в

журнале В. И. Ленина, пропагандистов марксизма Г. В. Плеханова, В. Засулич и других, что создавало популярность «Научному обозрению» в революционной среде. И не случайно Петербургское охранное отделение сообщало в одном из своих донесений, что среди революционно настроенной интеллигенции и в рабочих кружках считают потерю подобных изданий гораздо более «важным минусом», чем какие-либо иные меры полицейских репрессий. В «Научном обозрении» помещались не только статьи строго научного характера, но освещались волновавшие русское общество «наболевшие вопросы». Все это было сопряжено с большим риском для редактора журнала, шедшего тернистым путем политических преследований и материальных лишений. Испытывая удар за ударом, ученый ни на шаг не отступал от своих принципиальных позиций. По свидетельству современников, он покрылся броней суховатости; трудно было проникнуть в эту израненную, истерзанную душу. И лишь находя в собеседнике единомышленника или откликаясь на человеческое горе и нужду, он раскрывал свое доброе, отзывчивое сердце, стремясь встать на защиту прав человека и помочь каждому униженному и обездоленному.

Жизнь М. М. Филиппова оборвалась трагически и неразгаданно. Ученый-революционер погиб на своем научном посту, работая над изобретением, которое, по его мысли, должно было облагодетельствовать человечество. Основным в его открытии являлась идея прекращения войн, до сих пор волнующая народы мира.

В тяжелую эпоху бесправия и произвола, когда родовые представители русской науки подвергались гонениям, прогрессивная печать задыхалась в тисках цензурного гнета, а ростки революционного движения сурово подавлялись, ученый призывал к борьбе против вековой отсталости царской России, боролся за материалистическую науку и технический прогресс.

Вот почему биография М. М. Филиппова, написанная его сыном, представляет несомненный интерес для современного читателя, открывая одну из ярких страниц в истории русской науки, посвященную человеку, который, по словам великого Менделеева, «оставил о себе добрую память у всех, кто его знал».

Акад. С. Струмилин

Предисловие ко второму изданию

После первого издания книги о жизни и деятельности Михаила Михайловича Филиппова прошло почти десятилетие. Книга получила добрые отклики в советской печати. Но самое главное — она несомненно сыграла положительную роль в деле дальнейшего глубокого исследования различных сторон научного и литературного творчества замечательного русского ученого и писателя, долгое время остававшегося в тени. По существу можно говорить о его втором рождении. Едва ли не самым значительным результатом выхода книги следует признать издание двух сборников избранных произведений М. М. Филиппова, тепло встреченных советскими читателями и прессой.

Широкий энциклопедизм Михаила Михайловича привлек к его литературному наследию внимание советских экономистов, биологов, химиков, историков и литературоведов.

Можно считать вполне установленными прогрессивную роль ученого в развитии русской материалистической науки, строгое научно-материалистическое направление основанного и редактируемого им журнала «Научное обозрение», искренность его симпатий к марксизму, для пропаганды которого им было сделано немало на рубеже XIX и XX вв., и, наконец, прогрессивность его воззрений в области литературы и эстетики.

Второе издание книги Б. М. Филиппова дополнено новыми материалами исторических архивов, изложением взглядов его отца на актуальные в наше время вопросы «славянской общности», материалами, характеризующими взаимоотношения М. М. Филиппова с Львом Николаевичем Толстым и т. д.

Процесс идейного становления ученого и литератора, которому посвящена эта книга, был далеко не простым и отражал все сложные противоречивые тенденции, свойственные русскому обществу 80—90-х годов прошлого столетия.

Оценивая труды М. М. Филиппова с позиций нашего времени, нельзя забывать общественные условия и уровень научных знаний, сопутствующие периоду его творчества. Надо помнить известное положение Ленина, что в оценке

деятельности ученых, следует исходить не из того, чего они не сделали по сравнению с последующими достижениями, а судить по тому, что они дали нового по сравнению с их предшественниками и современниками.

Оглядываясь на «тернистый путь», пройденный за короткую жизнь М. М. Филипповым, невольно вспоминаешь слова Маркса:

«В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам»¹.

Я уверен, что переиздание книги «Тернистый путь» вполне своевременно в связи с возросшим интересом к истории развития русской науки и общественной мысли.

Акад. С. Струмилин

*Памяти
Нины Ильиничны
Филипповой
— жены и друга,
оказавшей мне неоценимую помощь
в подготовке этого очерка,
посвящает свою работу автор.*

Живые черты

Этот очерк был бы неполным, если бы я не попытался хотя бы несколькими штрихами нарисовать образ Михаила Михайловича Филиппова не только как ученого, литератора и общественного деятеля, но и как человека, каким он запомнился его родным и друзьям-современникам.

Нити воспоминаний тянутся издалека... Большая петербургская квартира наполнена какой-то особенной тишиной, изредка нарушаемой звуками рояля. Играет пожилой человек небольшого роста в поношенном сюртуке, с утомленным, бледным лицом, у него открытый выпуклый лоб и умные выразительные глаза. Музыка — его отдых. Дети любят эти часы. Отец тогда особенно ласков с ними. Они становятся хозяевами квартиры и тихо пробираются в его таинственную обитель, пользуясь тем, что владелец кабинета, заваленного грудями книг, уставленного какими-то непонятными колбами и ретортами, погружен в музыку Бетховена. На книжных полках и в шкафах столько интересного и заманчивого... Что стоит один только Брэм в кожаном переплете с чудесными цветными иллюстрациями. А Фабр? Где еще можно увидеть жуков-носорогов, жуков-оленей и таких замечательных по окраске бабочек?

Дети не видят отца по несколько дней, даже когда он дома. Он не выходит и в часы обеда, который ему приносят в кабинет. Тогда мать не позволяет шуметь в квартире, нельзя брэнчать на рояле, играть в прятки. Гостиная находится рядом с кабинетом, и шум детской возни может помешать отцу.

В эти дни посетителей редакции журнала «Научное обозрение», на пятом этаже дома № 37 по улице Жуковского, принадлежавшего вдове великого русского писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина, принимает мать. К отцу не пускают и гостей. Впрочем, дети не грустят от этого. Папины гости скучнее маминых. Чаще всего это пожилые, бородатые дяди, вечно спорящие друг с другом. И то, о чем они говорят, наверно, понятно только им самим. Конечно, и среди папиных гостей бывают исключения. Петр Францевич Лесгафт никогда не пройдет равнодушно мимо детей. Он и пошутит, и проверит мускулы, и пожурит за то, что дети мало дышат свежим воздухом. А взрослым доставляли удовольствие его юмор, меткие афоризмы. С нескрываемой пронией, иногда и со злым сарказмом, говорил он о дурных привычках, об уродливых костюмах, калечащих тело, обрушиваясь на модный в то время женский корсет. Он был врагом алкоголя, наркотиков и всяких вредных излишеств. «Сначала барышни кушают просто конфеты, — потом конфеты с ромом, затем — ром с конфетами, наконец, только ром, — и заканчивал: кондитерская — двоюродная сестра ресторана». Отец, который не курил и не признавал спиртных напитков, всегда был на стороне Лесгафта. П. Ф. Лесгафт пользовался горячей симпатией детей, хотя они и не разделяли его взглядов на кондитерские изделия.

То ли дело профессор геолог Карножицкий... Он никогда не приходил с пустыми карманами. Его сюрпризы приводили в восторг ребят и вызвали возмущение матери. Он приносил с собой не только конфеты, но даже комматный фейерверк, после сожжения которого в квартире нельзя было дышать. Он дарил детям замечательные разноцветные камни и минералы и стеклянные коробочки с наколотыми на булавки диковинными бабочками. Если отец работал у себя в кабинете, дети под предводительством Карножицкого прорывали фронт и с шумом врывались в заветную гостиную. Стратегический план всегда удавался. Услышав возню в гостиной, отец вскоре выходил из кабинета. Он ласково глядел на малышей из-под своих нахмуренных бровей и прятал улыбку в рано поседевшей бороде. В эти часы работа откладывалась в сторону. С помощью опытного дипломата Карножицкого дети завладевали отцом. Начинались любимые занятия. Рассказы о том, как живут пчелы и муравьи, были занима-

*Дом, в котором помещалась редакция
журнала «Научное обозрение» (ул. Жуковского, 37)*

Телнее, чем сказки Андерсена и братьев Гримм. Программа завершалась «чудесами химии и электричества».

Отец показывал «фокусы». Из небольшого электрофора выскакивали электрические разряды. В реторту вливались какие-то таинственные жидкости и вспыхивали ярким пламенем. Чистая, прозрачная вода мгновенно окрашивалась в самые разнообразные цвета. Из серы, селитры и угля приготовлялся порох, и он ярко вспыхивал на металлическом подносе. Именно в этот, наиболее волнующий момент, появлялась мама, напуганная возможностью пожара, и прекращала демонстрацию «чудес».

Иногда отец находил отдых в шахматах. Он превосходно владел теорией игры и с гордостью вспоминал о том, как однажды ему удалось выиграть трудную партию у самого Чигорина в каком-то любительском матче. Он утверждал, что в шахматной игре ему помогает отличное знание математики и теории вероятности. Постоянными партнерами отца по шахматам были П. Ф. Лесгафт и знаменитый астроном С. П. Глазенап, который, проигрывая партию, обычно восклицал: «Да, в этой области я звезд с неба не хватаю!»

В редакцию «Научного обозрения» заходили и маститые и молодые. Д. И. Менделеева отец буквально боготворил. С какой-то особой нежностью отзывался он о неизвестном еще тогда К. Э. Циолковском: «Интересный человек. с гигантским кругозором. Настоящий, ученый. Но боюсь, затрет его косная среда».

«Косная среда» — любимое словечко отца. Он сам немало натерпелся от этой «среды», не признающей ничего нового, яркого, выдающегося, талантливого. Была у отца еще любимая поговорка из древней легенды, на те случаи жизни, когда его что-либо возмущало: «И это пройдет!»

Возвращаясь с различных собраний, студенческих сходок или дискуссий в «Вольно-экономическом обществе», отец раздраженно говорил:

— Струве и Туган¹ не понимают, что попытки ревизовать марксизм не доведут до добра. Они «пройдут», скатившись в болото оппортунизма.

— Твоя поговорка хороша только в тяжелые минуты жизни, — отвечала мать. — А в минуты радостные от нее становится грустно — «И это пройдет!»

¹ М. И. Туган-Барановский — «легальный марксист».

— Многое зависит от нас самих, от воли к победе, — возражал отец. — Надо смотреть друг другу прямо в глаза и называть вещи своими именами. Ничто так не повредило марксизму, как действия раскольников, как внутренняя полемика. Хотя и сам, к сожалению, принимал в ней участие. Мы не только не воздвигли нового здания на развалинах храма господина Михайловского, но терпим поражение от самих себя. Карл Моор убил свою собственную возлюбленную, а враги ликуют.

Как-то отец спросил заходившую нередко в редакцию А. Коллонтай:

— Читали статью Чернова в «Русском богатстве»? В одном он, пожалуй, прав, что наши псевдомарксисты вовсе не партия, а собрание сектантов, таскающих друг друга за волосы для вящего торжества противников, и этим пользуется «Русское богатство», этот орган приспособившегося народничества и его «доктора пустословия»². Влияние этого журнала просто пагубно. Оно хуже влияния каких-либо катковцев, так как у тех по крайней мере на лбу написано, кто они такие, а у этих «хоругвь мятежа» превратилась в грязную тряпку, которой они стараются запачкать всякого инакомыслящего. Спрашивается, зачем нужны вызывающие ходы Струве и Тугана против ортодоксов, хотя последние, конечно, в тысячу раз принципиальнее, чем эти отщепенцы марксизма.

Частыми посетителями редакции были рабочие и студенты. С развитием революционного движения на фабриках и заводах множилось число интеллигентных пролетариев. Это были передовые рабочие, стремившиеся к овладению знаниями, осознавшие, что единственный путь к социальному переустройству общества и освобождению от гнета самодержавия — это путь политической борьбы.

Однажды к отцу пришла группа рабочих Путиловского завода — читателей «Научного обозрения» — и принесла ему благодарственный адрес. Отец был взволнован, долго не отпускал их, задушевно говорил с ними на различные темы, интересовался настроениями рабочих.

Путиловцы рассказали, что пропаганду марксизма на заводе они связывают с повседневной жизнью. Участники марксистских кружков следят за литературой, бывают на марксистских студенческих сходках и нелегальных собра-

² Имеется в виду Н. К. Михайловский.

ниях, ведут индивидуальные беседы с рабочими, распространяют прокламации.

Отец долгое время находился под впечатлением встречи с путиловцами, почувствовав веяние приближавшейся революции.

Рисуя облик отца, его современники свидетельствуют, что в нем органически сочеталась ненасытная жажда знаний и любовь к абстрактной теории с темпераментом истинного борца. Отец стыдился быть добрым и напускал на себя суровость. Он говорил резко и едко. Бросал острые, тяжелые фразы. Был ожесточенным спорщиком, но нелегко находил себе собеседника из-за своей чисто внешней неприступности. Стоило же ему чуть размягчиться — а он становился мягким каждый раз, когда дело касалось живых человеческих нужд, — не было человека отзывчивей, чем этот строгий ученый, издерганный и ожесточенный жизнью.

Много десятилетий тому назад, в период разгула реакции в царской России, не раз организовывались черносотенные антисемитские погромы. Ленин, большевики, все прогрессивные люди решительно выступали против этого позорного явления. К этим передовым русским людям принадлежал и мой отец. Он был непримиримым врагом антисемитизма и всяческих проявлений национального угнетения и несправедливости. Его глубоко терзала мысль о живучести человеческих предрассудков. Борьбу с ними он считал своим долгом, чем вызвал целый поток нападок в свой адрес. Махровый антисемит и черносотенец Пятковский на страницах журнала «Наблюдатель» в бессильной злобе, не найдя никаких убедительных доводов, между прочим, попрекнул отца в том, что он якобы «не чужд еврейству». На это отец с возмущением ответил, что в первый раз искренне пожалел, что Пятковский не прав и что он хотя на минуту не может стать евреем. В этом случае он ответил бы ему очень просто: «Что же из этого следует? Разве истина и логика не одинаковы для еврея и русского, для иудея или христианина?»

Отец никогда не придавал особого значения присвоенной ему ученой степени доктора натуральной философии. Свои сочинения и научные работы он подписывал, как правило, только фамилией, а иногда лишь инициалами. Его докторский титул появлялся в редких случаях, преимущественно по требованию издателей, да в заявлениях,

адресуемых в Цензурное ведомство, так как ученая степень помогала в преодолении многочисленных цензурных рогаток.

Вот почему отец был крайне изумлен грубой выходкой Н. К. Михайловского, который пытался превратить его докторский диплом в предмет своих острот.

Михайловский не был оригинален — до него этот же полемический «прием» использовал в упомянутой мной выше статье Пятковский. Не считая возможным для себя выступать с какими-либо публичными ответами на эти выпады, отец ограничился кратким письмом Михайловскому, в котором, между прочим, заметил: «При всем несогласии с Вами в принципиальных вопросах, я все же могу сказать: «*Quod licet bovi, non licet jovi*», т. е. в «переводе»: «Что прилично г. Пятковскому, то не подобает г. Михайловскому»³.

Когда группа либерально настроенных писателей избрала в качестве способа борьбы против цензурного произвола подачу петиции царю, Филиппов наотрез отказался ее подписать, заявив инициаторам этой бесплодной затеи, что подобного рода обращение к Николаю II только унижает почетное звание русского литератора.

Стремление откликаться на актуальные вопросы современности привело отца к мысли об издании ежедневной газеты, которая смогла бы так же, как и «Научное обозрение», способствовать объединению передовых общественных сил России.

В январе 1898 г. отцу было разрешено издавать ежедневную политическую, литературную и научную газету «Правда» и быть ее редактором⁴. Газету он предполагал выпускать одновременно с журналом.

Однако практически осуществить свою мысль отцу не удалось. В это время материальные дела «Научного обозрения» пошатнулись и возник вопрос о передаче права издания журнала П. П. Сойкину. Для того чтобы начать

³ Перефразировка латинской поговорки: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». А в данном случае: «Что дозволено быку, то не подобает Юпитеру». Письмо М. М. Филиппова было отправлено 1 февраля 1901 г. и хранится в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинском доме) в Ленинграде (фонд. Н. К. Михайловского).

⁴ ЦГИАМ, ф. ДП-00, 1898, д. 13, ч. 33, лл. 8—10.

новое дело, требовались средства значительно большие, чем сумма, которую должен был получить отец от издателя. Он метался повсюду, пытаясь занять деньги под вексель или получить аванс под свои будущие литературные работы, но все попытки оказались тщетными.

Потерпев неудачу, отец вынужден был с болью в сердце отказаться от своей идеи.

«Правда», говорил он, это замечательное название для газеты, а главное, обязывающее нести народу истину, только истину! Поэтому финансисты не поверили в реальность такой газеты. Предложи им издание какого-нибудь бульварного листка, — и деньги сразу бы нашлись, а народу так нужна правдивая, честная, принципиальная газета!..

Все, кто знал отца, вспоминают о нем как о человеке, обладавшем чертами гуманизма, но в то же время как о непримиримом противнике «непротивления злу». Учение о любви к людям он никогда не понимал как безропотное примирение с угнетением и эксплуатацией человека человеком. Отец глубоко верил в светлое будущее человечества, в победу прогрессивных сил, в освобождение России от гнета самодержавия.

В этом «с виду сумрачном и бледном» рыцаре науки таилась огромная любовь к людям, которую он завещал и своим детям. Его последнее письмо, датированное 9 июня 1903 г., адресовано десятилетней дочери, находившейся на излечении в Крыму:

«Дорогая моя, крошечная моя девочка. Не думай об этом Петербурге, расстроившем твое здоровье. Поправляйся в хорошем климате. Я еду на днях за границу, вернусь 25-го, и мама тогда приедет к тебе с мальчиками. Я тоже непременно постараюсь собраться к вам. Петербург и мое здоровье распатал: ты помнишь, как я был болен в то лето, когда жил в Териоках, да и теперь я себя здесь неважно чувствую. Когда вполне окрепнешь, тогда приезжай сюда, а теперь, чем дольше ты пробудешь с мамой в хорошем климате, тем лучше. Береги себя, моя дорогая девочка: помни, ты для меня утешенье и радость, и ничто так не радует, как то, что ты стала поправляться.

Когда вернутся мальчики, ты, я знаю, будешь баловать Боря. Будь также ласкова и с Леонидом: у него много резкости, но ведь и он добрый мальчик. Ничего я так не хочу,

как чтобы вы жили дружно... Люби же людей. Сколько бы ни было в жизни неприятного, все же мы должны верить тому, что есть в мире любовь. И твой папа любит свою девочку»⁵. Так писал отец за три дня до своей трагической гибели, раскрывая свою душу перед маленькой дочерью, ставшей впоследствии коммунисткой, до конца жизни преданной делу партии ⁶.

Далеко не все биографы могут похвалиться объективностью. Еще труднее сохранить объективность, когда пишешь о близком человеке. Для нас, детей Михаила Михайловича Филиппова, облик отца всегда был овеян романтикой. Но работая над этой книгой, я стремился отрешиться от мысли, что пишу о своем отце. Моей целью было дать беспристрастную характеристику общественной и научной деятельности человека, жившего в мрачную эпоху самодержавия, но в то же время на пороге великих событий XX в., которые потрясли весь мир и привели к чудесному расцвету нашей Родины, первой в мире страны, построившей социализм и приступившей к развернутому строительству коммунизма.

Ранние годы

Михаил Михайлович Филиппов родился 30 июня 1858 г. в селе Окнино Звенигородского уезда Киевской губернии, в небольшом имении своего деда Л. С. Васильковского, который происходил из старинного украинского рода Хмельницких, ведущих свою родословную от прославленного гетмана Богдана Хмельницкого.

⁵ Архив Б. М. Филиппова. Автограф.

⁶ Дочь М. М. Филиппова — Любовь Михайловна Филиппова — в начале Октябрьской революции вступила в партию большевиков. Трагически погибла в возрасте 27 лет, будучи направлена в 1921 г. на подпольную работу в тыл к белоэстонцам. Упомянутый в письме Леонид — старший сын М. М. Филиппова, участник революционных событий, один из поэтов пролетарской революции, — выступал в печати под псевдонимами «Красбалт» и «Красный баян» (о нем см. Н. К. Чуковский. Битвы и годы. М., 1957, стр. 423—467).

Мать М. М. Филиппова — Анна Лаврентьевна Филиппова писала в своих воспоминаниях:

«Отец мой, генерал-лейтенант Лаврентий Степанович Васильковский, родился 10 августа 1783 г. в Полтавской губернии, Лубянском уезде, в имении, принадлежавшем его отцу. Дед мой по отцовской линии происходил из древнего малорусского рода: предки его были удельными князьями. Одна ветвь Васильковских переселилась в Польшу, приняла католичество, и один из Васильковских занимал какую-то значительную должность при польском дворе. Другая ветвь осталась в Малороссии. Дед мой служил в русской армии, дослужился до генеральского чина. Прадед умер бригадиром. Мать моего отца происходила из рода Хмельницких, а один из Хмельницких, дядя моего отца, жил и умер в Финляндии и был далеко не богат...

Родители моего отца умерли, когда отец и брат его были совсем маленькими детьми, и дядя их, имевший богатые поместья в том же Лубянском уезде, был назначен опекуном над сиротами и над их имуществом. Вскоре после смерти и похорон моего деда, дядя отвез малюток в Петербург, в Шляхетский корпус для малолетних дворян, где они и оставались вплоть до окончания своего образования и до зачисления их в действующую армию. Ни разу дядя их не навестил, никогда не посылал им денег. Отец мой впоследствии рассказывал, что, когда товарищи покупали себе сладости, он, не имея денег или имея лишь гроши, покупал себе печеную репу, причем сначала очищал ее, а потом, съев репу, съедал и кожицу.

Гроши у него изредка водились, потому что он подчас решал задачи или писал сочинения для старших товарищей, за что и получал маленькое вознаграждение.

За несколько месяцев до выхода из Шляхетского корпуса обоих братьев навестил их дядя Хмельницкий и подарил им по рублю. Этот первый рубль, полученный моим отцом, казался ему большим сокровищем, и он зашил его в галстух и не расставался с ним»¹.

Лаврентий Степанович Васильковский участвовал во многих сражениях, отличился в Отечественной войне

¹ А. Л. Филиппова. Воспоминания. — «Русский архив», 1917, кн. 1—3.

1812 г. и за взятие Парижа в 1814 г. был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость».

В Париже Васильковский жил на квартире у инвалида войны француза Пенана, где и познакомился с его юной дочерью. Молодые люди полюбили друг друга и вскоре обвенчались по католическому обряду, а по возвращении в Россию вторично — в православной церкви. В Окнине Лаврентий Степанович поселился уже выйдя в отставку. В этот период он сблизился со своим бывшим однополчанином Василием Назаровичем Каразиным, рано оставившим военную службу. Впоследствии Каразин стал одним из организаторов Харьковского университета ².

В своих воспоминаниях Васильковский с большой теплотой отзывается о Каразине, сочувственно говоря о взглядах ученого на просвещение, о его стремлении к самоусовершенствованию и овладению наукой, об отрицательном отношении к обскурантизму Аракчеева и поискам его фаворита Магницкого, особенно проявившего себя по части доносов, лихоимства и преследования профессоров Казанского университета ³.

Каразин несомненно оказал положительное влияние на Васильковского, который, однако, не смог преодолеть своих патриархальных воззрений на крепостное право. Хотя он и порицал жестокость помещиков, его отношение к крестьянам носило лишь филантропический характер.

В конце 50-х годов финансовые дела Васильковского пришли в полный упадок. Появились обременительные долги, понадобилась юридическая помощь. На этой почве и произошло знакомство семьи Васильковских с сыном нотариуса из города Николаева Михаилом Абрамовичем Филипповым, избравшим по примеру своего отца юридическое поприще.

Знакомство это привело к неожиданным результатам. Финансовые дела Васильковского отнюдь не поправились, а его дочь Анна Лаврентьевна увлеклась молодым юристом

² Каразин вызвал гнев императора Александра I вольнодумными суждениями и в 1824 г. был заточен в Шлиссельбургскую крепость, а затем сослан на постоянное жительство в свое родовое имение. Здесь и встречался с ним Васильковский.

³ Воспоминания Л. С. Васильковского, записанные М. А. Филипповым. Архив Б. М. Филиппова. Автограф.

и вскоре вышла за него замуж. Она получила основательное домашнее образование и унаследовала от матери не только живой французский темперамент, но и дух свободлюбия и нетерпимости к крепостному праву. В ее распоряжении была библиотека отца, где имелись лучшие произведения русских писателей первой половины XIX в., а также сочинения французских философов Вольтера, Руссо, великих социалистов-утопистов Сен-Симона и Фурье. Анна Лаврентьевна много читала и была передовой для своего времени женщиной.

Ее муж Михаил Абрамович Филиппов также был незаурядной личностью. Он обратил на себя внимание статьями в журнале «Современник» на темы о русском судоустройстве, судопроизводстве и русских гражданских законах, в этих статьях высказывались прогрессивные для своего времени мысли ⁴.

В это время журнал, редактируемый Н. А. Некрасовым и негласно Н. Г. Чернышевским, стал в подлинном смысле этого слова идейным центром революционного движения 60-х годов, рупором революционной демократии. На страницах журнала разоблачалась сущность буржуазно-дворянского либерализма и выдвигалось требование освобождения крестьян вместе с землей без выкупа ее у помещиков.

В 1859 г. было опубликовано первое беллетристическое произведение М. А. Филиппова — сатирическая повесть «Полицмейстер Бубенчиков», подвергшаяся жестокой цензурной правке ⁵. Цензура не оставила без «внимания» и его роман «Скорбящие», изданный значительно позднее, в 1873 г. По настоянию министра внутренних дел А. Е. Тимашева, роман этот за исключением нескольких случайно уцелевших экземпляров был изъят из продажи и уничтожен.

В своем «Представлении Комитету министров» по этому поводу А. Е. Тимашев писал:

«Принимая в соображение, что в книге Филиппова представляется ряд возмутительных злоупотреблений упрямленного крепостного права, что нравы помещиков и

⁴ М. А. Ф и л и п о в. Взгляд на русское судоустройство и судопроизводство. — «Современник», 1859, кн. 1—4—7 и 8; о н ж е. Взгляд на русские гражданские законы. — «Современник», 1861, кн. 2 и 3; 1862, кн. 3 и 4

⁵ «Современник», 1859, кн. 10.

вообще высшего сословия изображены в ней с явной тенденциозностью в самом отвратительном свете, с крайним цинизмом, оскорбляющим нравственное чувство, что автор книги с грубым укором и с нескрываемым презрением относится вообще к нашему гражданскому и социальному строю и к военному сословию и что книга его, несмотря на переменявшиеся ныне отношения помещиков к крестьянам, по тону своему и по представлению в ней высших классов в отвратительном виде направлена к возбуждению ненависти одного сословия к другому и презрения к нашим общественным условиям, а также оскорбляет нравственные чувства приличия, — нельзя не признать распространение означенной книги несомненно вредным»⁶.

С современных позиций трудно представить себе более лестный отзыв о книге, написанной в России в эпоху царствования Александра II.

Широкий интерес в общественных кругах в 80-е годы вызвал большой исторический роман М. А. Филиппова «Патриарх Никон» (1885). Его перу принадлежит множество статей и фельетонов, опубликованных в различных периодических изданиях, а также в основанном в Петербурге и редактируемом им журнале «Век». Часть из них напечатана под псевдонимом «Козьма Прутков первой формации» (в отличие от известного символического Козьмы Пруткова).

Умер М. А. Филиппов в Риге на 58-м году жизни (11 ноября 1886 г.). «Исторический вестник» посвятил писателю сочувственный некролог, но зато «Правительственный вестник» не преминул напечатать грубую брань, вспомнив, по-видимому, его противоправительственные «прегрешения»⁷.

Такова была среда, в которой рос и воспитывался Михаил Михайлович Филиппов. Призвание к литературе он в определенной степени унаследовал от отца, но если говорить о влиянии семьи на проявление в младшем Филиппове склонностей к научной и литературной деятельности,

⁶ Архив Главного управления по делам печати, II отд. 1892, д. № 153; Архив С.-Петербургского цензурного комитета, 1872, д. № 128. — Комитет министров — совещательный орган, располагавший правом отклонять ходатайства земских учреждений и запрещать «вредные» с его точки зрения издания.

⁷ «Исторический вестник», т. XXVII, январь, 1887; «Правительственный вестник», 1886, № 252.

то главная, решающая роль здесь несомненно принадлежит его матери, которая пробудила в нем с детства стремление к знаниям, дала ему первоначальное образование и научила любить книги.

Анна Лаврентьевна была подлинной наставницей своего сына, в особенности, когда речь шла о выборе литературы для чтения. Именно благодаря ей М. М. Филиппов в раннем возрасте полюбил русских классиков первой половины XIX в., увлекался пламенными статьями русских революционных демократов, изучал труды французских социалистов-утопистов и «Историю цивилизации в Англии» Бокля. Переехав в 70-х годах в Николаев к родителям мужа, мать Михаила Михайловича сумела подготовить его в пятый класс местной гимназии. Это была обычная классическая школа, в которой основное внимание уделялось древним языкам. Министром просвещения в те годы являлся Д. А. Толстой, и при нем дело насаждения классицизма попало поистине в «твердые руки», найдя конкретное выражение в школьном уставе 1871 г. Программы этой школы и система преподавания невольно были рассчитаны на то, чтобы вселить в учеников отвращение к занятиям.

М. М. Филиппов в дальнейшем писал:

«Толстовская школа не задавалась целью воспитания, или по крайней мере официально не выдвигала этой цели на первый план; и тем не менее она «воспитывала», да еще как воспитывала! Я лично сразу поступил в пятый класс, т. е. не был в четырех первых классах гимназии, а потому лишь со слов товарищей могу сказать, что там, конечно, было еще хуже, чем в старших классах... Здесь преподавала целая коллекция учителей, которым предстояло насаждать классицизм... Вспоминая о том, что делалось у нас в те времена в классе, даже теперь становится как-то совестно и больно... И наряду с этими учителями-посмешищами, преподававшими нам латинскую и греческую премудрость, было у нас два-три педагога, которые сдерживали нас единственно силою своего нравственного и умственного авторитета. Не могу забыть впечатления, какое произвел на нас в шестом классе учитель русского языка и словесности М-ан. Мы с первого же урока как-то чутьем поняли, что творить безобразия на уроках этого серьезного человека, говорившего с нами, как с взрослыми людьми, способными его понять, было бы поруганием на-

шего собственного нравственного достоинства, и в течение всего его урока можно было услышать, как пролетела муха»⁸.

Пребывание в гимназии навсегда оставило у Михаила Михайловича печальную память. Впоследствии вопросы реформы школы и приближения ее к запросам жизни привлекли серьезное внимание ученого и побудили его выступить на страницах «Научного обозрения» с обстоятельной работой «Реформа гимназий и университетов». Поскольку труд этот характеризует педагогические воззрения ученого, мы коснемся его в дальнейшем более подробно.

Что же касается становления Филиппова как ученого и писателя, то, конечно, решающее значение в его творческом росте имело самообразование. По окончании классической гимназии он легко и свободно сдал экстерном экзамены, давшие ему второй аттестат — полного курса реального училища.

Лингвистические способности помогли юноше изучить не только древние языки, но и несколько европейских. Совершенствование в этой области принесло ему в дальнейшем неопределимую пользу в исследовательской и литературной работе. Он свободно пользовался иностранными первоисточниками, читая в подлинниках произведения древних авторов и новейшую литературу Германии, Франции, Англии, Италии и западных славян.

Огромное воздействие на формирование научного мировоззрения М. М. Филиппова, становление его социальных взглядов оказала, конечно, общественно-политическая обстановка 70-х годов и поступательное движение материалистической науки.

Во второй половине XIX в. борьба материализма против идеализма приняла особенно активный характер. Новые открытия в области биологии, палеонтологии, химии, физики, астрономии внесли крупнейший вклад в дело научного объяснения явлений природы, но в то же время возрождались многочисленные идеалистические теории, пытавшиеся противопоставить научному материализму различные метафизические построения.

⁸ М. М. Филиппов. Реформа гимназий и университетов. — «Научное обозрение», 1901, № 5, 6, 7, 8 и 9.

Сокрушительный удар идеализму нанесло учение Дарвина, вызвавшее переворот в естествознании. Марксу и Энгельсу принадлежит величайшее открытие XIX в. в области подлинно научного материалистического понимания и истолкования явлений природы и общественной жизни — метод диалектического и исторического материализма.

В середине XIX в. развитие материалистической мысли в России тесно связано с трудами революционных демократов — Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

В. И. Ленин, характеризуя философские взгляды Герцена, указывал, что «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»⁹. Высоко ценил В. И. Ленин и Чернышевского, считая его единственным действительно великим русским мыслителем, который сумел с 50-х годов вплоть до 1888 г. остаться на уровне цельного философского материализма¹⁰. Литературные связи М. А. Филиппова с редакцией «Современника» и непосредственно с Чернышевским не могли не отразиться на внутреннем мире его сына — Михаила Михайловича.

В 1875 г. Филипповы переехали из Николаева в Одессу, город большой культуры и старых революционных традиций. Еще не изгладился в памяти произвол крепостнического режима. Крестьянская реформа Александра II по существу была новой формой жестокого закабаления крестьянства помещиками и кулаками, обуславливала еще большее угнетение и обнищание крестьянской бедноты.

Крестьяне, изнывая от нищеты, были обложены новыми «выкупными» платежами за свою же собственную землю. В городах усилилась беспощадная эксплуатация рабочих.

В то же время с развитием капитализма в России происходило классовое расслоение общества: с ростом буржуазии рос и противостоящий ей пролетариат. Тяжкое экономическое положение широких масс, политический и национальный гнет не могли не вызвать брожения в народе и резкого протеста со стороны передовых представителей русского общества.

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 256.

¹⁰ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 383.

В эти годы начал проникать в Россию марксизм, вызывая живой интерес и сочувствие лучшей части русской интеллигенции, объединяя революционно настроенных русских рабочих.

В 1875 г. в Одессе под руководством революционера-интеллигента Е. О. Заславского оформилась первая организация русского рабочего класса — «Южнороссийский союз рабочих». Союз ставил своей целью пропаганду идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов. Его деятельность не прошла бесследно не только для рабочих, но и для студенчества Одессы.

Новороссийский университет, созданный в Одессе в 1865 г. на базе Ришельевского лицея, стал рассадником передовых общественных идей. В конце 60-х годов в Новороссийском университете учился выходец из крепостных, известный народоволец Андрей Желябов, дважды исключавшийся из состава студентов за участие в революционных демонстрациях. Вместе с ростом общественного самосознания у определенной части молодежи пробуждался глубокий интерес к материалистической философии, к разрешению важнейших научных проблем в области познания мира.

В Одессе 50 — 80-х годов жили и работали замечательные русские ученые: знаменитый хирург Н. И. Пирогов, зоолог А. О. Ковалевский, основоположник отечественной физиологической школы И. М. Сеченов, выдающийся физик Н. А. Умов, выдающийся исследователь в области микробиологии И. И. Мечников, великий русский химик Д. И. Менделеев.

По инициативе профессоров, лаборантов и бывших слушателей естественного факультета Новороссийского университета в 80-е годы в Одессе создается общество натуралистов в помощь студентам, изучающим вопросы естествознания. Здесь издаются «Записки Новороссийского общества естествоиспытателей», в которых систематически печатаются работы местных ученых, в частности А. О. Ковалевского. Все это несомненно создавало благоприятную среду для выращивания молодых научных сил.

Пребывание в Одессе было для Филиппова временем углубленного изучения философии и естествознания. Материалистическое учение оказало и на него благотворное

влияние. 17-летним юношей он уже проявлял черты, свойственные французским энциклопедистам XVIII в. Как губка, впитывает он знания буквально во всех областях науки, накапливает огромный фактический материал, изучает естествознание, математику, пылливо интересуется философией, историей и развитием общественных наук.

Вольнодумный студент

В 1878 г. по совету отца, решившего основать в Петербурге ежемесячный журнал «Век», М. М. Филиппов переезжает в столицу и поступает на юридический факультет Петербургского университета. Одновременно он работает секретарем редакции журнала «Русское богатство» и в то же время продолжает изучать естественные науки, к которым с детства проявлял особый интерес. Но политические события в стране помешали ему своевременно получить высшее образование.

1 марта 1881 г. как грозное предзнаменование прозвучал на всю Россию взрыв динамитной бомбы, убившей Александра II. И уже 4 апреля международное телеграфное агентство сухо и лаконично сообщало: «Вчера, 3 апреля в 9 часов утра на Семеновском плацу казнены смертью через повешенье пять государственных преступников: Рысаков, Михайлов, Кибальчич, Желябов, Перовская. Казнь Гельфман, оказавшейся беременной, отложена до выздоровления». Агитация в ее пользу за границей принудила русское правительство заменить смертный приговор пожизненной каторгой. 1 февраля 1882 г. Гельфман умерла в тюрьме¹.

Убийство царя, организованное народовольцами, послужило поводом к разгулу реакции. Жестокие репрессии обрушились и на студенческую среду; именно в ней видели власти очаг распространения революционных идей и противоправительственных волнений и беспорядков. На-

¹ А. Т у н. История революционных движений в России. Перев. Веры Засулич, В. Кольцова и др. Предисловие Г. Плеханова. Изд. «Библиотека для всех» О. Н. Рутенберг, стр. 296—297.

чались повальные аресты студентов, многих исключали из университета и сдавали в солдаты для отбывания воинской повинности.

С первых дней своего пребывания в университете М. М. Филиппов был в числе передовой студенческой молодежи. Пылкий юноша, обладавший горячим темпераментом, ясным логическим мышлением и превосходным даром слова, неоднократно выступал на студенческих сходках, смело высказывая свои революционные, антиправительственные убеждения. Гнетущая обстановка полицейского террора, волнения на юге России, нависшая угроза расправы за свободомыслие побудили М. М. Филиппова оставить Петербургский университет и в апреле 1881 г. возвратиться в Одессу. Здесь осуществилось его давнее желание: молодому человеку удалось поступить на физико-математический факультет Новороссийского университета. К этому времени он уже располагал обширными познаниями в области физики, химии, математики и биологии. Юный Филиппов продолжает свою научную и исследовательскую работу. В 1881—1882 гг. в Одессе под его редакцией выходит отдельным изданием «Курс математики по Серэ, Фидлеру, Сальмону, Шлемилху, Дерезу и Мейеру». Еще будучи в Петербурге, в 1881 г. он начал свою литературно-научную деятельность, опубликовав в журнале «Мысль» статью «Борьба за существование и кооперацию в органическом мире». Выбор журнала был не случаен: до поступления в Петербургский университет М. М. Филиппов изучал труды Дарвина, а «Мысль» в то время редактировал крупный русский зоолог проф. Н. П. Вагнер, получивший европейскую известность после открытия случаев педогенеза, приведенных Дарвином в его трудах.

Немного позднее М. М. Филиппов стал сотрудничать в журнале «Век». Этот журнал просуществовал недолго — с 1882 по 1884 г. Вначале М. Филиппов 2-й (так он подписывал статьи в отличие от своего отца) помещал на страницах «Века» лишь переводы и небольшие заметки, а впоследствии и обширные статьи на научные и литературные темы. Среди его работ, напечатанных в этом журнале, между прочим, имеется перевод стихотворения Барри Корнуолла «Углекопы», посвященного бесправному положению английского пролетариата («Душные шахты закрыты»).

В литературно-научной деятельности М. М. Филиппова сочетались глубокий интерес к науке и темперамент общественного борца. Он горячо откликается на социальные проблемы и злободневные вопросы текущей общественной жизни. В связи с тяжелым положением* еврейской бедноты на юге России, Филиппов выступает с протестом против национального бесправия в условиях царского режима. Этой теме он посвящает книгу «Русско-еврейский вопрос», вышедшую в Одессе в 1882 г., в которой, так же, как и в ряде статей, резко осуждает антисемитизм, оттеняя в то же время паразитическую роль и русской, и еврейской буржуазии.

Само собой разумеется, что книга Филиппова была отрицательно встречена в официальных кругах, поскольку противоречила политике самодержавия, основанной на воспитании в народе шовинизма и пропаганде национальной розни.

Живя в Одессе, М. М. Филиппов с упорством и кропотливостью, достойными удивления, собирает устные рассказы участников и очевидцев героической обороны Севастополя, знакомится с русскими и иностранными источниками, посвященными Крымской войне. Он изучает в подлинниках работы В. Онкена, А. Кинглека и других ее историков. Впоследствии все это было им критически использовано в работе над историческим романом, посвященным обороне Севастополя.

В годы обострившейся реакции вольнодумные выступления студента в печати, да еще на общественные темы, не могли не привлечь внимания университетского начальства. Молодой человек явно подавал «дурной пример» своим товарищам. И хотя его работы имели разрешение цензуры и не давали формальных оснований избавиться от их автора, повод все же был найден. 17 марта 1882 г. Филиппова отчислили из Новороссийского университета. Формальной причиной исключения его из состава студентов послужила трехдневная задержка взноса платы за обучение. Никакие объяснения и уважительность причин не были приняты во внимание. Прошло больше года в бесплодных попытках восстановиться, и наконец, в 1883 г. М. М. Филиппов вновь решает переехать в Петербург, чтобы завершить высшее образование.

В Петербурге

Столица российской империи в годы царствования Александра III представляла собой прочный оплот самодержавия. Официальный Петербург всегда был плацдармом политической реакции и воинствующего мракобесия. Передовая общественная мысль задыхалась в тисках царской цензуры и полицейских репрессий. Народнические организации были разгромлены. Часть революционно настроенных народников-чернопередельцев эмигрировала из России.

В такой обстановке М. М. Филиппов начал свою литературную деятельность в столице. В 1883—1884 гг. он продолжает сотрудничать в журнале «Век». Его внимание привлекают социально-экономические и международные проблемы, а также проблемы естествознания. В обширной статье «Поземельный кредит» он изобличает закабаление крестьян банковской системой, публикует очерк «Социологические идеи Огюста Конта», статьи на литературные темы, выступает против народничества. В литературных кругах Петербурга молодого Филиппова шутливо называют «сыном века», подразумевая под этим не только сотрудничество в журнале «Век», но и стремление откликаться на актуальные вопросы своего времени. Литературная работа не помешала Филиппову в 1884 г. блестяще сдать экстерном экзамены в Петербургском университете за весь курс физико-математического факультета и получить звание кандидата наук. С особым волнением предстал он перед Д. И. Менделеевым, у которого отлично выдержал испытание по неорганической химии. Пять лет спустя Д. И. Менделеев доверил ему перевод на французский язык «Основ химии». Великий русский ученый говорил о том, что «Основы» — любимое его дитя, что в них образ его, его опыт педагога, его задушевные научные мысли. В музее Д. И. Менделеева сохранилась переписка по этому поводу. Предложение исходило от М. М. Филиппова.

«Милостивый государь Дмитрий Иванович,— писал Филиппов в сентябре 1889 г.,—я давно уже задумал перевести изданное Вами сочинение «Основы химии» на французский язык. В бытность мою в Париже, в июне

настоящего года, я имел случай поговорить об этом предмете с издателями и убежден, что Ваш труд будет иметь большой успех. Ввиду этого обращаюсь к Вам с просьбой содействовать мне в этом деле Вашим согласием и, если бы Вы имели на то хотя некоторый досуг, Вашими советами и указаниями. Если бы Вы, например, составили небольшое предисловие к французскому переводу, то такое предисловие могло бы значительно способствовать успеху книги... Что касается моей подготовленности к такой работе, то касательно французского языка свидетельством может служить то, что я пишу свободно по-французски (так в «*Journ. de Math. elem. et spec.*»¹ за 1887 г. помещена моя статья «*Simplifications du calcul abgebrigue*», а в «*Nouvelle Revue*» вскоре появится моя статья политического характера². Что же касается химии, то я имел честь в 1884 г. держать у Вас экзамен по неорганической химии и вполне удачно (держал я по математическому факультету на кандидата). Да, кроме того, в случае принципиального согласия с Вашей стороны, я могу представить Вам пробный перевод 2—3 страниц из Вашей книги. Имею последнее (V) издание.

Примите уверение в моем совершенном уважении к Вам.

Михаил Филиппов.

В конце сентября уезжаю в Париж с целью слушать органическую химию³.

Дальнейшая переписка Филиппова с Менделеевым свидетельствует о том, что работа переводчика носила отнюдь не механический, а творческий характер.

«Мой французский перевод «Основ химии» уже начат, и переговоры с издателем близятся к благополучному концу,— пишет Филиппов Менделееву из Парижа.— Когда сладится вполне, сообщу особо. Занимаясь этим делом, я между прочим напал на обобщение, о котором сообщил и председателю Химического общества (ответ от

¹ «Журнал элементарной математики и физики», издававшийся в Париже.

² Речь идет о статье М. М. Филиппова, опубликованной в Париже в начале 1890 г. в «*Nouvelle Revue*» о польско-русском вопросе.

³ Научный архив Д. И. Менделеева. Ленинградский гос. ун-т (НАМ ЛГУ), альбом 2, л. 239, док. 308. Автограф.

Л. И. ФИЛИПОВА
Фотография 80-х годов XIX в.

него пока не получал). Не сообщите ли Ваше мнение?» Приводя ряд примеров, Филиппов утверждает, что все металлы образуют в термохимическом отношении ряд, вполне соответствующий периодической системе элементов. В доказательство им приводится специальная таблица, в которой числовые данные взяты из работ Томсена, Бертело и Фукрана.

«К сожалению, у меня нет данных для редких металлов,— продолжает он.— Для галоидных и всех иных радикалов я нашел также постоянные законы, проявляющиеся лишь при рассмотрении растворов. Это следствие закона Томсена, им подмеченное»⁴.

⁴ Там же, л. 251, док. 320. Автограф.

Знакомство с Д. И. Менделеевым послужило серьезным толчком к глубокому изучению Филипповым химии. Впоследствии он проводил пирохимические опыты в соединении с электропередачей без проводов, о чем мы скажем более подробно в дальнейшем.

С 1884 г. М. М. Филиппов продолжает свою деятельность в журнале «Русское богатство». Редакция поручает ему отдел научных новостей. Михаил Михайлович публикует здесь множество заметок и сообщений по различным вопросам науки и техники: о противохолерных прививках, приспособляемости животных, об успехах телефонии, летательных аппаратах, цветной фотографии и т. д.

На почве совместного сотрудничества в «Русском богатстве» возникла дружба Филиппова с Любовью Ивановной Столяровой⁵, ставшей его женой. Любовь Ивановна была верной подругой Филиппова, поддерживала его в самые трудные моменты жизни, помогая ему в научной и литературной работе.

В 1884 г. Л. И. Филиппова окончила в Петербурге Бестужевские курсы, прослушав полный курс наук и сдав выпускные экзамены на словесном отделении. Обоюдная любовь к литературе в значительной мере определила общность интересов молодой супружеской четы.

В 1885 г. в «Русском богатстве» (№ 5—6) моя мать опубликовала статью «Студенческая жизнь русской женщины», в которой проводились прогрессивные идеи женского образования.

В начале 80-х годов М. М. Филиппов глубоко заинтересовался вопросами марксизма. Первый том «Капитала» Маркса вышел впервые на русском языке еще в 1872 г. И как отмечал впоследствии М. М. Филиппов, «имел такой успех, что книга стала вскоре библиографической редкостью»⁶. В 1885 г. на страницах «Русского богатства» появляется написанная Филипповым первая в России по-

⁵ Любовь Ивановна Филиппова (1859—1929) сотрудничала не только в «Русском богатстве» до прихода в редакцию Н. К. Михайловского, но и в «Научном обозрении» (была секретарем редакции). После Великой Октябрьской социалистической революции руководила в Петрограде детскими учреждениями.

⁶ М. М. Филиппов. Современные русские экономисты.— «Научное обозрение», 1899, № 8, стр. 1541.

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ
Фотография 90-х годов XIX в.

ложительная рецензия на второй том «Капитала», изданный уже после смерти Маркса ⁷.

«Чтение второго тома, — пишет Филиппов, — конечно, не может прийтись по вкусу читателям, не привыкшим к серьезной работе мысли, если эта работа не облегчается теми блестящими остроумиями и тою страстною речью, какую мы видим во многих местах первого тома «Капитала». Второй том представляет в большинстве случаев лишь сухой, отвлеченный материал. Но для читателя, умеющего вдумываться в прочитанное, эти отвлеченные формулы вскоре облекаются плотью и кровью, и ему становится ясною глубокая жизненность вопросов, возбужденных

⁷ М. Ф и л и п п о в. Посмертный труд Карла Маркса (о 2-м томе «Капитала»). — «Русское богатство», 1885, № 10, стр. 179—198; № 11, стр. 183—190; № 12, стр. 187—198.

Марксом»⁸. В этом журнале печатаются также статьи и заметки Филиппова по поводу государственной росписи⁹ за 1885 г., полемики Герберта Спенсера и Лавале относительно закона борьбы за существование в социологии, теории Генри Джорджа по социальным вопросам с критическими комментариями автора статьи, направленными против американского мелкобуржуазного экономиста, на ошибки которого впоследствии указывал В. И. Ленин¹⁰. В 1887 г. Филиппов в одном из этюдов критикует субъективный метод в социологии, идеи теоретика русского народничества и «властителя дум» определенной части русской интеллигенции Н. К. Михайловского. Филиппов подчеркивал, что «своими идеалами интеллигентного русского «разночинца» он часто измеряет степеней благополучия и русских мужичков и английских рабочих, не справляясь с тем, что думают об этом сами мужички и фабричные»¹¹.

В ряде статей о международной политике Филиппов выступает ярким противником прусского милитаризма и его вдохновителя Бисмарка; при этом проявляет активный интерес к вопросам славянской общности, пробуждению национального самосознания славянских народов, их борьбе за независимость¹².

Говоря о научной деятельности Филиппова периода 80-х годов, следует особо остановиться на его трудах в области математики. В 1887 г. в Петербурге вышла отдельной книжкой его работа «Упрощение основных алгебраических действий», где излагался открытый им способ упрощения алгебраических выкладок, производимых над рациональными выражениями. В предисловии М. М. Филиппов писал: «Свои «права на первенство» я достаточно оградил заметкой, помещенной в 1885 г. в мемуарах французской академии. Что же касается вопроса, стремлюсь ли я к замене современного обозначения своими

⁸ «Русское богатство», 1885, № 10, стр. 190.

⁹ Государственная роспись — план ведения финансового хозяйства России, составлявшийся на определенный срок. Государственные росписи составлялись ежегодно Министром финансов на основе смет отдельных министерств и главных управлений и утверждались Государственным советом.

¹⁰ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 381—382.

¹¹ М. М. Филиппов. Литературная деятельность г. Михайловского. — «Русское богатство», 1887, № 2, стр. 150.

¹² М. М. Филиппов. Славянская взаимность в настоящем и будущем. — «Славянские известия», 1889, № 1—2, стр. 5—7.

собственными, я должен дать на него отрицательный ответ. Одно не исключает другого,— подобно тому как в аналитической геометрии «сокращенный способ» употребляется наряду с декартовским. Так, например, мое обозначение становится слишком абстрактным при значительном числе переменных и требует введения новых символов. Оно не дает особых выгод при действиях над выражениями, содержащими многие радикалы.

Мое обозначение, по всей вероятности, проложит себе дорогу не только в теории форм, но и в теории уравнений, теории симметрических функций, в аналитической геометрии и в теории чисел. Сверх того, оно приведет к новым исследованиям в области теории соединений, что оказывается необходимым для распространения нашего метода на значительное число переменных».

«Наблюдательный математик, М. М. Филиппов использует в этой работе сходство между нормальной формой числа, записанного в некоторой системе счисления, и расположенным многочленом, в целях упрощения записи действий над многочленами. Упрощение состоит в том, что не пишется неизвестная, по которой расположен многочлен, не пишутся знаки сложения, действия умножения и деления сводятся к соответствующим действиям над коэффициентами по схеме, представляющей собой таблицу с двумя входами. М. М. Филиппов рекомендует ввести такой способ выполнения действий даже в начальный курс алгебры»¹³. Несколько позднее Филиппов посвящает большую статью анализу трудов великого русского математика Н. И. Лобачевского и его неевклидовой геометрии, высказывая ряд оригинальных суждений, представляющих особый интерес в свете современной физики вообще и теории относительности в особенности. Он защищает тезис об объективности пространства и времени, в пользу этого утверждения выдвигаются новые механические и, что особенно важно, физические аргументы, утверждается, что проблема единства времени и пространства имеет по существу физический характер¹⁴.

¹³ М. М. Филиппов. Этюды прошлого. М., 1963, стр. 339. (В. М. Боцу, А. А. Лобева. «О математических работах М. М. Филиппова»).

¹⁴ См. М. М. Филиппов. Пространство Лобачевского и многомерное пространство.— «Научное обозрение», 1894, № 15, 19, 22, 24, 25, 27 и 28.

Одной из значительных работ М. М. Филиппова в области математики явилась также «Элементарная теория вероятностей», опубликованная впервые в «Научном обозрении», а затем изданная в 1896 г. отдельной книгой. Она написана в живой, популярной форме, изобилует рядом интересных примеров и задач. В ней, в частности, анализируется теория ошибок при наблюдениях и высказываются мысли о применении теории вероятности к вопросам естествознания. Отмечая случаи злоупотребления теорией вероятности и ее вульгаризации, М. М. Филиппов приводит в качестве примера забавный исторический рассказ: «Тарквиний Древний вызвал авгура Акция Невия на своеобразное состязание, спросив его: «Возможно ли то, о чем я думаю?» Авгур принял вызов и сказал: «Да». «Значит возможно, — ответил царь, — чтобы ты разрезал кремень бритвой?» Невий взял бритву и... разрезал кремень. Французский философ, историк и математик маркиз Кондорсе задался целью вычислить вероятность этого события, предполагая, что со времени изобретения бритв около миллиона кремней не могли быть разрезаны. В более позднее время известный французский математик Бертран не без остроумия сказал по поводу этой попытки применения теории вероятности: „Вместо того чтобы считать кремни, не мешало бы сосчитать число монархов, которых обманывали авгуры, и число историков, веривших всяким басням”». Подобная публицистичность стиля, даже при изложении сложных научных теорий весьма характерная для творчества М. М. Филиппова, способствовала популярности его работ.

М. М. Филиппов и «славянский вопрос»

В конце 70-х годов славянские народы, населявшие Балканы, с особой остротой испытывали гнет турецкого и австро-венгерского ига. У всех передовых, мыслящих людей не вызывала никакого сомнения необходимость пробуждения национального самосознания славянских народов и борьбы за их независимость. Однако у значительной части славянофильских кругов сло-

жились шовинистические взгляды. Особенно яркое отражение они нашли в реакционной книге одного из видных деятелей славянофильства Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», в которой отстаивалась теория «низменных культурно-исторических типов» и была предпринята попытка историко-философского обоснования панславизма. Незадолго до этого один из ведущих деятелей славянофильства К. С. Аксаков, сын известного писателя, сформулировал программу «панславизма». Сущность ее сводилась к идее объединения славянских стран под началом царской России. Пропагандистом этой программы был его брат И. С. Аксаков. В ответ на это польские панслависты выдвинули идею «славянских соединенных штатов» под эгидой Польши без какого бы то ни было участия России.

Обе эти программы рассматривали вопрос о единении славян с националистических позиций, в отличие от Чернышевского и Герцена, ратовавших за демократическую солидарность и культурное сближение славянских народов.

Борьба славянских народов за свое национальное освобождение во второй половине минувшего века была в центре внимания мирового общественного мнения, в особенности в связи с сербско-турецкой и русско-турецкой войнами.

Ф. Энгельс видел решение славянского вопроса в перспективах русской революции, которая в первую очередь могла бы принести «пробуждение малых славянских народностей Восточной Европы от грез панславизма»¹.

Идеология славянофилов отражала интересы помещиков, находившихся под угрозой наступавшего капитализма. Социально-экономические и политические тенденции поборников славянофильства отличались крайней противоречивостью.

Возвеличение «самобытных особенностей» и особого пути развития славянских народов нередко приобретало окраску квасного патриотизма.

Филиппов редактировал в 1889 г. «Славянские известия», но он пытался проводить на страницах этого журнала идеи, близкие по своему духу идеям революционных демократов. Вообще связи Филиппова со славянофилами были весьма непродолжительными. Он полностью порыв-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 146.

вает их после реакционных выступлений Данилевского в «Славянском благотворительном обществе».

Официальным поводом для разрыва послужило опубликование Филипповым в 1889 г. на страницах «Славянских известий» статьи «Русские»². Это был своеобразный сочувственный некролог на смерть Салтыкова-Щедрина, вызвавший бурю возмущения в славянофильских кругах. Славянофилы считали, что великий русский сатирик принадлежит к вражескому лагерю, отрицавшему «великую культурную миссию» славянства.

«Подобная точка зрения,— писал Филиппов,— доказывает лишь неправильное понимание как смысла сатиры Щедрина, так и истинных задач самого славянофильства. Щедрин, конечно, не был славянофилом, но и славянофильство не есть учение, требующее одного лишь самовозвеличения и самовосхваления или же признающее все славянское и, в частности, все русское, достойным похвалы. Щедрин, как уверяли нас, действовал на почве исключительно отрицательной и будто бы не видел в русской жизни ни одного луча света, никакого основания для положительной деятельности. Доходили до того, что утверждали, будто Щедрин страдал болезнью человеконенавистничества, будто он презирал русский народ и даже вздыхал по блаженным временам крепостного права! Это он-то, автор «Пошехонской старины!»»

Доказывая на ряде примеров нелепость этих обвинений в адрес великого русского сатирика, Филиппов продолжал: «Если бы даже было справедливым утверждение, что Щедрин довольствовался только отрицанием, то спрашивается, с каких пор признано, что борьба с теми сторонами жизни, которые действительно заслуживают отрицания, сама по себе не составляет заслуги?.. Великую зидительную силу имеет всякое отрицание, опирающееся не на чувство личной злобы, не на своекорыстный расчет, но на идею справедливости, а эта идея проходит через все произведения Щедрина. Он мог ошибаться, но никогда не руководствовался мелочными эгоистическими порывами. Поверхностные читатели, а в особенности те, которых Щедрин удачно назвал «читателями-ненавистниками», конечно, склонны выискивать в его произведениях прежде всего то, что задевает их собственное мелкое самолюбие и

² «Славянские известия», 1889, № 19, стр. 473—475.

их застарелые предрассудки. Так, вычитав в «Историй одного города» резкие нелестные суждения сатирика о «глуповцах», многие серьезно вообразили, что под «глуповцами» и «головотяпами» подразумевается весь русский народ, со всеми сторонами его быта, забывая при этом, что сатира по самому свойству своему должна считаться лишь с глупостью и пороком и что из этого вовсе не следует, будто сатирик не признает существования мудрости и добродетели».

Нам думается, что мысли, высказанные Филипповым, не утратили своего значения и в наше время. К ним следовало бы прислушаться тем нашим современникам, которые расценивают сатиру по известному принципу:

Я за смех, но нам нужны
Подобнее Щедрины —
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали! ³

Комментируя слова Щедрина об интеллигенции, Филиппов приводит следующее высказывание русского сатирика.

«В последнее время многие огульно обвиняют нашу интеллигенцию во всех неурядицах и неустройствах... Но, ведь, если и можно забыть интеллигенцию в грязь — что же тогда останется?» ⁴

По этому поводу Филиппов пишет:

«Могут возразить — останется народ, с его вековыми устоями и идеалами. Но Щедрин прав, когда указывает на то, что эти устои и идеалы распатаны не столько вредоносным влиянием интеллигенции, сколько теми народами, которые возникли на народном теле от заразы, привитой еще в эпоху крепостного права».

Отводя от Щедрина обвинение в том, что он был далек от политических вопросов, Филиппов отмечает: «Политикой Щедрин не занимался и особенно не любил мелкое политиканство, утверждая, что оно отвлекает интеллигенцию от полезной внутренней работы. Но как он судил о политических вопросах, видно хотя бы из следующих его слов:

³ Юрий Б л а г о в. Сатирические стихи. М., 1957, стр. 87.

⁴ Цит. по кн. «Славянские известия», 1889, № 19, стр. 473—475.

«С какого права признано необходимым, чтобы Сербия, Болгария, Босния не смели устраиваться по-своему, а непременно при вмешательстве Австрии? С какой стати Германия берется помогать Австрии в этом деле? Почему допускается вопиющая несправедливость к выгоде сильного и в ущерб слабому? Зачем нужно держать в страхе соседей? Добрые гении пролагают железные пути, изобретают телеграфы, прорывают громадные каналы, мечтают о воздухоплавании, одним словом, делают все, чтобы смягчить международную рознь; злые, напротив, употребляют все усилия, чтобы обострить эту рознь... Потом: «немецкие фабриканты совсем завладели Лодзью», «немецкие офицеры живут в Смоленске», «немецкие офицеры генерального штаба появились у Троицы — Сергия». Что им понадобится? Ужели они мечтают, что германское знамя появится на Ярославском шоссе и село Братовщина будет примежевано к германской империи?»

Статья М. Филиппова «Русские» служит убедительным свидетельством истинного отношения ее автора к «славянскому вопросу».

Официальный разрыв со славянофильством отнюдь не повлиял на отношение Филиппова к проблемам национального самоопределения славянских народов. В 1890 г. в Петербурге вышла его книга «Хорваты и борьба их с Австрией», в которой он, между прочим, резко критикует славянофилов А. Н. Майкова и А. Н. Пыпина, «упразднивших» хорватский народ, и оспаривает «шаблонное мнение славянофилов, признающих всех славян-католиков отщепенцами славянства». В этот же период Филиппов подготовил книгу «Чехи в борьбе за свое государственное право», о чем читатели извещались специальным объявлением. Однако по цензурным соображениям эта работа не увидела свет.

Свидетельством глубокой симпатии и уважения к чешскому народу является очерк о жизни и общественной деятельности выдающегося религиозного реформатора, сына чешского народа Яна Гуса, родившегося в 1369 г. Филиппов справедливо отмечал, что во всех суждениях о Гусе главную роль играет не столько его учение, сколько его жизнь и героическая смерть. Но и само учение Гуса имело немаловажное значение для своего времени, и прежде всего его нравственное мужество, стойкость в защите своих убеждений. Для Гуса характерна проповедь

широкой терпимости, требования безусловной свободы мысли и убеждения, полного согласования учения с жизнью, слова с делом.

«Жизнь Гуса и особенно его мученический конец,— писал Филиппов,— ставят его в один ряд с такими деятелями и мучениками идеи, как Сократ и Джордано Бруно». «Гус погиб, но по известному изречению, пламя от его костра охватило все чешские земли и потрясло основания самой Римской империи. Гуситские войны, победы Жижки и других гуситских вождей были ответом палачам Гуса. Влияние Гуса на умственное развитие чешского народа, сказывается до сих пор. В минуты великих национальных бедствий гуситский дух, живущий в чешских народных массах, не раз спасал их от материального и нравственного порабощения»⁵.

Сочувствие национально-освободительной борьбе славянских народов привлекло внимание Филиппова и к личности выдающегося русского полководца генерала М. Д. Скобелева. В 1894 г. в биографической серии «Жизнь замечательных людей», издававшейся Ф. Павленковым, вышел биографический очерк о Скобелеве, написанный Филипповым.

Русско-турецкая война 1877—1891 гг. имела прогрессивное значение, ибо она была связана с освобождением от турецкого ига славянских народов, населяющих Балканы. В Болгарии до сих пор чтут имя Скобелева, отдавая дань той исторической роли в деле национального самоопределения болгарского народа, которая принадлежит русской армии и ее выдающемуся военачальнику—«белому генералу», как называли Скобелева его современники. Победа русской армии в этой войне обеспечила независимость Румынии, Сербии, Черногории и освободила Болгарию от турецкого ига.

Биография Скобелева — это не только жизнеописание выдающегося полководца, характеризующее его военную, административную и общественную деятельность, суворовские традиции, которые он воспитывал в русском солдате; автор очерка освещает политическую обстановку, вызвавшую русско-турецкую войну.

Высоко оценивая военный талант Скобелева, биограф отнюдь не идеализировал его политические убеждения.

⁵ М. Ф и л и п п о в. Ян Гус. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. «Жизнь замечательных людей». СПб., 1891, стр. 77—78.

Филиппов писал, что «парадоксы Скобелева объясняются лишь тем, что военный практик в нем поневоле сталкивается с политиком». Никогда не настанет время, в которое мы будем в состоянии обойтись без войны, — говорил Скобелев, — неужели вы действительно верите в утопию грядущего золотого века!»

Комментируя приведенное выше заявление «белого генерала», Филиппов замечал: «На это можно было бы возразить, что стряпня на кухне будущего человечества есть вещь во всяком случае рискованная и что не верить в утопию вечного мира так же неосновательно, как и верить в нее. Можно только по известным фактам определить, накаплиются ли под влиянием цивилизации шансы мира или же шансы войны»⁶.

Книга о Скобелеве проникнута глубокой симпатией к угнетенным славянским народам. Вопрос о солидарности славян Филиппов рассматривал с позиций взаимного уважения, равноправия и сближения братских культур.

В годы Великой Отечественной войны западные славянские страны, как никогда, ощутили помощь Советского Союза в борьбе за свое национальное освобождение. «К многовековым традициям *славянской общности* (курсив мой. — Б. Ф.) давно уже добавились нерушимые узы совместной борьбы за свободу, независимость и социальный прогресс наших народов. В смертельной схватке с фашизмом за свободу и независимость первой страны социализма, за освобождение других поработенных народов отдали свои жизни свыше 20 миллионов советских людей. И на территории Чехословакии разбросаны могилы более ста тысяч советских воинов. Вместе с героическими чехословацкими патриотами, вместе со славным корпусом Людвика Свободы сражались эти люди за освобождение Чехословакии от гитлеровского фашизма. Именно тогда, в эти суровые годы, были заложены крепкие основы единства и братства наших народов».⁷ Важнейшим итогом разгрома гитлеровской Германии явилось победное шествие социализма и образование мировой социалистической системы.

⁶ М. М. Ф и л и п п о в. Скобелев. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. «Жизнь замечательных людей». СПб., 1894, стр. 77.

⁷ «Защита социализма — высший интернациональный долг». — «Правда», 22 августа 1968 г.

Понятие «славянской общности» приобрело совершенно новое значение. Идеям национализма и шовинизма содружество социалистических славянских стран противопоставило идеи пролетарского интернационализма, культурного сближения, экономической взаимопомощи, взаимной солидарности.

Братская, нерушимая дружба социалистических стран служит в то же время гарантией мира и безопасности, верной защитой от новых попыток порабощения славянских народов, от внутренней контрреволюции и реставрации капитализма.

В наше время особое значение имеет предвидение Ф. Энгельса, ставившего решение так называемого «славянского вопроса» в зависимость от русской революции.

За границей

После бурного расцвета демократических идей в 60-х годах прошлого столетия наступил период резкого упадка общественных сил и возрождения метафизической реакции в области философии и естествознания, что нашло отражение и в периодической печати.

В это время была особенно необходима консолидация сил передовых русских ученых для совместного наступления на воинствующий идеализм. Заветной мечтой М. М. Филишова являлось создание журнала, который стал бы трибуной материалистической науки и борьбы за общественный прогресс. Однако осуществить эту мечту было не так легко. Для этого требовалось заручиться не только поддержкой единомышленников, но и преодолеть многие трудности, связанные с получением разрешения на издание.

Предварительная рекогносцировка в этом направлении принесла мало утешительного. В официальных сферах ему весьма недвусмысленно намекнули, что лицу, не являющемуся капиталистом-издателем и не имеющему определенного сословного положения или научного звания, обращаться в Главное управление по делам печати бесполезно.

После долгих размышлений и попыток найти выход из создавшегося положения, М. М. Филиппов предпринимает длительную поездку за границу, с целью не только собрать материалы по интересующим его научным и литературным вопросам, но и получить, по его собственному ироническому выражению, «ярлык» на право издания журнала. Таким «ярлыком», или «патентом», могла явиться ученая степень.

В письме из Парижа редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому Филиппов пишет по поводу защиты докторской диссертации за границей: «Вы скажете, что я мог бы сделать это и в России. К сожалению, в России для меня в этом отношении существует препятствие, не мною созданное, и, так сказать, казуистического характера. В научном отношении здесь будет много труднее, но в юридическом гораздо легче»¹.

Под «юридической» стороной вопроса и «казуистическими препятствиями» Филиппов подразумевал не какие-либо формальные затруднения. Он попросту опасался, что помехой послужат его политические убеждения, известные Министерству просвещения и университетским кругам.

Это решение, побудившее Филиппова оставить Россию на продолжительное время, далеко не соответствовало «ни материальным средствам, ни литературным склонностям», как писал он в упомянутом выше письме.

В течение всего двухлетнего пребывания за границей Филиппов не терял понапрасну ни минуты времени. Для него эти годы были периодом упорной и напряженной работы. Именно тогда он написал ряд биографических очерков, изданных Ф. Павленковым в серии «Жизнь замечательных людей», статьи о чешском народном театре, ряд статей по философии и международным вопросам для «Русского богатства», «Исторического вестника» и парижского журнала «Nouvelle Revue».

Выехав за границу в конце 1889 г., Филиппов прежде всего направился в Прагу, где им были собраны материалы связанные с жизнью и деятельностью великого мыслителя и борца за национальную независимость чешского народа Яна Гуса.

¹ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Архив С. Н. Шубинского, оп. 1, № 67, лл. 234, 235 об. Автограф.

Последовавшая за этим поездка в Италию также не прошла для Филиппова бесследно. По-видимому, широкий энциклопедизм да Винчи, его поразительная осведомленность в вопросах механики, которую он называл раем математики, потому что в ней пожинаются плоды того, чему учит математика, его знание физики, гидродинамики, изучение воздухоплавания, его идеи в области физической астрономии и геологии, его превосходные географические познания, гений художника привлекали Филиппова в великом сыне итальянского народа. Энциклопедизм Леонардо отвечал духовным интересам Филиппова. Будучи в Италии, молодой русский ученый уделял много внимания исследованию материалов о великом художнике и мыслителе. По возвращении на родину он написал биографический очерк о Леонардо да Винчи, который заканчивается следующими словами:

«Работая во всех областях знания и искусства, он (Леонардо.— *Б. Ф.*) всюду был оригинален и велик; и не его вина, если его заслуги в области науки и философии были оценены слишком поздно и даже теперь не получили еще всеобщего признания. Но мы уверены, что рано или поздно *история науки* отведет Леонардо да Винчи такое же место, какое он занимает в *истории искусства*»².

В Италии Филиппов пробыл около трех месяцев, посетив Рим, Венецию, Милан, Флоренцию, Капреру— родину Гарибальди. Надо сказать, что Италия произвела на Филиппова крайне двойственное впечатление. Здесь он встретился и со свободолюбивыми традициями, завещанными Гарибальди, и в то же время с воинствующим клерикализмом, процветавшим под эгидой главы римско-католической церкви. Незадолго до этого папа Лев XIII издал свою пресловутую энциклику, согласно которой весь род человеческий подразделялся на две части — царство божие в лице «добрых католиков» и царство сатаны в лице всех остальных. Церковь способствовала тому, что в народных массах укоренялись религиозный фанатизм и средневековые суеверия.

Все это укрепило убежденность Филиппова в необходимости широкой пропаганды материалистических

² М. М. Ф и л и п о в. Леонардо да Винчи как художник, ученый и философ. Биографический очерк. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. «Жизнь замечательных людей». СПб., 1892, стр. 88.

знаний и активной борьбы против обскурантизма. Пребывание в Италии навсегда вселило в него ненависть к клерикализму. Много лет спустя, выступая против религиозно-мистических проповедей Владимира Соловьева об антихристе, Филиппов сопоставил концепцию русского философа-богослова с религиозными концепциями клерикалов.

В остром памфлете «Дьявол в конце XIX века» Филиппов писал: «Владимир Соловьев ввел в моду антихриста, а потому я не вижу особых препятствий говорить хотя бы о дьяволе»... Далее Филиппов в сатирической манере излагает историю некоего Габриеля Жогана, более известного под вымышленным именем Льва Таксилья, родившегося в Марселе 21 марта 1854 г., получившего строго католическое воспитание, но ставшего заклятым врагом клерикалов. Неоднократно он сидел в тюрьмах за статьи против епископов. 29 декабря 1881 г. он был приговорен к штрафу в 65 000 франков за книгу «Любовные приключения папы Пия IX», но добился отмены приговора. Новое издание этого «произведения» появилось в 1885 г., о чем было объявлено в огромных афишах с портретом Пия IX, окруженного венком из головок красавиц. Книга имела скандальный успех. Однако под влиянием материальных затруднений Таксиль неожиданно переменял фронт и объявил о своем обращении в лоно церкви. Его внезапное «просветление» нашло поддержку папского нунция в Париже, после чего Таксиль занялся энергичным «изобличением сатаны и его служителей» и выпустил четырехтомный «труд», представлявший собой неприкрытую, наглую литературную спекуляцию. После этого «научного» подвига Таксиль уже без всякого труда получил аудиенцию у папы, одобрявшего его творчество.

Вторая книга имела такой же успех у читателей, как и первая. Французское издание — при небывалом тираже — 100 000 экземпляров — разошлось молниеносно. Появились переводы — английский, немецкий, испанский, итальянский. Правда, немецкий переводчик патер Грубер отнесся к книге строже, чем папа Лев XIII, и опустил целый том «Массонские сестры» из-за явной скабрёзности.

Помощницей Таксилья была девица Диана Воган, которая родилась 29 февраля 1874 г., хотя этот год не был високосным ни по какому календарю. Таксиль утверждал, что в ее жилах течет кровь Люцифера и Астар-

ты, но неожиданно на нее снизошло небесное провидение. 19 апреля 1897 г. эта девица разослала видным представителям католического мира приглашения на лекцию, которую она вздумала прочесть в зале географического общества в Париже. В программе было обещано 54 стереоскопических изображения различных событий из ее жизни, изображение антихриста и т. д.

На приглашение откликнулась масса слушателей из среды духовенства. Каково же было изумление аудитории, когда на трибуну вышел Таксиль и заявил, что он и Диана Воган — одно и то же лицо. «С детства я любил мистифицировать людей, но все, что я делал в детстве, сущие пустяки по сравнению с тем, как 12 лет подряд я морочил католическое духовенство».

Излагая эту историю, М. М. Филиппов приходит к выводу, что «антихрист», придуманный в конце XIX в. Таксисем, все же носил на себе «некоторый отпечаток «современности», чего нельзя сказать о пророчествах Владимира Соловьева, в которых трудно отличить XX век от XIII»³.

Летом 1890 г. Филиппов выехал во Францию, а затем в Швейцарию и Германию. В Париже и Лозанне он установил связи с русскими политическими эмигрантами и прежде всего с Г. В. Плехановым.

Первая встреча Филиппова с выдающимся теоретиком и пропагандистом марксизма произошла на лекции Петра Лаврова «О критически мыслящей личности». Казалось, никто не был в состоянии противостоять патриарху народничества — движению, к которому некогда примыкал и Плеханов. Но вот начались прения. На трибуну вышел Плеханов, и его ясная убедительная, логическая речь опрокинула все доводы Лаврова, упорно не хотевшего признать рабочий класс России революционной силой.

Вскоре наступило время, когда Филиппов смог уже из Петербурга вступить с Плехановым в дружеский и деловой контакты.

Во время пребывания в Париже на Филиппова произвело гнетущее впечатление то убожество, с каким была представлена Россия на Всемирной выставке в 1889 г. Царское правительство проявило преступное равнодушие к национальным интересам русского народа и не оказало

³ «Северный курьер», № 165, 19 апреля 1900 г.

никакой материальной помощи устроителям русского павильона. По этому поводу, не скрывая своего гнева, Филиппов писал: «Русский народ представлен, вследствие отсутствия правительственной поддержки, несообразно с действительными умственными и вещественными силами»⁴.

Во Франции Филиппов слушал курс лекций знаменитого химика Бертелло и здесь же готовил диссертацию по высшей математике. Только в 1892 г. он прибыл в конечный пункт своей заграничной поездки — Гейдельбергский университет в Германии. Выбор был сделан молодым ученым отнюдь не случайно. Он руководствовался советом своего наставника Д. И. Менделеева, находившегося в Гейдельберге с 1859 по 1861 г. в научной командировке. Об этом периоде жизни Менделеева в «Русском вестнике» была даже опубликована повесть Л. Ф. де Роберти. И. С. Сеченов, занимавшийся в то же время в Гейдельбергском университете, писал: «В Гейдельберге, тотчас по приезде, я нашел большую русскую компанию. Менделеев сделался, конечно, главою кружка, тем более, что, несмотря на молодые годы (он моложе меня летами), был уже готовым химиком, а мы учениками»⁵.

Еще до защиты докторской диссертации Филиппов обратил на себя внимание научного мира Германии статьей «Символические числа и двойные числа», опубликованной в немецком журнале Шлемильха. Защита диссертации дала Филиппову ученую степень. По традиции текст диплома был написан по-латыни и звучал торжественно и обнадеживающе:

«Да будет это к добру, счастью и благополучию: под покровительством всеавгустейшего и державнейшего властителя и государя Фридриха, великого герцога Баденского, герцога Уэрингенского и прочая, и прочая, славнейшего ректора университета, при славном проректоре университета, знатнейшем и славнейшем муже Альберте Мерксе, докторе богословия и философии и ординарном профессоре экзегетики Ветхого завета, тайном советнике великого герцога Баденского и кавалере ордена Уэрингенского Льва; мы, старший декан и прочие профессора физического факультета в университете Рупрехта — Карла, ученейшего и просвещеннейшего мужа Михаила Филип-

⁴ «Славянские известия», 1889, № 19, стр. 473—475.

⁵ «Нева», 1968, № 1, стр. 217—218.

пова-Окнинского (по месту рождения М. М. Филиппова в с. Окнине.— *Б. Ф.*), после того, как он представил старательно разработанную диссертацию под заглавием «Инварианты линейных однородных дифференциальных уравнений»⁶ и с величайшей похвалой выдержал 6 декабря 1892 г. установленные законом экзамены, признаем его доктором натуральной философии». Наконец «ярлык» был получен!

Весной 1893 г. Филиппов вернулся в Петербург. Диплом не мог не произвести впечатления на умы официальных вершителей судеб русской литературы и науки, возглавлявших Петербургское цензурное ведомство, и Филиппов сразу же начал подготовку к выпуску научного журнала. Однако, хотя этого в конце концов и удалось добиться, докторский диплом не принес своему владельцу ни добра, ни счастья, ни благополучия! Он лишь сопутствовал молодому доктору натуральной философии в его «хождениях по мукам». Но несмотря на все препятствия, возникавшие на пути Филиппова, его научная деятельность в 90-х годах была продуктивной и многообразной. Он упорно и настойчиво продолжал писать, отликаясь на самые актуальные и разнообразные вопросы науки, литературы и общественной жизни, отдавая в то же время много сил и энергии своему любимому детищу — наконец основанному и редактируемому им журналу «Научное обозрение».

Ученый-материалист

Основным капитальным трудом М. М. Филиппова периода 1895—1897 гг. является двухтомная «Философия действительности (история и критический анализ научно-философских мирозерцаний от древности до наших дней)». В этой книге Филиппов рассматривает развитие философской мысли, начиная с первых материалистов древней Греции, причем в неразрывной связи с прогрессом естествознания и техники. Истоки современного знания он находит в учениях ионийской натурфилософской школы, в

⁶ Диссертация была написана Филипповым на французском языке.

теориях Гераклита, Эмпедокла, Анаксагора, в учении софистов, в атомистике Левкиппа и Демокрита. С особой полнотой он критически анализирует учение Аристотеля. Все эти теории Филиппов оценивает главным образом с точки зрения того, насколько они способствовали развитию точных научных знаний.

Вторая часть труда Филиппова включает подробный анализ и глубокую критику схоластики и метафизики в средние века и последовательное изложение постепенного развития научной мысли этого периода от Альберта Великого и Роджера Бэкона. Переходя к Новому времени, он освещает развитие научных знаний в связи с философскими системами в области космогонии, палеонтологической эволюции, эволюции органического мира, психологической и социальной эволюций. Все основные направления подвергаются острому критическому разбору с позиций научного материализма.

В предисловии к сочинению Филиппов четко определяет свою позицию: «История сама по себе едва ли представляет интерес, если из нее не извлекаются выводы, имеющие значение для настоящего и будущего: важнейшим же результатом моего труда я считаю тот вывод, что вообще философские системы, пытающиеся отделить себя от науки, окончательно отжили свой век. Как бы ни были велики их заслуги в прошедшем, для настоящего времени метафизические учения являются лишь тормозом, задерживающим развитие мысли, и поэтому должны быть признаны орудием регресса».

Яркие страницы книги посвящены великому учению Маркса и Энгельса, причем Филиппов подчеркивает, что «грубейшим заблуждением является мнение, что учение, признающее экономическую эволюцию основой всего общественного развития или вместе с нами усматривающее в ней главный социальный элемент, влечет за собой проповедь политического, умственного и нравственного индифферентизма. Как раз наоборот! Именно это учение требует устранения всяких правовых, умственных и нравственных оков, препятствующих ходу социальной эволюции.

Конечная цель этого учения — развитие общественного самосознания и достижение истинной свободы. Понять закон развития вовсе не значит слепо подчиниться ему. Научное познание действительности устраняет несбыточные утопии, содействуя построению достижимых

М. М. Филипповъ.

ФИЛОСОФІЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

ТОМЪ II-й

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. Пороховщикова, Басейная, д. № 3—5

1898

*Титульный лист книги М. М. Филиппова
«Философия действительности»*

идеалов, но в то же время оно придает силы и мужество в великой жизненной борьбе»¹.

На посвященном памяти М. М. Филиппова заседании институтов истории естествознания и техники, философии и экономики Академии наук СССР в 1958 г. указывалось, что ученому было присуще стремление обобщить те принципы науки XIX в. и предшествующих столетий, которые прокладывали дорогу естествознанию XX в. Изучение истории науки помогло Филиппову прийти, например, к выводу о зависимости свойств пространства и времени от физических процессов, высказать оправданное впоследствии предположение о том, что развитие теории электромагнитных и гравитационных полей приведет к физической интерпретации неевклидовой геометрии².

Исторически подходя к изучению научных и технических проблем, Филиппов правильно сумел определить, каким направлениям науки принадлежит будущее. Именно поэтому его глубоко интересовали теория инвариантов в математическом анализе, теория вероятности, неевклидова геометрия и понятие о многомерном пространстве в связи с проблемой пространства и времени. Одновременно ученый увлекался вопросами кинетики химических реакций, развития органического мира, наследственности, происхождения жизни и, наконец, такими совершенно новыми в то время областями науки, как радиотехника и телемеханика.

В биографии Паскаля Филиппов высказывает мысли, представляющие большой интерес и в наши дни, когда некоторые функции, свойственные человеческому мозгу, выполняют «думающие» машины. Так, говоря об изобретении Паскалем арифметической машины, Филиппов приходит к выводу, что тем самым доказывается возможность замены не только физического, но и умственного труда механическими приспособлениями³.

К числу основных философских работ Филиппова следует отнести также «Судьбы русской философии».

¹ М. М. Ф и л и п п о в. Философия действительности (история и критический анализ научно-философских мирозерцаний от древности до наших дней), т. I и II. СПб., 1897, стр. 1177.

² «Вестник Академии наук СССР», 1958, № 12, стр. 106.

³ См. М. М. Ф и л и п п о в. Паскаль, его жизнь и научно-философская деятельность. Биографический очерк. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. «Жизнь замечательных людей». СПб., 1891, стр. 15—16.

В эту книгу вошли очерки, опубликованные им в конце 90-х годов прошлого столетия, главным образом в «Научном обозрении» и частью в «Русском богатстве». Отдельным изданием «Судьбы русской философии» вышли в Петербурге уже после смерти Филиппова, в 1904 г. При этом издатель Н. Глаголев изъясил из книги критический очерк о Н. К. Михайловском, где Филиппов выступал противником субъективного метода в социологии.

Научный подход к оценке развития философской мысли в России является характерной чертой этой работы.

«История философии,— пишет Филиппов,— нередко излагается таким образом, как будто философы составляют особую человеческую породу, живущую отдельной жизнью и ничем не связанную с простыми смертными. Происхождение и смену философских систем изображают как плод только личного творчества того или другого мыслителя или как продукт заимствования и переработки чужих учений. При такой точке зрения история философии оказывается сводом разнообразных систем, случайно появляющихся и случайно исчезающих»⁴.

В очерках изложены и подвергнуты критическому анализу воззрения русских философов-идеалистов и представителей русской натурфилософии в первой половине XIX в., причем все вопросы рассмотрены в связи с общественными и экономическими условиями того времени.

Филиппов подчеркивает, что лучшим людям XVIII и XIX вв., стремившимся к пробуждению общественной мысли, приходилось наталкиваться на непреодолимые препятствия: «Достаточно напомнить об участии Новикова и Радищева. Первые попытки общественного самосознания, проявившегося в их деятельности, обошлись слишком дорого. Рассуждать дозволялось, но не иначе, как на основании устава благочиния»⁵.

В «Судьбах русской философии» показано реакционное влияние германского идеализма на философскую мысль России после войны с Наполеоном, а также дана характеристика идеализма ранних славянофилов — И. В. Киреевского, М. П. Погодина и др. Далее подробно анализируется сущность российской натурфилософии, представленной

⁴ М. М. Ф и л и п п о в. Судьбы русской философии. СПб., 1906, стр. 1.

⁵ Там же, стр. 4.

в Петербурге Д. М. Велланским и А. И. Галичем, и московские университетские влияния в лице последователей «шеллинговой философии» И. Н. Давыдова и М. Г. Павлова.

В очерке, посвященном Н. И. Надеждину, Филиппов отрицает приписываемое этому литератору и философу влияние на великого русского критика В. Г. Белинского: «Никак не чувство неблагодарности к эксплуатировавшему его издателю, а еще менее того мелкое чувство преемника, унижающего заслуги предшественника, но, наоборот, высокое чувство справедливости заставило Белинского отвергнуть всякую мысль о преемственной связи его деятельности с философской и критической работой Надеждина.

Средю, в которой вырос и окреп талант Белинского, был кружок Станкевича. Этот кружок, где кристаллизовались идеи и прекраснодушных мечтателей и будущих борцов, играет выдающуюся роль в истории русской философской мысли»⁶.

Философским взглядам Белинского посвящена вся вторая часть «Судеб русской философии».

«Оглядываясь еще раз на деятельность Белинского и подводя итоги его философским убеждениям, — писал Филиппов, — можно смело сказать, что в России было немного людей, сделавших так много для развития общественного самосознания. Труден был путь борьбы и сомнений, пройденный Белинским: прямолинейные люди, составившие свои убеждения еще на школьной скамье и никогда их не менявшие, иногда с гордостью сравнивают себя с Белинским. Они никогда не сомневались, никогда не испытывали мук, перенесенных Белинским: благо им, зато они не испытали и чувства нравственного возвышения и просветления»⁷.

Весьма вероятно, что к этим выводам Филиппова привел сложный путь его собственного идейного становления.

Сознавая величие идей Маркса и Энгельса, могучую силу их учения, Филиппов пришел к признанию марксизма как единственно научной теории только после того, как преодолел ряд колебаний.

Припомним, какие веяния принес с собой конец XIX столетия. По словам Ленина, это было время, когда

⁶ М. М. Филиппов. Судьбы русской философии, стр. 199.

⁷ Там же, стр. 335.

«бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов... развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы»⁸.

Когда обнаружился раскол в марксистском лагере, Филиппов вначале склонялся в сторону «критиков», но вскоре отказался от всяких «поправок» к трудовой теории ценности и в статьях «Мнимая антиномия»⁹ и «Итоги полемики о ценности»¹⁰ выступил против ревизионизма в лице его главных представителей в России — Струве, Туган-Барановского, Бердяева.

Статья М. Филиппова «Новый идеализм» определяет его отношение к ортодоксальным марксистам, в частности к Плеханову-Бельтову. Говоря о «Критических очерках» Струве и «Монистическом взгляде на историю» Плеханова, Филиппов замечает, что из этих двух книг «произведение Струве отличается гораздо меньшей цельностью взглядов как в экономической, так и в философской области. Гораздо цельнее и выдержаннее миросозерцание ортодоксального марксиста Бельтова. Книга Бельтова и дальнейшие статьи того же автора (под псевдонимом — Кирсанов) в одном из русских журналов¹¹ были последним словом русского диалектического материализма и, следует добавить, словом, с которым еще придется считаться новым идеалистам, несмотря на усвоенный ими высокомерный тон по отношению к точке зрения Бельтова, которой они придают наименование «элементарной», хотя следует сказать, что многие положения Бельтова до сих пор остались для них не вполне ясными»¹².

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 17.

⁹ М. Филиппов. Мнимая антиномия. — «Научное обозрение», 1900, № 5, стр. 903—913.

¹⁰ М. Филиппов. Итоги полемики о ценности. — «Научное обозрение», 1900, № 9, стр. 1553—1569.

¹¹ Имеется в виду «Научное обозрение».

¹² М. Филиппов. Новый идеализм. — «Научное обозрение», 1903, № 4, стр. 6—8.

В начале 1903 г. М. М. Филиппов подготовил к изданию собрание своих философских, социально-экономических и литературно-критических статей. По задуманному им плану, оно должно было состоять из пяти томов: I. История философии с древнейших времен. II. Критицизм и догматические системы. III. Судьбы русской философии. IV. Марксизм и его критики. V. История новейшей западной и русской литературы (вторая половина XIX в.).

Следует отметить, что это собрание сочинений включало далеко не все написанные им труды. Так, например, в него не вошли капитальный труд «Философия действительности», серия биографических очерков о деятелях мировой культуры, математические работы и т. д.

При жизни М. М. Филиппова в 1903 г. увидел свет лишь первый том «Истории философии с древнейших времен». Неожиданная смерть ученого помешала ему закончить издание.

В «Истории философии» Филиппов останавливается лишь на тех учениях, которые действительно составили эпоху в истории общественной мысли, отбрасывая все второстепенное и малосостоятельное. В первом томе излагается философия Востока, прежде всего Китая и Индии, причем подчеркивается, например, факт появления в Китае, в эпоху Мэн-цзы¹³, учения Хью-кина, носившего явные черты примитивного социализма. Хью-кин требовал, чтобы каждый князь наравне с простыми людьми жил лишь плодами своего личного труда. М. М. Филиппов подробно излагает воззрения современника Конфуция — китайского философа Ли Пе-яня, более известного по прозвищу Лао-цзы (старый мудрец). Этот философ — основатель даосизма — религиозной системы, привлекавшей внимание Льва Толстого.

В остальных главах первого тома характеризуются учения философов других стран древнего Востока и затем древней Греции и Рима.

Этот труд Филиппова свидетельствует о глубине его эрудиции, о широте его знаний, давших ему возможность исследовать и обобщить многочисленные философские теории, возникавшие в прошлом, и определить их роль

¹³ 372—289 гг. до н. э.

в дальнейшем развитии материалистической науки и философии.

Своеобразной энциклопедией научной и общественной мысли прошлого столетия явилась книга «Девятнадцатый век», изданная в Петербурге в 1900 г. под общей редакцией М. М. Филиппова. В сборнике освещаются вопросы, связанные с возникновением учения об эволюции организмов и биологическими идеями, положенными в основу современной материалистической науки о происхождении и развитии жизни на земле. Отдельные очерки посвящены успехам археологии, палеонтологии, достижениям техники и воздухоплавания, важнейшим проблемам философии, политическим событиям XIX в.

В книге дано 300 портретов выдающихся ученых, литераторов, художников, композиторов и государственных деятелей прошлого столетия. На этот раз цензура оказалась более «милостива» и разрешила поместить портреты основоположников научного коммунизма — Маркса и Энгельса.

Интересны и другие работы этого периода. В 1889 г. в «Научном обозрении» было опубликовано исследование «Современные русские экономисты», представлявшее собой разбор взглядов Н. Зибера, И. Кауфмана, Ю. Жуковского, Н. Даниэльсона, В. Воронцова (В. В.), Н. Михайловского и других представителей русской экономической мысли, стоявших на позициях псевдомарксизма или народничества. В свойственной ему полемической манере Филиппов подвергает критике воззрения тех, кто отстаивал принципы буржуазной политической экономии, искажал и ревизовал экономическое учение Маркса, изложенное в первом и втором томах «Капитала».

В 1899—1900 гг. М. М. Филиппов активно сотрудничал в прогрессивной газете «Северный курьер», издававшейся в Петербурге при участии М. Горького, В. Вересаева, В. Тана-Богораза, Т. Щепкиной-Куперник и других передовых представителей русской литературы. Внимание Филиппова привлекают проблемы крупного социального плана. На страницах «Северного курьера» он выступает со статьями в форме писем, объединенными под общим заглавием «Вопросы науки».

В первом же из этих писем («О банкротстве науки и конце мира») содержатся такие строки: «Современное буржуазное общество пытается превратить представителей науки, так же как и фабричных рабочих, в колеса капи-

талистического механизма. Капитал пользуется величайшими открытиями и изобретениями, подчиняет себе полет мысли, а порой и совесть людей». Опровергая распространяемые в то время слухи о якобы наступающем «конце мира», Филиппов отмечает, что «перед светом науки исчезают самые застарелые суеверия, самые неосновательные страхи, причиняющие настоящие психические эпидемии».

В письмах по вопросам народного здравоохранения он затрагивает наиболее актуальные проблемы своего времени, носившие социальный характер. В одной из статей рассказывается об открытии Рентгена и применении его в медицине, в других — о вреде алкоголя, отравляющего организм и сознание людей.

В конце прошлого столетия подлинным народным бедствием в России являлось массовое заболевание малярией. Количество больных ежегодно достигало трех миллионов человек, процент смертности был необычайно высок. В очередном письме Филиппов говорит о новой теории болотной лихорадки, о борьбе с малярией.

В письме «Накануне XX века» он подчеркивает необходимость борьбы с вековой отсталостью России и указывает на огромную важность разрешения вопроса о техническом образовании ближайших поколений.

В 1900 г. в «Северном курьере» печатаются статьи Филиппова, направленные против теософии и религиозного обскурантизма. Причины метафизической реакции Филиппов видел в общественных условиях, подчиняющих себе и индивидуальную мысль. Он говорил, что во все времена необходимость «самоуглубления» была следствием общественной растерянности и беспомощности.

Филиппов известен также как переводчик и редактор переводов трудов К. Маркса, Ч. Дарвина и других ученых-материалистов.

В личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле можно увидеть переведенную с немецкого, под редакцией М. М. Филиппова, работу К. Маркса: «Грей как предшественник Прудона. — О свободе торговли. — Теория единицы денежной меры». Эта книга, изданная в Петербурге в 1905 г., после смерти Филиппова, издательством «Пролетариат», вошла в конвюльт: К. Маркс. «Экономика». Конвюльт включил семь книг Маркса и хранился в рабочем кабинете В. И. Ленина как необходимый справочный материал.

В Кремлевской библиотеке В. И. Ленина имеется также книга А. Рия «Научная и ненаучная философия», вышедшая под редакцией М. М. Филиппова в Петербурге в 1901 г. Обе эти книги значатся в каталоге библиотеки под № 9, 63 и 1083.

Замечательной чертой деятельности ученого было то, что во всех своих работах он последовательно боролся за торжество материалистической науки, пролагая ей пути в будущее.

Беллетрист и критик

Все основные беллетристические произведения Филиппова относятся к периоду 1883—1890 гг. Наиболее ранним является рассказ из древнегреческой жизни «Прометей», опубликованный в 1883 г. в журнале «Век». Подлинное вдохновение художника может быть рождено лишь в результате знания и видения жизни, искусство требует жизненной правды — в этом основная мысль рассказа.

В 1887 г. Филиппов пишет историческую повесть «Остап». В архивах Пушкинского дома в Ленинграде сохранилась составленная им самим краткая аннотация его основных беллетристических произведений. Благодаря этой аннотации стало известно, что причиной создания данной повести послужила глубокая неудовлетворенность автора историческими романами Сенкевича, изображавшего казаков и Хмельницкого в самом непривлекательном виде.

Еще в детстве Филиппов слышал поэтические сказания и правдивые рассказы о гайдамаках и запорожцах, что отчасти и послужило ему материалом для повести. Он решил создать произведение, возможно более объективное. Тогда же Филиппов основательно изучил польский язык, чтобы пользоваться также польскими источниками. Повесть выдержала два издания и была сочувственно встречена критикой, в частности А. Скабичевским, давшим ей высокую оценку на страницах газеты «Новости» в 1887 г. Эта книга имелась в личной библиотеке А. М. Горького нижегородских лет и была подарена им

в 1902 г. Нижегородской городской общественной библиотеке¹.

О другой своей исторической повести «Дворянская честь» М. М. Филиппов сообщает, что написал ее, заинтересовавшись судьбой дворянина-разбойника Воропопова. Разыскивая исторические материалы о нем, Филиппов извлек любопытнейшие архивные данные, осветившие личность Воропопова и его сына. В повести нарисована картина сословного быта екатерининских времен, когда внешний блеск и гром военных побед заслоняли язвы крепостного режима, вызвавшего восстание Пугачева. В основу сюжета положена трагическая судьба Воропопова, ставшего жертвой нелепых судебных узаконений и поплатившегося в конце концов жизнью за преступления отца.

Деятельность М. М. Филиппова в области беллетристики ограничивается сравнительно коротким периодом. Но как литературный критик, он выступает на страницах печати до конца своей жизни. Литературно-критические работы Филиппова, естественно, отражали его общественно-политические убеждения.

Еще в 1884 г. в статье, посвященной двум письмам Гоголя к архиепископу Иннокентию, М. М. Филиппов подчеркивал, что вопросы развития русской литературы можно решить лишь при условии тесной ее связи с общественно-политической жизнью. «К несчастью, — пишет он, — слабое развитие политической и общественной жизни привело в первую половину нынешнего века к тому, что в России литературные вопросы заслонили собой вопросы *экономические* и *политические* (курсив мой. — Б. Ф.) и даже внесли некоторую путаницу понятий вследствие преувеличенной роли, которая придавалась западничеству и славянофильству защитниками того и другого направления. Хуже всего было то, что под знамена обеих литературных партий нередко становились люди, не имеющие между собой ничего общего, кроме клички.

К западникам причисляли себя не только Герцен и Белинский, но и отъявленные бюрократы, вроде последователей партии остзейских баронов»².

¹ Д. А. Б а л и к. Личная библиотека А. М. Горького нижегородских лет. — «Труды Горьковской областной библиотеки им. Ленина», вып. 1. Горький, 1948, стр. 36.

² М. М. Ф и л и п п о в. По поводу писем Гоголя. — «Век», 1884, кн. 1, отд. II, стр. 2—3.

Филиппов всегда выступал за реализм в литературе и искусстве, за подлинную народность и правдивость искусства, глубоко сознавая классовую природу художественного творчества. В письме, адресованном Н. К. Михайловскому в начале 1893 г., после своего возвращения в Россию, он пишет:

«Приехав из Германии и узнав, что в Москве возник философский журнал Грота, я любопытствовал взглянуть, что это такое, и был поражен тем, что в то время как в Германии успела расцвести только что научная философия, у нас вдруг выросли, как грибы, различные мистико-метафизические системы. Не менее я был изумлен тем, что в России явились попытки (о которых я узнал впервые из Ваших статей) насадить французский символизм. До моего прибытия в Гейдельберг я провел год в Париже, близко сталкивался с французской молодежью как студенческой, так и литературной, и получил некоторое понятие о символизме. Когда мне удастся увидеть Вас лично, я сообщу Вам, какие вынес впечатления. Вообще, думаю, что во Франции эти символические бредни весьма малоопасны: это дело моды, и огромное большинство французской молодежи настроено как угодно, только не мистически.

Так или иначе, но у нас метафизически-мистическая реакция приняла размеры довольно серьезные и составляет, кажется, довольно большую опасность ввиду полного отсутствия общественной и политической жизни, которая кипит во Франции и в Германии. Это и побудило меня взяться за вопрос о русской метафизике и мистике. И первую экскурсию в этой области я и сделал в статье, которую Вы получите вскоре из редакции на Ваше благоусмотрение... Грустное настроение испытывал я, прочитав в Вашей статье о Мережковском общие замечания о молодом поколении. Я почти одного поколения с г. Мережковским и немногим старше философа «Северного Вестника». Поэтому имею право, до известной степени, говорить от имени «молодого поколения». Нет, глубокоуважаемый Николай Константинович, Вы слишком мрачно смотрите на вещи, если полагаете, что люди 60-х годов или еще более молодые поколения пойдут по стопам упомянутого философа или же согласятся играть роль «гомункулов», на которую их обрекают наши русские декаденты. Ни неблагодарность к старшим поколениям, ни мания величия, ни

обратная мания слабосилия вовсе не составляют общей черты возникающих литературных поколений. Правда, много теперь шатанья мыслей, но мало и руководителей. Даже «толстовщина» отошла в область прошлого, а новых пророков³ не видно, нет человека, который сказал бы могучие «из света и пламя» возникшие слова. Но, если явится такой человек, это будет не мистик, а провозвестник жизненной правды»³.

В статье «Русская философия в 1898 г.» Филиппов подвергает критике эстетические взгляды Толстого:

«В утверждениях Толстого есть, однако, важная социальная идея. Капитализм неизбежно порождает ремесленное искусство. Несомненно, что при господстве материальной силы капитала, искусство, как и наука, часто играют служебную, подчиненную роль, утрачивают свою независимость даже в большей степени, чем в эпоху меценатов. С этой точки зрения, предостережение Толстого должно быть внимательно выслушано всеми, кому дорога свобода искусства и науки. Но средства, предлагаемые Толстым, совершенно не достигнут цели...

...Подобно тому как в вопросах экономических и политических Толстой усматривает панацею в личном совершенствовании, так и для реформы искусства он идет не дальше индивидуальной этики, которая способна привести лишь к совершенно субъективному критерию искусства. Недостатки суждений Толстого о тех или иных произведениях искусства всецело вытекают из этой субъективности. Толстой руководствуется исключительно тем, что подводит те или иные произведения под рамки своей личной морали, относящейся, например, весьма строго к половым наслаждениям (что весьма не трудно в его возрасте), и смешивает в одну кучу самые разнообразные произведения, в то же время отделяя козлиц от овец. Неудивительно, что Бетховен оказывается у Толстого ниже иной посредственности, Виктор Гюго — выдающийся памфлетист — оказывается выше Шекспира...

Раз самое мерило искусства сводится к личной морали, оценка искусства поневоле окажется субъективной. А между тем, нет ничего несноснее этой личной моральной критики. Хорошо еще, если в роли судьи выступит челс-

³ Архив Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома). Фонд Н. К. Михайловского.

век, стоящий на нравственном уровне Толстого: по размы допустим законность такой морализующей точки зрения на искусство, то почему отвергнуть право судить об искусстве, например, с точки зрения морали «домостроя»⁴.

Глубоко интересуясь русской и западной литературой, Филиппов в разное время выступал в печати с рядом критических очерков и статей о Пушкине, Некрасове, Белинском, Горьком, Ибсене, Золя, Гауптмане, Зудермане, Метерлинке, Ницше.

В обширном очерке «Философские убеждения Белинского», вошедшем впоследствии в книгу «Судьбы русской философии», М. М. Филиппов приводит высказывание Белинского о том, что «поэт не должен быть мыслителем, задающим себе тему. Его дело гнаться за жизнью дивной, воскрешать в ней каждый миг, отвечать на каждый звук ее отзывной песней». Комментируя мысль Белинского, Филиппов пишет, что это не есть проповедь искусства, отрешенного от жизни. Гнаться за жизнью — уже значит быть живым человеком, связанным с жизнью народа⁵.

Наиболее полно эстетические взгляды Филиппова выражены в статье «Красота и правда в искусстве».

«Искусство есть общественная деятельность художника, воспроизводящая в образах чувства, мысли, поступки и вообще все более или менее значительное в жизни людей, причем эти образы должны удовлетворять требованиям художественной правды»⁶. По мнению писателя, нет ничего приторнее и противнее произведения, заранее задающегося нравоучительными целями и подгоняющего свои образы под мерку шаблонной морали. Истинно художественное произведение не может противоречить принципам истинной морали. Выступая против натурализма в искусстве, Филиппов говорит, что правда в искусстве не означает необходимости смешения художественного произведения с действительностью во всех ее натуралистических деталях.

Определяя понятие красоты в искусстве, он отмечает, что подлинный художник даже ужасное и пошлое воспроизводит так, что, чувствуя ужас или пренебрежение к отображаемому явлению, мы в то же время сознаем худо-

⁴ «Научное обозрение», 1899, № 1, стр. 150 и 152.

⁵ См. М. М. Филиппов. Мысли о русской литературе. М., 1965.

⁶ «Научное обозрение», 1998, № 11, стр. 2016—2017.

жественную выразительность самого образа, внушившего нам эти чувства.

В начале XX в. М. М. Филиппов написал биографический очерк к собранию сочинений Н. А. Добролюбова ⁷.

Небезынтересно привести письмо брата великого русского критика В. А. Добролюбова к Филиппову по этому поводу:

«Многоуважаемый Михаил Михайлович!

От всего сердца благодарю Вас за Ваш труд, за теплое честное отношение к моему брату, которое при чтении его биографии разве у единиц только не вызовет лучших чувств, не согреет их и не побудит стать, хотя временно, добрее и честнее.

Ваш труд — великий памятник, сооруженный Вами себе для той массы, для тех миллионов русского народа, которые будут со временем читать сочинения брата и которые, я уверен, отрешатся от многого, чтобы приблизиться к той высокой личности, так художественно обрисованной Вами, которой не были доступны пороки людей настоящего времени» ⁸.

В последний год своей жизни, в статье, посвященной Некрасову, Филиппов резко выступил в защиту поэта против Н. Михайловского и других литературных критиков, пытавшихся «развенчать» Некрасова как человека и приписать ему ряд аморальных поступков, противоречивших его общественно-литературной деятельности. Филиппов приводит веские доказательства, убеждающие в несостоятельности этих обвинений, и дает подробную характеристику проникнутой духом народности гражданской поэзии Некрасова.

Подвергая критике философский индивидуализм и субъективизм, Филиппов в «Письмах о современной литературе» и незаконченной работе «Философские письма» подчеркивал как важнейшую проблему XX в. разрешение вопроса о синтезе творческой личности и коллектива.

«Для меня личность есть, правда, «продукт» общественной жизни человека, но не в том смысле, чтобы человек был *механическим результатом* общественной эволюции» ⁹.

⁷ Н. А. Д о б р о л ю б о в. Собр. соч., т. I. СПб., изд. П. П. Сойкина, 1901.

⁸ «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 121.

⁹ М. Ф и л и п п о в. Философские письма. Письмо первое. — «Научное обозрение», 1903, № 5, стр. 201.

Главный тезис статьи — творческий труд имеет громадное значение для выработки мировоззрения, чувств, воли и характера, всего того, из чего складывается человеческая личность. Но в то же время, исходя из основных положений исторического материализма, Филиппов не мыслил формирования личности вне общества и его интересов.

«Девятнадцатый век справедливо гордился двумя течениями, благодаря которым он по преимуществу заслужил название «социального и научного» века. Никогда еще социальные вопросы не ставились так резко и определенно; никогда развитие положительной науки не шло еще таким быстрым темпом. В конце века, однако, обнаружилось течение, по-видимому, враждебное и научному, и социальному движению. Брюнетьер и Толстой стали говорить о «банкротстве науки»; философия Ницше и выкопанного из могилы Макса Штирнера, казалось, подрывала в основе всякий социализм, противопоставляя ему то волю сверхчеловека, презирающего толпу, то учение полнейшего эгоизма.

...Я схожусь с одним из самых типичных представителей новейшего литературного течения Максимом Горьким... Еще недавно культурные люди преклонялись перед историческим материализмом; теперь их обуял страх за человека, за человеческое достоинство. Не бойтесь, отвечает им Горький, не думайте, что для уничтожения в человеке зверя нужен идеал, подобный тому, какой некогда сулился людям традиционным мистицизмом... Надо уяснить себе, что массе теперь необходим не новый мистический туман: она ждет от нас не метафизики, не мифов о трансцендентном сознании, а простого и понятного ей слова, которое объяснило бы ей самый насущный для нее вопрос: „Как надо жить“»¹⁰.

Труды Филиппова в области эстетики и литературной критики свидетельствуют о том, что он в значительной мере приближался к марксистскому пониманию вопросов искусства и высказывал несомненно передовые для своего времени идеи.

Изданный недавно сборник избранных литературно-критических работ Филиппова «Мысли о русской лите-

¹⁰ М. Филиппов. Индивидуализм в новейшей французской литературе.— «Научное обозрение», 1902, № 1, стр. 115—117.

ратуре», вызвавший многочисленные положительные отзывы советской печати, служит подтверждением того, что критические исследования и статьи на литературные темы Филиппова не утратили своего значения и в наше время.

«Прогрессивные позиции, благородство и теплота тона по отношению к великим теням прошлого., ряд свежих и тонких эстетических суждений и высказываний, — пишет в предисловии к сборнику его редактор Д. Д. Благой, — все это не может не привлечь внимания и не вызвать живого интереса к критическому наследию М. М. Филиппова со стороны наших советских читателей»¹¹.

Первый роман о Крымской войне

В июньском дневнике Л. Н. Толстого за 1904 г. можно прочесть такую фразу: «Из книги чужой листы пропали». Разгадку приведенной записи следует искать в письме великого писателя к моей матери Л. И. Филипповой от 10 июня 1904 г.: «В книге, которую вы мне передали, недостает в IV части одного листа — от стр. 128 до стр. 145. Книга была у меня, я один читал ее; листы в этом месте были не разрезаны, и я получил ее с недостающим 9-м листом 4 тома».

О какой же книге шла речь и что побудило Толстого послать письмо Л. И. Филипповой?

В 1888—1889 гг. в Петербурге вышел в свет исторический роман М. М. Филиппова «Осажденный Севастополь» — первое в России крупное художественное произведение, посвященное героической эпопее 1853—1855 гг. Роман этот, написанный в традициях критического реализма, и до наших дней не утратил своего художественного и познавательного значения. Книга была иллюстрирована известным петербургским художником Карлом Брожем, чехом по происхождению.

Мнение Толстого о романе имело огромное значение. Не следует забывать, что он был не только гениальным

¹¹ М. М. Филиппов. Мысли о русской литературе, стр. 6.

ОСАЖДЕННЫЙ
СЕВАСТОПОЛЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ

М. М. Филиппова

Т. I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 138
1888

*Титульный лист романа М. М. Филиппова
«Осажденный Севастополь»*

писателем-романистом, но и активным участником севастопольской обороны, проявившим незаурядную храбрость при защите 4-го бастиона.

Филиппов изучил разнообразные исторические источники, как русские, так и зарубежные, широко использовал в романе также устные рассказы участников севастопольской эпопеи, с которыми встречался в юности.

В «Осажденном Севастополе» достоверно показана обстановка не только в русской армии, но и в лагере противника, нарисованы яркие образы талантливых военачальников Нахимова и Корнилова, их соратников. Но главным героем романа является народ в лице русского солдата, в основном крестьянина, в котором даже эпоха крепостничества не смогла растоптать душевное благородство, героизм, любовь к Родине.

В романе Филиппова беспощадно обличаются бюрократический режим, казнокрадство, бездарность царской дипломатии и другие отрицательные стороны самодержавия.

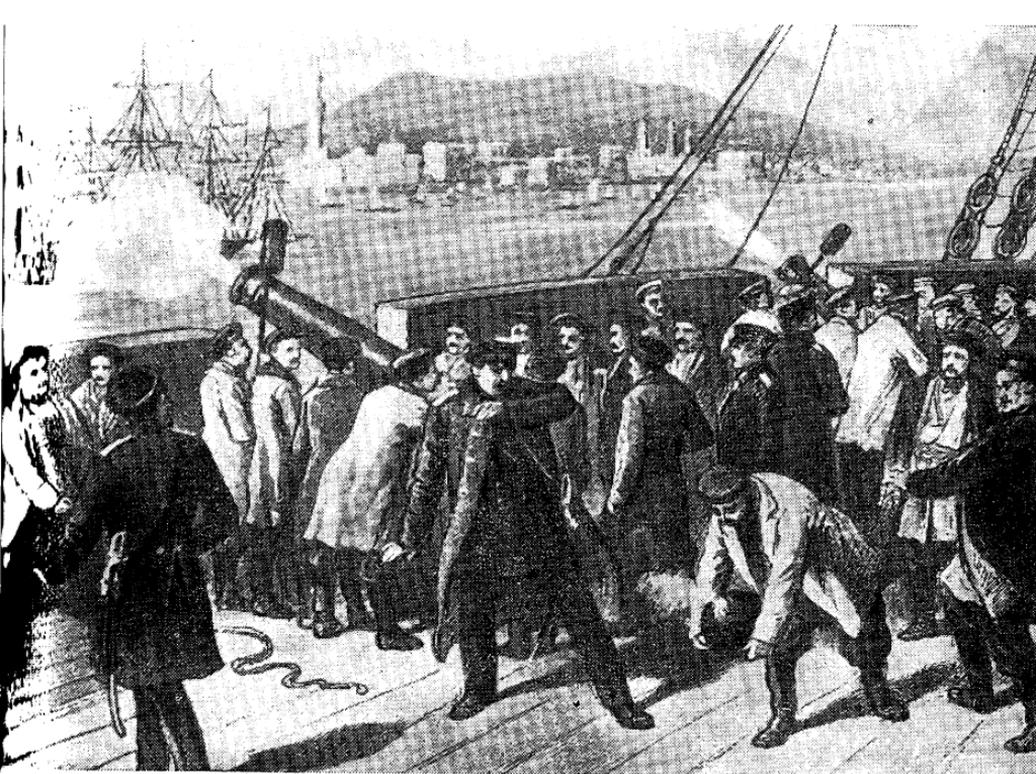
Читая многие страницы произведения, удивляешься тому, что автору удалось преодолеть спиллы и харибды царской цензуры в эпоху обострившейся реакции и выпустить книгу в свет.

Знакомство с книгой Филиппова и с «Севастопольской страдой» Сергеева-Ценского дает основание полагать, что «Осажденный Севастополь» был для автора «Севастопольской страды» одним из основных источников в работе над эпопеей, написанной им спустя полвека после выхода в свет исторического романа Филиппова.

В мае 1904 г., почти через год после смерти отца, моя мать в сопровождении старшего сына Леонида выехала из Петербурга в Ясную Поляну к Л. Н. Толстому для того, чтобы посоветоваться с ним о возможности переиздания «Осажденного Севастополя». Кому, как не автору «Севастопольских рассказов», можно было доверить суждение о романе, посвященном Крымской войне.

Лев Николаевич принял мою мать весьма радушно. Здесь сыграло роль и то обстоятельство, что он был лично знаком с отцом, да к тому же знал о трагической истории гибели отца (о чем речь пойдет далее).

После того как мать устроилась в предоставленной ей комнате, Лев Николаевич предложил ей прогуляться

*Иллюстрация художника К. Брожа
к роману М. М. Филиппова «Осажденный Севастополь» (1888 г.)*

вместе с Леонидом по усадьбе. Был чудесный весенний солнечный день. Зеленела свежая трава, и появились первые весенние цветы.

— Нарви цветочки, собери букет своей маме, цветочки можно рвать. Они ведь божьи! — сказал Толстой моему брату. И пока мальчик носился по поляне, Лев Николаевич расспрашивал мать о подробностях смерти отца. По поводу этого события было тогда немало вымыслов и загадочных предположений.

Лев Николаевич вспоминал о встрече с отцом в 1900 г., в своем московском доме, в Хамовниках; рассказывал о беседе, которая нашла отражение и в его дневнике. Вспомнил Толстой о письмах, полученных от отца, и выразил сожаление, что не успел ничего написать для «Научного обозрения».

На просьбу моей матери прочесть роман отца Толстой ответил согласием, но заметил, что для этого потре-

буется время. Сразу, «за один присест» он сделать этого не сможет. На следующий день мать покинула Ясную Поляну, договорившись со Львом Николаевичем, что он изложит ей свое мнение о романе в письме. Письмо Толстого не заставило себя долго ждать. 10 июня 1904 г. великий писатель сообщил матери следующее:

«Я прочел роман вашего покойного мужа «Осажденный Севастополь» и был поражен богатством исторических подробностей.

Человек, прочитавший этот роман, получит совершенно ясное и полное представление не только о севастопольской осаде, но и о всей войне и причинах ее»¹.

В то же время Толстой писал, что идея романа находится в противоречии с его личными «много раз выраженными взглядами» на вопросы патриотизма.

И это вполне естественно, если учесть, что автор «Осажденного Севастополя» в силу своих убеждений был далек от толстовских идей «непротивления злу насилием», а сам Толстой в последние годы жизни относился критически даже к своей гениальной эпопее «Война и мир».

«Осажденный Севастополь» несомненно принадлежит к числу незаслуженно забытых произведений русской художественной литературы. В настоящее время эта книга является библиографической редкостью и отсутствует даже в фондах Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Одним из немногих уцелевших экземпляров располагает Государственная историческая библиотека в Москве. Однако роману предстоит начать вторую жизнь. Он принят к переизданию и бесспорно найдет своего читателя.

В связи с этим хотелось бы привести отзыв об этой эпопее героя гражданской и Великой Отечественной войн, старого моряка адмирала Ю. А. Пантелеева — бывшего командующего Тихоокеанским флотом.

8 июля 1965 г. Ю. А. Пантелеев писал моему брату Л. М. Филиппову:

«С 1921 года я был старшим штурманом на «Марате» — до 1924 г. В марте 1921 г., в дни Кронштадтского восстания, я командовал отрядом молодых моряков, наступаая с Лисьего Носа через форт № 7—2 на кладбище, в город.

¹ «Лев Толстой об искусстве и литературе», т. II. М., 1958, стр. 488.

Выходит — объективно, — что мы и Вас выручили!..² Но хочется сказать о другом: я давно увлекаюсь военной историей, с юных лет, и, конечно, книгу Вашего батюшки «Осажденный Севастополь» я запоем читал еще гимназистом в 1912—1914 гг. и затем перечитывал, когда служил в Севастополе. Тогда, в 1926 г., один экземпляр книги был в библиотеке.

Мне кажется, это самое живое, самое правдивое описание Севастопольской эпопеи. Лучше, человечнее я не встречал. Все другие — нашей эпохи — мне казались очень казенными, от них не веяло духом борьбы и Черного моря...

Жаль, что книга Вашего отца давным-давно уже стала уникальной»³.

Читая эти строки, невольно вспоминаются слова, принадлежащие Л. Н. Толстому:

«Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский»⁴.

Рукопись о Н. Г. Чернышевском

В архиве семьи М. М. Филиппова сохранилась рукопись, написанная им в конце жизни, вскоре после возвращения из ссылки. Она посвящена Н. Г. Чернышевскому. Очерк этот нигде не публиковался, и знакомство с его содержанием имеет немаловажное значение для характеристики общественно-политических воззрений М. М. Филиппова. Этим и следует объяснить столь пространное изложение мной основных мыслей автора. В нашу эпоху общественная наука обогатилась многочисленными исследованиями советских ученых о Чернышевском. Тем не менее работа М. М. Филиппова, написанная им в начале века, представляет интерес как одна из первых попыток анализа твор-

² В дни эсеровского кронштадтского мятежа Леонид Михайлович был заточен мятежниками в тюрьму, приговорен к смерти и освобожден большевиками 17 марта 1921 г. при взятии Кронштадта Красной Армией.

³ Архив Б. М. Филиппова. Автограф.

⁴ Л. Н. Толстой. Собр. соч., т. II. М., 1951, стр. 124.

чества великого революционера-демократа с позиций марксизма и дарвинизма.

Глубоким уважением к Чернышевскому Филиппов проникся еще в годы ранней юности. Имя Чернышевского как вождя реалистического движения 60-х годов было высоко чтимо в семье Филипповых.

Необходимо напомнить, что отец Михаила Михайловича — М. А. Филиппов — сотрудничал в «Современнике», был лично связан с его негласным редактором испытал на себе обаяние его личности и во многом содействовал воспитанию в своем сыне традиций, свойственных революционным демократам.

«Отец мой, — писал М. М. Филиппов в биографическом очерке о Добролюбова, — был ровесником Чернышевского и товарищем его по университету, а в то время жил в Одессе, где состоял на службе в Комитете об иностранных поселениях. Служба эта доставляла ему немало случаев ознакомления с дореформенной администрацией, и плодом его наблюдений был сатирический роман „Полицмейстер Бубенчиков“, отправленный им Чернышевскому в „Современник“. Некрасов очень дорожил этим романом и поэтому, узнав от Добролюбова о запрещении, начал вместе с ним хлопоты в цензурном ведомстве, лишь наполовину увенчавшиеся успехом. Удалось отстоять этот роман, поступившись целой третью текста; цензурный комитет потребовал выбросить из романа всех лиц выше известного ранга и все самые сильные места. Тем не менее впечатление, произведенное этим романом в провинции, было довольно значительное. Между прочим, один исправник хотел вызвать моего отца на дуэль, уверяя, что именно его изобразили, тогда как мой отец никогда не видел этого исправника в глаза и даже не знал до тех пор о его существовании».

К воспоминаниям М. М. Филиппова следует добавить еще один штрих, характеризующий отношение моего деда к Чернышевскому.

27 октября 1883 г. Чернышевский прибыл в Астрахань, после сибирской ссылки, и остановился в номерах Смирнова. В тот же день над ним был учинен полицейский надзор. 30 октября он переехал в дом Хачикова на Почтовой улице и вскоре получил от М. А. Филиппова дружеское письмо, в котором последний приветствовал его с возвращением, обещал выслать в Астрахань ре-

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Фотография 1888—1889 гг.

дактируемый им журнал «Век»¹. Любопытно, что письмо это упоминается и в «Описи рукописей государственного преступника Николая Чернышевского», обнаруженной в архиве Петербургского департамента полиции после революции².

Но было бы ошибочным объяснять глубокие симпатии молодого Филиппова к революционным демократам и, в частности к Чернышевскому, исключительно влиянием отца. Среда, в которой воспитывался М. М. Филиппов, и передовые воззрения отца имели, конечно, немаловажное значение в формировании идео-

¹ «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского». М. 1953, стр. 515.

² «Былое», 1917, № 4, стр. 249—250.

логии молодого ученого, однако решающую роль в этом вопросе сыграло глубокое изучение им трудов революционных демократов и, главным образом, сама русская действительность, представшая перед ним во всей своей неприглядности. Нужно также учесть, что, работая над очерком о Чернышевском, М. М. Филиппов был уже в значительной степени вооружен марксистской теорией. Он отмечает замечательные качества Чернышевского как публициста, теоретика-экономиста, критика и философа. Филиппов подчеркивает, что Карл Маркс «этот вообще скупой на похвалы писатель называет Чернышевского „великим русским экономистом“». Высоко оценивая его основной труд в области экономики — «Примечания» к труду Милля, переведенному тогда впервые на русский язык, Филиппов отмечает, что в философском отношении представляет значительный интерес также статья Чернышевского, направленная против принципа вмешательства и о философских предрассудках против общинного землевладения: «Статья в защиту общинного землевладения, направленная против тогдашних русских представителей буржуазного либерализма, построена по образцу гегелевских схем диалектического развития; но Чернышевский, подобно западным радикальным гегельянцам, пользуется «диалектикой» исключительно с целью построения схемы реальной эволюции. Целым рядом примеров Чернышевский пытается доказать, что во всякой эволюции усматривается сначала утверждение какого-либо признака, затем его отрицание и, наконец, в третьей стадии мы видим соединение противоположных начал в высшем единстве. Это и служит Чернышевскому, — пишет далее Филиппов, — прелюдией к доказательству того положения, что экономическая эволюция, начиная от стадии первобытного коммунизма, перейдя через стадию отрицания его — в виде установления принципа частной собственности, наконец, в третьей, высшей и окончательной, стадии представляет собой уже преобразованный коммунизм, отличающийся от первобытной общности своей сознательностью и началом личной свободы. Несмотря на то, что форма коллективной собственности в начале и в конце очень сходна, но все же нет тождества и есть даже крупное различие, так что действительно мы имеем дело с творческим синтезом, а не с механическим соединением двух начал».

Далее Филиппов указывает, что в политической экономике Чернышевский — такой же реалист, как в философии и эстетике. Хотя внешне его идеи близки идеям народничества 70-х и 80-х годов прошлого века, они по существу далеки от оптимистического утопизма последнего с его огульным отрицанием фактов в угоду теории. Чернышевский нигде не говорит о возможном и желательном, если не находит для этого возможного и желательного какой-либо опоры в самой действительности. Нигде ни одним словом он не обмолвился, что положение поселянина-собственника *только* потому идеально, что оно «желательно» на основании нашего субъективного идеала. При *данных отношениях* мы не способны составить себе более высокий идеал, чем этот, потому что самый идеал наш всегда имеет в основе реальные отношения. Поселянин-собственник не выдумка теоретиков, а реальное, доступное наблюдению явление: по нему можно судить о преимуществах и недостатках его состояния, и на основании этих данных действительности строить наш идеал.

Филиппов предлагает принять во внимание условия тогдашней русской действительности, чтобы понять, каковы *реальные* основы экономических идеалов Чернышевского. То была эпоха, когда антагонизм между крестьянским хозяйством и фабричным производством находился в первоначальной стадии. Гораздо существеннее был антогонизм между интересами крупного землевладения, с одной стороны, и мелкого — с другой. В этой борьбе интересов такой человек, как Чернышевский, естественно, должен был стать на сторону мелкого землевладения, т. е. «освобожденного» крестьянства³. Его утопия поэтому точно так же вытекала из совершенно реальных отношений между помещиками и освобожденными с землею и без земли крестьянами, как утопия братьев Гракхов отражала борьбу римского плебса с землевладельцами-оптиматами. А поскольку Чернышевский видел, что хозяйство русского мелкого поземельного собственника в его эпоху было по преимуществу натуральным хозяйством, то потому, и *только* потому, он отстаивал именно эту форму хозяйства. При этом,

³ Имеется в виду «освобождение» крестьянства от крепостного права.

однако, Чернышевский был настолько чужд доктринерства, что никогда не отстаивал принципиально *мелкое производство*, но, наоборот, утверждал, что мелкие размеры крестьянского производства могли привести к развитию черт коллективизма. Филиппов подчеркивает: «Гармония форм производства с формой распределения является основным пунктом экономического идеала Чернышевского, и именно с этой точки зрения он критикует буржуазную политическую экономию. Формы распределения, говорит он, требуемые понятием о богатстве, как превосходстве одних над другими, несовместимы с формами распределения производства, проистекающими из понятия о богатстве, как состоянии положительном, измеряемом потребностями человека, а не превосходством его по имуществу над другими».

Филиппов с марксистских позиций критикует высказываемые Чернышевским положения о буржуазной теории распределения. Чернышевский не замечает, что буржуазная политическая экономия по-своему «права», так как ее идеал распределения не более, как описание того фактического распределения, которое неизбежно вытекает из самих условий капиталистического производства. Но его стремление построить некапиталистическую теорию распределения все же исходит из реального факта существования натурального хозяйства, бывшего во времена Чернышевского еще очень важным фактором русской действительности. Ошибка Чернышевского состояла в том, что он не сумел учесть всех тех внутренних и международных обстоятельств, которые толкнули Россию на путь капитализма. «Но в начале шестидесятых годов,— подчеркивает Филиппов,— такая ошибка была далеко простительнее, чем десять, пятнадцать лет спустя, когда выступили народники со своими теориями „опрощения“ русской экономической действительности».

Филиппов стоит на позициях исторического материализма и поэтому учитывает конкретные исторические условия, в которых сложилось экономическое учение великого русского мыслителя. Он резко выступает против идеалистических концепций русских экономистов более позднего периода, которые вне конкретной исторической обстановки бессознательно возвращаются к точке зрения натурального хозяйства, усвоенной Чернышевским вполне сознательно, и говорят о «продукте», подставляя

его на место ценности⁴ уже не в натуральнохозяйственном производстве, а в производстве капиталистическом. «То, что у Чернышевского логически вытекает из допущения, что идеалом экономического строя является общество, состоящее из „поселян-собственников“, становится у новейших критиков грубой теоретической ошибкой».

Филиппов широко использует позитивную сущность идей Чернышевского для борьбы против народников. Большое внимание он уделяет его эстетической теории, подчеркивая, что значение ее заключается в признании за искусством общественных функций, выполнении задач «творчества новых лучших общественных форм».

«Именно потому он (Чернышевский.— Б. Ф.) и написал свой знаменитый роман «Что делать», в котором содержалась одна из попыток такого социального творчества. В случае отсутствия действительности, соответствующей нашему идеалу, искусство должно быть некоторой заменой ее и быть для человека учебником жизни».

Филиппов целиком и полностью разделяет взгляды Чернышевского на назначение художника — «говорить о жизни, только о жизни, отражать действительность, а если люди живут не по-человечески, учить их жить, рисовать им картины жизни хороших людей в благоустроенном обществе».

Филиппов пишет, что эстетическая теория Чернышевского рождалась в то время, когда реализм был настоящей потребностью, продиктованной самой русской жизнью. Вспоминая известный спор между Юркевичем и Чернышевским, Филиппов указывает: «Первый не понял жизни, и жизнь отомстила ему за себя. Второй с непоколебимым убеждением проповедовал красоту и достоинство жизни, и, каковы бы ни были его частные промахи, открытые Юркевичем, он, а далеко не Юркевич, был настоящим творческим умом, сказавшим то слово, которое тогда было необходимо».

Филиппов напоминает, что в эпоху Чернышевского господствовала гегелевская эстетика, прежде всего в том виде, в каком она выражена одним из талантливых учеников Гегеля — Фридрихом Теодором Фишером (не смешивать с известным историком философии Куно Фи-

⁴ Имеется в виду «стоимость».

шером). По Гегелю, эстетическая идея есть одна из форм проявления абсолютного духа, примиряющего высшую противоположность конечного и бесконечного. Прекрасное есть абсолютное в чувственном существовании, идея — в ограниченном явлении. Или, как передает эту теорию Чернышевский, существует отдельный чувственный предмет, который представляется чистым выражением идеи, так что в идее не остается ничего, что не проявлялось бы чувственно в этом отдельном предмете; а в отдельном чувственном предмете нет ничего, что не было бы чувственным выражением идеи. Отдельный предмет в этом отношении называется образом. Итак, прекрасное есть совершенное соответствие, совершенное тождество идеи и образа.

Этому абсолютному идеализму Чернышевский противопоставляет свое реалистическое определение. По его мнению, далеко не все, выражающее *вполне* какую-либо идею, прекрасно. Так, *идеальное* болото есть как раз самое *безобразное* болото. С другой стороны, идеалистическое определение слишком узко. Невозможно, чтобы все оттенки красоты, какую мы предполагаем в данном родовом понятии, например в понятии «человек», сконцентрировались в отдельном индивидуе.

Однако, указывает Филиппов, Чернышевский не отбрасывает идеалистическое определение красоты как совсем негодное. В человеческом учении о прекрасном верно, по его мнению, то, что прекрасное есть во всяком случае отдельный живой предмет, а не отвлеченная мысль, что в прекрасном выражается или осуществляется общая идея в том смысле, что прекрасное по содержанию интересно *не для одного отдельного человека, не для одного художника, а для человека вообще*. Таким образом, Филиппов приходит к выводу, что Чернышевский в поисках объективного мерил искусства находит его не в том, что конкретные образы осуществляют собой абсолютную идею, а в *самой действительности*. Исходная точка для отыскания объективного мерил красоты у Чернышевского — теория, по которой эстетическое чувство родственно чувству радости и любви, но самое общее из того, что мило человеку, это, — по Чернышевскому, *жизнь*; он спешит добавить: «Ближайшим образом такая жизнь, какую человеку хотелось бы вести, какую он любит, но потом — и всякая жизнь, потому

что жить все-таки лучше, чем не жить». Отсюда вытекает определение Чернышевского: «*Прекрасное* есть жизнь».

Приводя многочисленные примеры из диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», Филиппов доказывает, что точка зрения Чернышевского на красоту соответствовала позднейшим материалистическим теориям.

«Чернышевский никогда не был дарвинистом, — писал Филиппов. — В одной из своих последних статей, помещенной в „Русской мысли“, он высказался даже против дарвинистов. Но своим учением об «объективной красоте», находящейся в самой жизни, он как нельзя более подошел к теории происхождения красоты, развитой Дарвином в его труде «Происхождение человека». В дарвинистическом смысле можно было бы даже дополнить учение Чернышевского таким образом, чтобы вывести красоту не из одного полового, а главным образом из естественного подбора, что привело бы к утверждению: красота организма совпадает с его нормальным типом, к чему в сущности сводится утверждение Чернышевского, что прекрасное и жизнь есть одно и то же».

Чернышевскому были, однако, известны весьма серьезные возражения против всякого вообще объективного мерила красоты, возражения, выставленные гегельяпцами, и в особенности упомянутым Фишером. Фишер приводит целый перечень недостатков объективной красоты. Так, реформация уничтожила пеструю привольность и разнообразие немецкой жизни. Все живущее, как замечает Фишер, имеет много врагов. Прекрасное в природе живо, с этим согласен и Фишер, но, находясь среди разнообразных отношений, прекрасное постоянно подвергается порче. Природа борется из-за жизни и бытия, из-за сохранения и размножения своих произведений (Филиппов замечает, что Фишер писал это задолго до появления теории Дарвина). Красота сама по себе, по мнению Фишера, «не нужна». Мы теперь знаем, продолжает Филиппов, что она *нужна*, т. е. составляет результат и средство полового подбора, чего не знали ни Фишер, ни Чернышевский.

Возражение Чернышевского Фишеру построено на критике понятия совершенства. Фишер ищет *совершенной* красоты, а потому и не находит ее. Мнение, что человеку

непрерывно нужно совершенство, / говорит Чернышевский, есть мнение фантастическое, если под совершенством подразумевать отсутствие всяких недостатков. Относительное же совершенство встречается, наоборот, нередко. Борьба необходима, но разве она всегда так трагична?

Позднее, в своих «Примечаниях», Чернышевский возражал против мнения Милля, который видит в труде лишь его тягостную сторону. Точно так же и борьба — деятельность в самом широком смысле слова — не есть непременно несчастье. Нельзя признать критерием ценности важность дела, рассматриваемого само по себе, т. е. по его назначению для жизни, не принимая во внимание наших усилий. Как бы ни было само по себе важно дело, говорит Чернышевский, мы не привыкли считать его важным, если оно совершается без активной борьбы. Дыхание всего важнее в жизни человека, но мы не обращаем внимания на него, потому что ему обыкновенно не противостоят никакие препятствия.

Итак, не все важные по существенному значению своему функции требуют борьбы, но мы привыкли называть важными только те из важных в сущности дел, которые «трудны». И эта «привычка» служит для Чернышевского даже исходным пунктом при создании теории трагического, одной из самых трудных эстетических теорий. Хотя красота есть сама жизнь, сама действительность, но жизнь выше всякого искусства, составляющего лишь одно из проявлений жизни. Это, однако, не приводит Чернышевского к теории подражания природе. Определение искусства как воспроизведение природы, или действительности, по Чернышевскому, имеет чисто *формальное* значение. Содержание искусства нимало этим не дается. Но содержанием должно быть непременно что-нибудь полезное, заслуживающее внимания человека. Раз этого нет, никакая форма не спасает искусства. Портрет может быть сходен до отвратительности, если переданы мелочные особенности лица, но он не выражает главного в человеке — того, что составляет его существенные черты, — характера его. Чернышевский поэтому далеко не сторонник, а противник протоколизма в искусстве. Он никогда не подписался бы под теориями Золя. Но содержание искусства вовсе не сводится к красоте — и в этом еще одна особенность эстетики Чернышевского. *Область искусства охватывает*

собою все, что в действительности интересует человека, все значительное, важное. Общеинтересное в жизни — вот предмет искусства. Определение красоты как предмета искусства есть смешение формального начала с материальным. Прекрасное как объект искусства совсем не то, что прекрасная форма, которая действительно необходима для каждого художественного произведения. Красота формы есть действительно *единство идеи и образа*, но такое единство важно и справедливо не только для искусства, а для всякой человеческой деятельности, например, для ремесла, для техники, для науки. Действование человека всегда должно иметь цель. А в зависимости от соответствия дела цели ценится достоинство самого дела.

Искусство напоминает нам своими произведениями о том, что интересно, важно, значительно для нас в жизни.

Социологические, экономические и эстетические взгляды Чернышевского рассматривались Филипповым еще в целом ряде литературно-критических статей.

С большой теплотой писал Филиппов о Чернышевском в начале 90-х годов. Имя великого русского революционного демократа часто встречается на страницах книги «Судьбы русской философии».

В биографическом очерке об Н. А. Добролюбова Филиппов касается вопроса взаимовлияния Чернышевского и Добролюбова: «Если Чернышевский и повлиял на Добролюбова, то и сам не остался без некоторого влияния со стороны своего молодого друга. Так, под влиянием бесед с Добролюбовым, Чернышевский смягчил свои в то время очень неблагоприятные отзывы о Герцене и его „Колоколе“. Чернышевский в то время значительно разошелся с идеями Герцена и, сохраняя уважение к нему, уже не интересовался новыми его произведениями. Такое отношение огорчало Добролюбова. Он с большим трудом достал для Чернышевского одну из написанных в то время Герценом за границей книг, касавшуюся развития известных идей оппозиционного характера».

В то время, когда Филиппов писал приведенные нами строки, он не имел возможности по цензурным условиям назвать книгу Герцена «О развитии революционных идей в России», изданную за рубежом в 1851 г.

Под гнетом царской цензуры

Большое место в научной и общественной деятельности М. М. Филиппова занимает издание журнала «Научное обозрение», основанного им в 1894 г.

Девизом, начертанным на обложке журнала, было латинское слово «Scientia» (знание).

Документы, сохранившиеся в архивах Главного управления по делам печати и Петербургского цензурного комитета, личные записи Филиппова и его переписка с современниками подтверждают, что история журнала является одной из славных страниц борьбы за торжество материалистической науки и прогрессивных общественных идей.

Период десятилетнего существования «Научного обозрения» отчетливо делится на три основных этапа.

Первый — 1894—1896 гг., когда программа журнала была в значительной мере узко специальной и «Научное обозрение» представляло собой физико-математический еженедельник. Правда, и тогда уже предпринимались попытки вторгаться в область естествознания и общественных наук.

Второй этап — конец 90-х годов прошлого столетия (1897—1900 гг.). В это время «Научное обозрение» преобразуется в ежемесячный толстый научно-философский, а в дальнейшем и литературно-общественный журнал, активно интересующийся вопросами марксизма. Этот этап знаменателен тем, что на страницах журнала наряду со статьями «легальных марксистов» появляются статьи В. И. Ленина, а также Г. В. Плеханова и других представителей революционного марксизма.

И, наконец, последний, завершающий этап (1901—1903 гг.) характеризуется борьбой редактора «Научного обозрения» против полицейских репрессий, против попыток со стороны реакционных литературно-издательских кругов вырвать журнал из его рук, изменить его направление в духе официальной науки, поощряемой правительственными сферами. Эти попытки не удались потому, что Филиппов, даже будучи в ссылке, продолжал опекать свое литературное детище и объединил вокруг

журнала ряд крупных русских ученых-материалистов. К этому времени окончательно сформировалось общественно-политическое кредо и самого редактора «Научного обозрения», окончательно порвавшего с «критиками» марксизма и выступившего против отечественных ревизионистов в лице их главных представителей — Струве, Туган-Барановского, Бердяева, Булгакова и других последователей оппортунистических теорий.

Журнал «Научное обозрение» безусловно заслуживает внимания не только историков русской журналистики, но и тех исследователей, которые занимаются изучением вопросов, связанных с развитием научной и общественной мысли в России в конце XIX и начале XX столетия.

Поэтому не ставя перед собой задачу дать исчерпывающее изложение истории «Научного обозрения», все же полагаю необходимым, хотя бы вкратце, рассказать о том, как создавался, как работал этот журнал, поскольку вся его деятельность неразрывно связана с биографией М. М. Филиппова.

Когда М. М. Филиппов защитил диссертацию и вернулся в Петербург, его докторский диплом был немедленно пущен в действие. 23 июля 1893 г. «доктор натуральной философии Гейдельбергского университета» М. М. Филиппов подает прошение в Главное управление по делам печати: он просит разрешить ему быть издателем и редактором специального физико-математического журнала «Научное обозрение» или же «Сила», оставляя выбор названия на усмотрение Цензурного ведомства.

К прошению прилагалась программа нового органа, предусматривающая математический, физический и технический отделы, а также библиографический и отдел научных новостей. При этом имелась в виду публикация статей, теорем и задач по чистой и прикладной математике, астрономии, механике и геодезии, освещение вопросов опытной физики и химии — органической, аналитической и неорганической, вопросов развития техники в области машиностроения, электротехники, агрономической и физической химии. Кроме того, предполагалась систематическая публикация сведений о выходе литературы на иностранных языках в области физико-математических наук и сообщений о новейших научных открытиях, изобретениях, а также корреспонден-

денций о деятельности научных съездов и экспедиций. Предусматривалось издание для подписчиков журнала, в виде приложений к нему, отдельных оригинальных и переводных сочинений по различным отраслям физико-математических наук.

Вся дальнейшая деятельность М. М. Филиппова, его обращение в Цензурный комитет показывают, что он не хотел раскрывать истинное лицо журнала, каким мыслил его в ближайшем будущем. Первоначальная программа-минимум имела скорее формальный характер. Она была рассчитана только на то, чтобы беспрепятственно получить разрешение на право издания журнала.

Однако даже эта более чем скромная и «безопасная» программа, в которой никак нельзя было найти повода для «потрясения» основ существовавшего строя, вызвала подозрительное отношение со стороны Цензурного ведомства.

В конце августа 1893 г. Филиппова официально уведомили, что управляющий Министерством внутренних дел разрешил издавать, с предварительной цензурой, журнал «Научное обозрение» под редакцией доктора натуральной философии Гейдельбергского университета М. М. Филиппова. Докторский диплом, следовательно, возымел свое действие, но предварительная цензура для строго научного журнала была мерой неслыханной даже в годы беспросветной реакции. Это объяснялось только тем, что Министерству внутренних дел были известны общественно-политические взгляды ученого, не внушавшего политического доверия Главному управлению по делам печати. В этих условиях рассчитывать на возможность «протащить» какую-либо статью, не отвечающую утвержденной программе, становилось буквально невозможным. Такая предусмотрительность Министерства внутренних дел связывала редактора по рукам и ногам. Для еженедельного журнала прохождение всех материалов через цензуру грозило особенно тяжкими последствиями и неизбежно приводило бы к задержкам выпуска очередных номеров.

Поэтому уже в сентябре того же года М. М. Филиппов обращается с новым ходатайством о дополнении программы отделами естествознания, географии, этнографии и антропологии, мотивируя свою просьбу необхо-

димостью укрепления материальной базы журнала и расширения круга читателей. О снятии оков предварительной цензуры он пока даже не ставит вопроса, понимая, что надеяться на это нельзя. Но, будучи уверен, что дополнение программы в столь скромном объеме не встретит возражений со стороны Министерства внутренних дел, Филиппов включает в объявление об издании «Научного обозрения» новые отделы, не получив еще разрешения по своему ходатайству. Тогда Петербургский цензурный комитет выносит постановление о запрещении этого объявления, так как «журнал разрешен г-ну Филиппову строго математический. В своем же объявлении он совершенно видоизменяет программу на не соответствующую утвержденной, давая место статьям философского характера, чего на деле быть не может»¹.

В течение двух лет (1894—1896) «Научное обозрение» остается еженедельным физико-математическим журналом. Преодолевая цензурные трудности, М. М. Филиппову все же удается выйти за рамки утвержденной программы, опубликовать статьи и заметки по вопросам естествознания и даже общественных наук. В этих целях редактор использовал библиографический отдел, где под видом рецензий на различные статьи и книги велась полемика, направленная против различных идеалистических теорий и метафизических построений и пропагандировалась передовая материалистическая наука.

Резкой критике подверг М. М. Филиппов реакционную книгу Н. А. Карышева «Основы истинной науки», автор которой отстаивал теософские идеи. В девяти номерах «Научного обозрения» за 1895 г. ученый публикует свои статьи «Вопросы общей биологии», основанные на дарвиновских идеях эволюционного развития. В № 14 за тот же год ему удалось напечатать написанную им положительную рецензию на третий том «Капитала», что уж совсем не соответствовало профилю физико-математического журнала, и рецензия увидела свет только благодаря недосмотру цензуры.

В 1894—1896 гг. Филиппов переводит на русский язык основные сочинения Дарвина. Цензурный комитет заслушивает доклад цензора Катенина о том, что редак-

¹ ЦГИАЛ, ф. 777, 1893, оп. 4, д. 126, л. 4.

тор «Научного обозрения» желает дать своим подписчикам в виде приложения объемом в 60 печатных листов перевод известного сочинения Дарвина «Происхождение человека и подбор по отношению к полу».

В своем определении Цензурный комитет постановил «не позволять перевод к напечатанию, как сочинение не удовлетворяющее по своему материалистическому характеру условиям предварительной цензуры»².

Преодолевая цензурные рогатки, Филиппов добивается все же публикации ряда произведений Дарвина и в 1896 г. дает подписчикам в своем переводе не только «Происхождение человека», но также «Изменчивость животных и растений в домашнем состоянии» и «Выражение душевных волнений». В дальнейшем в переводах Филиппова выходит в свет «Пангенезис», «Путешествие вокруг света на корабле „Бигль“», «Автобиография», «Инстинкт» и ряд других произведений великого естествоиспытателя³.

В то же время на страницах «Научного обозрения» публикуются статьи и рецензии Филиппова по вопросам естествознания, освещающие с позиций научного материализма проблемы трансформизма, наследственности, работы и питания мускулов, нервной и психической деятельности человека и животных и т. д.

Перелистывая «Научное обозрение», в нем можно найти описания открытий Пастера, Коха и Мечникова в области микробиологии, сообщения о природе лучей Рентгена, о психофизиологических трудах Бехтерева и космогонических гипотезах Глазенапа. Большое внимание уделялось техническому прогрессу, рассказывалось о новейших достижениях зарубежного машиностроения, электротехники, воздухоплавания и т. д.

Однако Филиппов не оставлял мысли о расширении тематики журнала и превращении его в трибуну общественных идей. Вопросы развития отечественной науки и техники он ставил в прямую зависимость от разрешения важнейших социально-экономических проблем и коренного переустройства общественной системы.

В апреле 1896 г. последовало новое обращение Филиппова в Главное управление по делам печати с прось-

² ЦГИАЛ, ф. 777, 1893, оп. 4, д. 126, лл. 8—8 об.

³ Все названия произведений Дарвина даны в редакции переводчика.

бой разрешить дополнить программу «Научного обозрения» отделами обществоведения, истории литературы, истории культуры, а также славистики, ориенталистики и археологии. Он рассчитывал на то, что легализация новых отделов откроет больше возможностей для публикации статей на социально-экономические и литературно-общественные темы и облегчит борьбу с цензурными придирками, часто основанными не только на «крамольном» содержании статей, предназначенных к печати, но и на формальном несоответствии некоторых из них утвержденному профилю журнала.

Цензурные запреты принимали настолько уродливые формы, что словом «цензор», так же как и «городовой», в семье Филиппова шуточно пугали детей. В семейной хронике сохранился рассказ об одном из таких представителей цензуры, запретившем публикацию в «Научном обозрении» небольшой научной заметки «Высочайшая гора Эверест», так как эпитет «высочайшая», по мнению цензора Африкана Африкановича Елагина, мог быть отнесен только к «высочайшим особам» царской фамилии. Неудивительно, что очередное ходатайство Филиппова о расширении журнала было снова отклонено Цензурным ведомством. Постановление гласило, что «с расширением „Научного обозрения“ испрашиваемыми отделами журнал этот совершенно утратил бы свой первоначальный характер. Предоставление издателю права обсуждать вопросы экономического свойства и существующие экономические теории при современном направлении экономической науки на Западе является крайне рискованным»⁴. Но Михаил Михайлович не сдавался, упорно стремясь к намеченной цели. Потерпев и на этот раз неудачу, он приходит к мысли о необходимости преобразования «Научного обозрения» в ежемесячный научно-философский журнал.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 776, 1893, оп. 8., д. 25, лл. 4—4 об.

Петиция литераторов

Цензурный произвол, усилившийся в России после прихода к власти Николая II, вызвал недовольство даже среди либерально настроенной интеллигенции. О многих событиях общественной жизни, как, например, студенческих беспорядках, крестьянских волнениях, забастовках, голоде, холере, специальными циркулярами Цензурного комитета было совершенно запрещено что-либо публиковать самостоятельно. Газетам и журналам дозволялось только перепечатывать правительственные сообщения без каких бы то ни было комментариев. Разрешения на новые периодические издания выдавались с невероятным трудом и только при условии крайне ограниченной программы.

По инициативе Н. К. Михайловского и известного юриста В. Д. Спасовича в 1894 г. среди петербургских журналистов и литераторов возникла мысль подать петицию царю об изменении действующих законов о печати. Либерально-народнические круги полагали, что петиция, подписанная рядом видных русских писателей, сможет оказать воздействие на представителей власти и ослабить самоуправство Цензурного ведомства.

Петицию подписали около 80 литераторов, в том числе В. Гаршин, Н. Гарин-Михайловский, Д. Мамин-Сибиряк, Н. Рубакин, Н. Михайловский, Вас. Немирсович-Данченко и др.

В обращении к царю было сказано:

«Государь! В составе Ваших подданных есть целая профессия, стоящая вне правосудия: это — профессия литературная. Мы, писатели, или совсем лишены возможности путем печати служить своему отечеству, как нам велят совесть и долг, или же, вне законного обвинения и законной защиты, без следствия и суда, претерпеваем кары, доходящие даже до прекращения отдельных изданий. Простыми распоряжениями администрации изъеются из круга печатного обсуждения вопросы нашей общественной жизни, наиболее нуждающиеся в правильном и всестороннем освещении. Простыми распоряжениями администрации изъеются из публичных

библиотек и кабинетов для чтения книги, вообще цензурой незапрещенные и находящиеся в продаже.

Весь образованный мир уже признает великое значение русской литературы. Благоволите же, государь, принять ее под сень закона, дабы ему лишь подчиненное и от непосредственного воздействия цензуры светской и духовной им же огражденное русское печатное слово могло, в меру своих сил, послужить славе, величю и благоденствию России»¹. При этом прилагалась записка с проектом пересмотра законов о печати, в которой излагались следующие основные положения:

«1. Повременные издания и печатание книг не следует подчинять предварительному разрешению: достаточно установленного заявления о приступе к изданию и его условиях на основании существующих уже программ или предъявления отпечатанной книги или брошюры в надлежащее учреждение до выпуска ее из типографии. Если необходимо установить какие-либо ограничения относительно издательской деятельности или лиц, которым не может быть предоставлено издательское право, то такие ограничения должны быть обозначены в законе.

2. Запрещение книг, изданий или издательской деятельности должно быть предоставлено суду за определенные в законе или повторные правонарушения.

3. Предостережения повременным изданиям и приостановки их следует вовсе отменить, так как уголовные и исправительные наказания вместе с возможностью ареста, совершенного уничтожения книг или прекращения изданий вполне обеспечивают государство, общество и частных лиц от возможных злоупотреблений печатным словом.

4. За незаконное оглашение в печати фактов или вопросов особой государственной важности достаточно установить надлежащие наказания по степени вреда, могущего произойти от такого оглашения, и применять такое наказание в общем судебном порядке. Самое установление не подлежащих оглашению фактов (например, план мобилизации войск, оборонительных предположений, тайных дипломатических переговоров и т. п.) может быть обозначено в законе.

¹ ЦГИАЛ, ф. ДП-3, 1895, д. 450, лл. 13—15.

5. Запрещение розничной продажи или объявлений в виде взыскания должно быть отменено.

6. За правонарушения, совершенные путем печати, взыскания с виновных должны налагаться исключительно по суду с воспрещением или уничтожением книг и других изданий, если они противоречат установленным законам».

Выдвигая этот проект, литературные круги рассчитывали, что рассмотрение вопросов о запрете печатных произведений в судебном порядке облегчит положение писателей и печатных органов. Писатели считали, что из двух зол меньшим является защита своих литературных прав не в кабинетах Цензурного ведомства, а через суд, в обстановке гласности.

Сведения о подготовленной петиции и записке с проектом изменения законов о печати, о сборе подписей среди литераторов незамедлительно дошли до Охранного отделения, которое сообщило Департаменту полиции о том, что вручить петицию царю предполагается через великого князя Константина Константиновича, «мецената» и «любителя поэзии», печатавшего свои посредственные стихи под псевдонимом «К. Р». Доставить же ему петицию для передачи царю взялся известный поэт-славянофил академик Аполлон Майков. Охранка сообщила также, что «в том случае», если в течение месяца петиция не дойдет по назначению, то решено обратиться к посредничеству короля Дании². Таким образом, назревал «международный скандал».

Тогда царское правительство предприняло меры, чтобы подкупить общественное мнение. Именным «высочайшим указом» министру финансов было предложено ежегодно выделять 50 тыс. рублей в распоряжение Академии наук для пособия нуждающимся ученым, литератором и публицистам. Царский указ вызвал новый взрыв негодования в передовых литературных кругах, правильно расценивших его как маневр со стороны правительства.

16 января 1895 г. этот вопрос обсуждался в редакции «Русского богатства». С резким протестом здесь выступил редактор журнала «Научное обозрение» М. М. Филиппов. В своей речи он сказал:

² ЦГИАЛ, ф. ДП-3, 1895, д. 450., лл. 13-15

*Обложка журнала «Научное обозрение»
(1899, № 8)*

«Мы, литераторы, оскорблены этой подачкой; пронюхали о том, что мы собираемся просить свободу печати, и пробуют зажать нам рот, задоблив денежной подачкой»³. Эти высказывания, дошедшие до полиции, впоследствии неоднократно использовались охранкой как одно из доказательств политической неблагонадежности Филиппова.

Однако ни протесты писателей, ни недовольство, растущее в передовой части русского общества, не умерили пыл Цензурного комитета. Именно в это время в прогрессивной литературе получает наиболее широкое распространение «Эзопов язык», которым пользовались и популяризаторы марксизма для изложения революционной теории Маркса и критики существующего строя. Политическая литература, проникнутая боевым духом марксизма и называющая вещи своими именами, распространялась лишь в списках или гектографических изданиях, как это было со знаменитой работой В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», написанной в 1894 г. и выпущенной в количестве всего 150 экземпляров.

Только во второй половине 90-х годов произведения революционных марксистов попадают под псевдонимами на страницы некоторых легальных периодических изданий.

Наиболее тесный контакт редакции журнала «Научное обозрение» с революционными марксистами относится к 1897—1900 гг. Эти связи возникли с момента преобразования «Научного обозрения» в ежемесячный научно-философский журнал, активно взявшийся за пропаганду материалистической науки, популяризацию марксизма. В начале XX в. цензура, получив сигналы от Охранного отделения об участии «в Научном обозрении» революционных марксистов, повысила свою бдительность, создавая многочисленные препятствия против публикации статей, проникнутых духом марксизма.

³ ЦГИАМ, ф. ДП-00, 1898, д. 13, ч. 33, л. 46—48 и 48 об.

Выступления марксистов на страницах «Научного обозрения»

Уже первые номера ежемесячного научно-философского журнала убедительно говорили о том, каково общественно-политическое лицо и тенденции его редактора. «Научное обозрение» за 1897 г. открывается обширной статьей Филиппова «Социологическое учение Карла Маркса». Публикация этой работы продолжалась в первых четырех выпусках журнала.

Попытка Филиппова издать статью отдельной брошюрой под названием «Учение Маркса» встретила категорические возражения со стороны цензуры.

25 мая 1897 г. цензор Пеликан докладывал своему начальству: «Статья эта, представляющая попытку ввести теории К. Маркса в систему социологии, уже была напечатана в журнале „Научное обозрение“ под более определенным и верным заглавием «Социологическое учение Маркса». Появление этой статьи в ученом журнале, благодаря строго научному тону, в котором она написана, не могло встретить препятствий, но появление ее в отдельном издании с тенденциозно измененным, ради привлечения публики, заглавием представляется нежелательным.

В ней на каждом шагу чувствуется, что Филиппов крайне высоко ценит ученые заслуги знаменитого германского социалиста и даже разделяет некоторые его увлечения... Все эти обстоятельства, в связи с значительным объемом статьи, обязывают цензора отнестись к ней с особенной строгостью и подвергнуть ее запрещению».

Цензурный комитет согласился с Пеликаном и через три дня принял определение:

«Статью, на основании 94 и 95 статей Устава о цензуре, согласно мнению цензора, к напечатанию отдельной брошюрой *не дозволять*»¹.

¹ «К истории журнала «Научное обозрение».— «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 117 (док. № 9).

В том же году в первом и втором номерах «Научного обозрения» за подписью Н. Б-тов была опубликована статья о Гольбахе под названием «Один из философов XVIII в.». Автором этой работы являлся Г. В. Плеханов, с которым Филиппову удалось установить к этому времени нелегальные связи. Материализм Поля Анри Гольбаха сыграл в свое время огромную роль в идеологической подготовке французской революции 1789 г. Атеистические работы Гольбаха высоко ценились классиками марксизма-ленинизма.

В 1897 г. в журнале печатаются: перевод работы К. Маркса «Заработная плата, цена и прибыль», речь о свободе торговли, произнесенная К. Марксом на публичном собрании брюссельской Демократической ассоциации 9 января 1848 г., а также работы Фридриха Энгельса. Помимо публикаций работ основоположников марксизма, в журнале были также помещены статьи и воспоминания о Марксе Эдуарда Эвелинга и Вильгельма Либкнехта.

В январском и августовском номерах «Научного обозрения» за 1899 г. появились работы В. И. Ленина: «Заметка к вопросу о теории рынков (по поводу полемики Туган-Барановского и Булгакова)» и «Еще к вопросу о теории реализации»; в майском и июньском номерах за 1900 г. — статья В. И. Ленина «Некритическая критика (по поводу статьи г-на П. Скворцова «Товарный фетишизм» в двенадцатом номере «Научного обозрения» за 1899 г.)». Все эти работы (за исключением последней) были написаны Лениным во время его пребывания в ссылке в селе Шушенском в Сибири. Статьи пересылались в Петербург по неофициальным каналам и печатались в «Научном обозрении» за подписью «Владимир Ильин» и «В. Ильин».

«Некритическая критика» была передана Лениным редактору «Научного обозрения» уже лично, во время нелегального приезда Владимира Ильича в Петербург в феврале 1900 г.

В письмах к родным из Шушенского В. И. Ленин неоднократно упоминает о «Научном обозрении», обращаясь с просьбами прислать ему этот журнал или направить в редакцию ту или другую его статью.

В письме к А. И. Елизаровой в ноябре 1898 г. В. И. Ленин писал: «Посылаю сегодня на мамино имя две тетрадки

СОДЕРЖАНИЕ № 8.

I. Желания в синдикатах в С. Штат	1423
II. Отъ гр. овет о Царвинг П. Осдорж	1459
III. Современное сельское хозяйство в К. Л.	1500
IV. Очерки о русских экономистах Н. Зибере — популяризаторы теории Маркса. М. Филип	1540
V. Еще кь вопросу теории реализации. В. Ильина	1564
VI. Отвѣтъ Ильину Петра С. Груве	1580
VII. Очерки текущей литературы. Бемъ Баверки и его русский послѣдователь	1585
VIII. Обзоръ популярной литературы. О Шубертъ-Зольдер и Юдвигъ Штейнф	1598
IX. Научныя новости.	
1. Матер. виварий въ П. 2. Съво. оу обь амбриональномъ раз. 3. Тризую. 3. Анализъ между физиологическимъ дѣйстви. кие оро. наго ододания высокой температурь и нѣкот. ядовъ. Изъ новѣйшихъ наблюдений въ полярныхъ моряхъ. Т. Фр.	1603
X. Библиографія:	
1. И. И. Майновъ. Нѣкоторыя данныя о тулгу хъ Якутскаго края. 4. Зеленина Г. Очеркъ истор. рин. оциологии. П. р. Е. 3. М. Ковалевскій. Развитие и. 3. Европ. 17. Берлина. 4. Д. М. ботан. В. 4. Dr. Arndt. Эконом. ж. послѣдствія прев. апетита Герман. въ промышленную ст. II.	1608
XI. Объявления.	
XII. Приложения.	
Берне. Париже. м. Пд. 2. 31.	

„рынков“... *Écrivain*² писал мне весной, что можно бы печатать по частям в „Научном обозрении“ или в другом журнале. Я, конечно, не против этого, но только вряд ли хоть один журнал захочет брать такую большую вещь — слишком это уже необычно было бы»³.

Речь шла о двух первых главах труда В. И. Ленина «Развитие капитализма в России (процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности)», что составляло по подсчету Владимира Ильича около восьми с половиной печатных листов.

Путаница, которую вносили в этот вопрос «легальные марксисты» Туган-Барановский и Булгаков, послужила поводом для выступления Ленина в «Научном обозрении» со специальной статьей, напечатанной в первом номере «Научного обозрения» за 1899 г. П. Б. Струве, передававший статьи Владимира Ильича в журнал, сопроводил ленинскую статью собственной публикацией «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве (по поводу книги Булгакова и статьи Ильина)». О солидарности М. М. Филиппова с мыслями, высказанными в статье Ленина, свидетельствуют примечания редакции «Научного обозрения». Ленин указывал, что «капитализму присуще, с одной стороны, стремление к безграничному расширению производительного потребления, к безграничному расширению накопления и производства, а с другой стороны — пролетаризирование народных масс, ставящее довольно узкие границы расширению личного потребления». В примечании сказано: *«Эта сторона учения Маркса, поскольку она развита во II-ом томе («Капитала».— Б. Ф.), была подчеркнута в статье М. М. Филиппова „Посмертный труд Карла Маркса“ — „Русское богатство“, 1885 г., декабрь. Народники также частью пользовались этим положением Маркса, но совершенно извратили его значение»*⁴.

Слухи о появлении ответной статьи Струве в первом номере «Научного обозрения» за 1899 г. дошли до Ленина только через месяц после выхода номера журнала, которого у него не было.

² «*Écrivain*» — писатель (фр.). Так В. И. Ленин в переписке называл П. Б. Струве.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 55, стр. 105.

⁴ «Научное обозрение», 1899, № 1, стр. 41.

Замѣтка къ вопросу о теории рынковъ

Вопросъ о теоріи рынковъ является предметомъ спеціальной науки, которую можно назвать теоріею народниковаго рынка. Въ теоріи народниковаго рынка необходимо различать теоретическія и практическія вопросы. Теоретическіе вопросы относятся къ сущности рынка, къ его роли въ народномъ хозяйствѣ, къ его развитію и кризису. Практическіе вопросы относятся къ вопросу о томъ, какъ регулировать рынокъ, какъ бороться съ его кризисомъ. Въ теоріи народниковаго рынка необходимо различать теорію рынка вообще и теорію народниковаго рынка въ частности. Теорія рынка вообще является предметомъ спеціальной науки, которую можно назвать теоріею рынка. Теорія народниковаго рынка является предметомъ спеціальной науки, которую можно назвать теоріею народниковаго рынка. Въ теоріи народниковаго рынка необходимо различать теорію рынка вообще и теорію народниковаго рынка въ частности. Теорія рынка вообще является предметомъ спеціальной науки, которую можно назвать теоріею рынка. Теорія народниковаго рынка является предметомъ спеціальной науки, которую можно назвать теоріею народниковаго рынка.

*Начало статьи В. Ильина (В. И. Ленина)
«Заметка к вопросу о теории рынков,
(по поводу полемики Туган-Барановского и Булгакова)»
напечатанной в журнале «Научное обозрение»
(1899, № 8)*

Это вызвало естественное волнение Владимира Ильича. 21 февраля 1899 г. Ленин пишет М. А. Ульяновой: «„Научное обозрение“ почему-то не считает нужным послать мне ни 1-й книжки журнала, ни оттиска моей статьи. Слышал о возражении П. Струве, но пока не видал его»⁵. Но уже через неделю, 28 февраля 1899 г., В. И. Ленин сообщает М. А. Ульяновой и А. И. Елизаровой: «Только от минусинцев получил № 1 „Научного обозрения“ со статьей П. Б. Струве против Ильина. Думаю ответить, хотя, по-моему, статья П. Б. больше за меня, чем против меня»⁶.

Подчеркнутое Лениным «за меня» отнюдь не означало согласия Владимира Ильича с соображениями, высказанными Струве. Скорее всего Ленин иронически подчеркивал отсутствие серьезной аргументации и логики в критических возражениях Струве. В письме от 7 марта 1899 г. Ленин уже извещает М. А. Ульянову: «Кончаю теперь статейку в ответ Струве. Напутал он презрительно, по-моему, и может вызвать этой статьей не мало недоразумений среди сторонников и злорадства среди противников. Думаю, если не удастся поместить ответ в журнале (хотя бы ввиду того, что Туган-Барановский или Булгаков опередят меня своими ответами; мне до сих пор не послана январская книжка „Научного обозрения“!), — включить его в „рынки“ в качестве четвертого приложения (статька не более как в 1 печатный лист). Конечно, в журнале было бы лучше»⁷.

П. Б. Струве в качестве посредника публикаций работ ссыльного Ленина был оценен «по достоинству» Владимиром Ильичем еще в ноябре 1898 г. Говоря о нем, Ленин отмечал: «...Только одно жаль, именно, что он невероятно и непостижимо неаккуратен в сношениях и, видимо, неисправим окончательно по этой части»⁸.

В период оживленной полемики о теории рынков Струве задержал передачу статьи В. И. Ленина «Еще к вопросу о теории реализации», по-видимому, также и с той целью, чтобы дать свой «ответ Ильину»

⁵ В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 55, стр. 141.

⁶ Там же, стр. 143.

⁷ Там же, стр. 146.

⁸ Там же, стр. 107.

в том же номере «Научного обозрения» (№ 8, за 1899 г.)⁹.

Статья Ленина все же появилась в «Научном обозрении», хотя и с большим опозданием. 22 августа 1899 г. В. И. Ленин пишет М. А. Ульяновой:

«Третьего дня получил я, дорогая мамочка, письма твое, Анютино и Манино, книгу от Анюты («Научное обозрение») и вырезки от Маняши. Мерси за все»¹⁰.

17 октября 1899 г. В. И. Ленин сообщает М. А. Ульяновой: «„Научное обозрение“ присылают иногда товарищи: его получают несколько близко живущих лиц, с которыми иногда удается и видеться»¹¹.

Вернувшись из ссылки, из Енисейской губернии, Ленин поселился в Пскове, так как ему было запрещено Департаментом полиции жительство в университетских городах и фабрично-заводских центрах. Охранное отделение было уведомлено провокатором М. Гуровичем («Харьковцевым»), издателем социал-демократического журнала «Начало», о намерении Ленина нелегально посетить Петербург, и полиция установила за ним неослабную слежку.

В Петербурге Ленин остановился в доме Геймана (в Большом Казачьем переулке), где проживал электротехник Комитета народной переписи Николай Мелченко, брат которого являлся членом петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

21 мая, утром, Ленин был задержан на улице, по выходе из квартиры Мелченко, где он ночевал.

Как рассказывал брат Владимира Ильича, Д. И. Ульянов, «два дюжих охранника крепко схватили будущего вождя мирового пролетариата, один за правую руку, у самого плеча, другой — за левую, и арестованный был зажат словно клещами». 10 дней Ленин провел под арестом, а затем был отпущен за отсутствием улик, но выдворен из Петербурга¹².

При допросе в охранке В. И. Ленин объяснил наличие у него определенной денежной суммы получением гонорара за статьи в «Научном обозрении» и других изданиях¹³.

⁹ См. там же, стр. 489, примечание 142.

¹⁰ В. И. Ленин и н. Полное собрание сочинений, т. 55, стр. 170.

¹¹ Там же, стр. 179.

¹² См. «Красная летопись», 1924, № 1, стр. 23.

¹³ Там же, стр. 18—26.

Интересовался «Научным обозрением» В. И. Ленин почти до самого отъезда в первую эмиграцию, в июле 1900 г.

В письме М. А. Ульяновой от 6 апреля 1900 г. из Пскова Владимир Ильич писал: «Видела ли Маняша „Научное обозрение“ № 3 и 4? Превосходна там статья о Писареве»¹⁴. Речь идет о статье «Дмитрий Иванович Писарев», автором которой была В. Засулич.

30 апреля того же года В. И. Ленин в письме к М. А. Ульяновой сетовал: «Филиппов пишет мне, что даже из статьи против Скворцова цензор почти треть выкинул! Вот напасть-то!»¹⁵.

Волей судеб журналу пришлось даже сыграть своеобразную роль конспиративной «оболочки» для проекта программы социал-демократической партии, написанной Лениным в тюрьме, еще в 1895 г.

В архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранятся три списка «проекта программы», важнейшего партийного документа. Первый список, найденный в личном архиве Ленина периода 1900—1904 гг., написан неизвестным почерком, симпатическими чернилами, на страницах «Научного обозрения» (№ 5 за 1900 г., майский номер), причем, чтобы отвести какие бы то ни было подозрения, между строк весьма «аполитичной» статьи С. Чугунова «Шейное ребро у человека с точки зрения теории эволюции». Список никак не озаглавлен, но страницы его пронумерованы карандашом ленинским почерком и вложены в конверт, на котором рукой Ленина написано «Старый (1895) проект программы»¹⁶.

Сотрудничество Владимира Ильича в легальных журналах, в том числе и в «Научном обозрении», было, разумеется, вынужденным явлением, ибо он мечтал о периодическом издании определенного направления, отстаивающем идеи революционного марксизма, ведущем принципиальную борьбу против оппортунистов и ревизионистов различных мастей.

Однако, будучи уже в эмиграции, в письме, отправленном 27 ноября 1901 г. Л. И. Аксельрод, Ленин

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 55, стр. 183.

¹⁵ Там же, стр. 185.

¹⁶ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 576, примечание 34.

В. И. ЛЕНИН
Фотография 1897 г.

рекомендует последней обратиться к М. М. Филиппову по поводу издания ее книги:

«Может быть, Филиппов мог бы Вам помочь? Ведь Вы у него печатались! У меня с ним порваны сношения»¹⁷.

Ленин, конечно, не мог знать, что редактор «Научного обозрения» был уже выслан из Петербурга и находился под надзором полиции.

В третьем и четвертом номерах за 1898 г. на страницах «Научного обозрения» была впервые напечатана под псевдонимом «А. Кирсанов» статья Г. В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории».

В этой работе Плеханов дал анализ одной из важнейших проблем теории марксизма, осветив решающую роль народных масс в историческом процессе. Субъективно-идеалистическим взглядам народников, утверждавших, что творцом истории являются «критически мыслящие личности», Плеханов противопоставил научную аргументацию, основанную на глубоком знании основных законов исторического развития.

В 1899 г. находившиеся за границей члены группы «Освобождение труда» переживали особенно трудное время. Плеханов в письме к С. М. Ингерману сообщал о том, что «положение теперь тяжелее, чем когда-нибудь... нас лишили даже нашей типографии, я не имею права взять из нее экземпляр моих собственных сочинений»¹⁸.

Для Плеханова несомненно имела большое значение открывшаяся тогда возможность публиковать некоторые свои работы в Петербурге, хотя цензурные условия не позволяли говорить на страницах легальной печати в полный голос.

В августе 1899 г. Филиппов писал Плеханову:

«Подтверждаю свое приглашение и очень рад Вашей готовности... Статью, полученную в виде корректуры, я мог бы прямо начать печатать под другим заглавием с подписью „А. Кирсанов“»¹⁹.

В сентябре того же года в связи с запозданием выхода журнала и, видимо, в ответ на сомнения Плеханова в возможности опубликования его статьи в условиях русской действительности Филиппов сообщал ему в

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 46, стр. 158.

¹⁸ «Исторический архив», 1956, № 6, стр. 10.

¹⁹ «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 148.

Париж: «Не только не переменял решения, но сам желал бы увидеть Вашу статью поскорее в печати»²⁰.

Вскоре работа Плеханова «Письма без адреса», явившаяся новым словом в области марксистского искусствоповедения, была напечатана в «Научном обозрении», а в декабре 1899 г. Филиппов известил автора о высылке ему гонорара. Вполне понятно, что установление связи с Плехановым было для Филиппова не легким и рискованным делом.

Гонорар высылался издательством для передачи А. Кирсанову по адресу проживавшего в Париже Топуридзе²¹. Издатель П. Сойкин не имел никакого представления о том, что фактический получатель этих денег — виднейший русский марксист, основатель группы «Освобождение труда» и что Кирсанов и Плеханов одно и то же лицо.

Одно из писем Филиппова к Плеханову, отправленное в июле 1899 г., имеет конспиративный адрес: «Автору „Beiträge“». Оно начинается: «Многоуважаемый Д. А.»²².

В письме к Плеханову от 17 сентября 1899 г. Филиппов делится с ним своими впечатлениями о Н. К. Михайловском:

«Читали ли „Карьеру Оладушкина“ в полном виде, в сборнике „Русского богатства“? Это окончательное падение Н. К. Михайловского. Пошлее и гаже я давно ничего не читал, думаю об этом высказаться печатно»²³.

Несколько позднее, 20 декабря 1899 г., Филиппов отвечает Плеханову на вопрос об уместности его участия в критической дискуссии о марксизме, поднятой главными представителями оппортунизма на русской почве Струве и Туган-Барановским:

²⁰ Архив Дома Плеханова, В. 439, 3, № 3449. Автограф.

²¹ Топуридзе (он же Исари и Карский) был делегатом на II съезде РСДРП от Тифлисского комитета. Впоследствии он перешел на сторону меньшевиков. Г. В. Плеханов и В. И. Ленин расценивали его как человека, не заслуживающего политического доверия (см. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 46, стр. 310).

²² Имеется в виду автор «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» («Очерки по истории материализма») — Г. В. Плеханов, так как инициалы «Д. А.» соответствовали одному из его литературных псевдонимов — «Д. Андреевич».

Архив Дома Плеханова, В. 439, 3, № 3449. Автограф.

«О Туган-Барановском напишите: если бы вздумали „пробрать“ и меня за взгляды на Маркса, я ставлю авторское самолюбие ниже истины, а поэтому и в этом отношении не стесняйтесь. В № 1 найдете мое собственное обоснование теории ценности²⁴. Мой взгляд: надо идти еще дальше Маркса, капиталист эксплуатирует не только живых, но и мертвых, т. е. мертвый труд, который должен был бы быть социальным достоянием. Он не только „кровопийца“, но и „святотатец“, посягающий на умерших. Между мертвым и живым трудом нет принципиального различия. Мертвый труд, кооперируясь с живым, повышает норму эксплуатации этого последнего благодаря тому, что кристаллизованный труд находится в руках капиталиста»²⁵.

Под надзором охраны

Статья Плеханова, о которой шла речь в приведенном выше письме Филиппова, появилась на страницах «Научного обозрения» лишь в октябре 1900 г. и весьма обеспокоила Охранное отделение, получившее по этому поводу 28 октября донесение Гуровича («Харьковцева»). Гурович вращался среди революционно настроенной интеллигенции и широко использовал оказываемое ему доверие для своей гнусной предательской деятельности.

Он сообщал, что в «Научном обозрении» царит теперь Плеханов, что в последнем октябрьском номере помещена статья Плеханова и Засулич, под псевдонимом Н. Карелина — «Заметки читателя по поводу „упразднения“ Туган-Барановским и Струве учения Маркса о прибыли».

Это было далеко не первое донесение о «крамольной деятельности» Филиппова. Концентрация вокруг редакции «Научного обозрения» «политически неблагонадежных лиц» и революционных эмигрантов не могла пройти мимо бдительного ока полиции. В Департаменте

²⁴ Речь идет о статье М. Филиппова «Критика новейших экономических учений» («Научное обозрение», 1900, № 1 и 2).

²⁵ Архив Дома Плеханова, В. 439, 4, № 3450. Автограф.

полиции уже с 1898 г. велось «дело» на журнал «Научное обозрение» и его редактора. К концу 1900 г. «дело» представляло собой несколько томов переписки, докладов, протоколов, постановлений и филерских донесений. Полицейская машина набирала пары, чтобы вытравить элементы революционной мысли и общественного сознания, пробуждаемые «Научным обозрением» не только среди учащейся молодежи, но и в рабочей среде.

Охранкой составлялись «черные списки» на сотрудников журнала.

В архивах Департамента полиции сохранилась «Справка о сотрудниках „Научного обозрения“»¹. Список Охранного отделения включает 32 фамилии и частично дублирует аналогичную «справку», относящуюся к журналу «Жизнь». Поэтому для получения сведений о Владимире Ульянове (Ильине), Александре Богданове и еще пяти сотрудниках, упомянутых в списках «Научного обозрения», авторы «справки» рекомендуют ознакомиться с делом журнала «Жизнь».

Что же касается остальных «политически неблагонадежных» сотрудников «Научного обозрения», то мы находим 25 соответствующих взглядам охраны характеристик политических деятелей, литераторов и ученых. Приводим некоторые из них:

1. **Ари, Виктор Алексеев.** Французский гражданин, незаконорожденный сын дочери коллежского асессора Александры Викторовны Лягуновой. Проживает большей частью за границей и находится в сношениях с выдающимися русскими эмигрантами народовольческого направления. В 1894 году приезжал в Россию с революционными поручениями от эмигрантов.

2. **Винярский, Лев Эдуардов,** еврей, мещанин, бывший студент Варшавского университета, доктор-доцент Женевского университета. Привлекался к дознанию по делу о преступном сообществе «Пролетариат» и, по высочайшему повелению, состоявшемуся в 30-й день апреля 1887 года, подлежит тюремному заключению на два месяца, а по отбытии сего срока ареста — подчинению гласному надзору полиции на один год в избранном месте жительства. Проживал в гор. Варшаве, откуда скрылся за границу и поселился в Париже, где

¹ ЦГИАМ, ф. ДП-00, 1898, д. 13, ч. 33, лл. 49—55 (подлинник).

В. И. ЗАСУЛИЧ
Фотография конца XIX в.

проживал до мая 1890 г., а во время производства обысков у русских эмигрантов по поводу изготовления разрывных снарядов переехал на жительство в Женеву, где продолжал принимать деятельное участие в революционных происках нашей эмиграции.

3. Засодимский, Павел Владимиров, дворянин. Известен с 1878 года по отношениям с революционными деятелями. Принадлежит к группе писателей-народников, занимавшихся пропагандой среди крестьян и учащейся молодежи. В 1891 году был подвергнут ограничению в праве жительства за вредное влияние на молодежь и произнесение противоправительственной речи на похоронах писателя Шелгунова.

4. Засулич, Вера Ивановна, дочь капитана. Скрылась за границу после оправдания ее в марте 1879 г. С.-Петербур-

бургским окружным судом по делу покушения на жизнь генерал-адъютанта Трепова. Ввиду кассации первоначального приговора подлежит вновь суду...

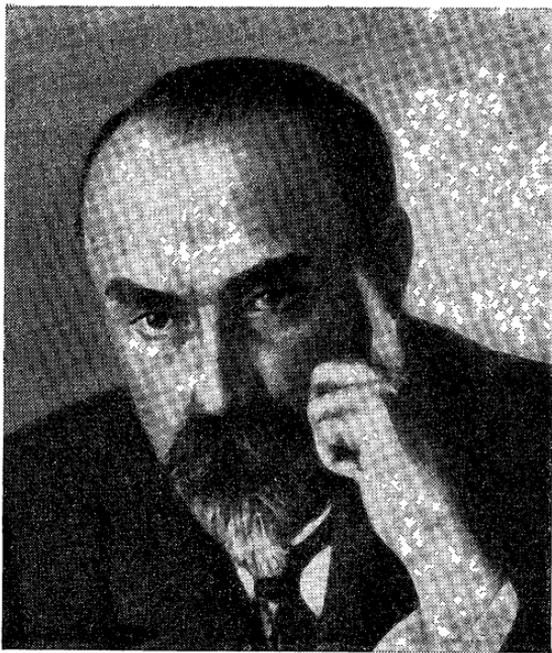
В 1892 г. Засулич проживала под именем «Белдинской», поселилась в Цюрихе и принадлежала к группе «Освобождение труда», во главе которой стоят эмигранты Плеханов и Аксельрод; принимает участие в социалистических собраниях, на которых произносит речи и читает рефераты...

5. **В. Зомбарт** — профессор Бреславльского университета. В социальной и экономической литературе известен, между прочим, по двум книгам: «Идеалы социальной политики» и «Очерки промышленного развития Германии». Первая из этих книг переведена эмигрантом Павлом Федоровым Тепловым и издана товариществом «Знание».

6. **Исаев, Андрей Алексеев**, бывший профессор С.-Петербургского университета. В конце восьмидесятых годов, еще в бытность профессором Ярославского юридического лицея, Исаев обратил на себя внимание постоянным стремлением к развитию социал-демократических идей... Кроме того, известно, что Исаев находится в постоянных сношениях с активными революционными деятелями и эмигрантами.

7. **Ковалевский, Максим Максимов**, статский советник, бывший профессор Московского университета. Ковалевский являлся личностью крайне либерального направления и принадлежал к фрондирующей группе профессоров, выражал недовольство существующим порядком, что старался внушить и студентам. В то же время он оказывал разные услуги революционерам, сочувствуя вообще революционному движению как в России, так и за границей... Ввиду крайне вредного влияния Ковалевского на студентов он в 1887 году был уволен из состава профессоров, без прошения, так как отказался подать таковое. После этого он выехал за границу, где вошел в тесное общение с нашими эмигрантами.

8. **Плеханов, Георгий Валентинов**, дворянин Тамбовской губернии, сын штабс-капитана, окончил курс в Михайловской Воронежской военной гимназии, состоял юнкером в Константиновском училище, а в 1874 году поступил в Горный институт, откуда

Г. В. ПЛЕХАНОВ
Фотография конца XIX в.

исключен со второго курса. Принимал участие в демонстрации 6 декабря 1876 года на площади Казанского собора и с тех пор скрылся; проживал первоначально в Женеве, затем, страдая чахоткой, находился в Монтрэ.

Плекханов основал партию «Освобождение труда» и занимается изданием брошюр социально-революционного содержания... В конце 1895 г. партия «Освобождение труда» слилась со всеми остальными заграничными социал-демократическими кружками в одну общую организацию: «Союз русских социал-демократов», причем последний стал в неприязненные отношения к Лондонскому фонду вольной русской прессы, но зато поддерживает связи с организованным в пределах России «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Плеханов печатает в находящейся в его ведении типографии «Союза» в Женеве свои произведения социалистического содержания, как за границей, так и в России,— под псевдонимом «Бельтов», «Волгин», «С. Ушаков», «Novus»,

«Плутанов». В настоящее время издает под своей редакцией журнал «Заря».

9. **Тотомианц**, Ваган Фомин, приемный сын чиновника, бывший студент Бернского и Цюрихского университетов, писатель-экономист. Проживал в 1895 году в Швейцарии, высылал в Астрахань революционные издания... Находится в сношениях с лицами, занимающимися активной революционной деятельностью. Согласно постановления Особого совещания, Тотомианцу воспрещено жительство в университетских городах и фабричных местностях, с подчинением гласному надзору полиции.

10. **Трачевский**, Александр Семенов, бывший профессор Новороссийского университета. Известен с 70-х годов по оппозиционной деятельности и сношениям с лицами политически неблагонадежными. Лекции его в университете по тенденциозному освещению исторических фактов очень часто носили противоправительственный характер. Трачевский является лицом, сочувствующим социал-демократическому движению.

11. **Фаусек**, Виктор Андреев, кандидат С.-Петербургского университета. В 1885 году проживал вместе с Петром Шевыревым, казненным по делу 1 марта 1887 года. Кроме того, известно, что он находится в сношениях с эмигрантами и заведует в книжном магазине Поповой изданием тенденциозного содержания.

12. **Хвольсон**, Орест Данилов, действительный статский советник, профессор. В 1899 году подписал в числе других профессоров петицию на имя господина министра внутренних дел, в коей было выражено, что профессора, не усматривая ни в беспорядке, произведенном на акте 8 февраля 1899 года, ни в последующих столкновениях с полицией ни малейшей политической окраски, для успокоения нервного возбуждения молодежи, вызванного разными случаями оскорбления личного достоинства, — просят вместо полицейского воздействия на студентов предоставить Советам профессоров обсудить меру к успокоению молодежи.

13. **Эрисман**, Федор Федоров, бывший профессор Московского университета, доктор медицины. В июле 1896 года Эрисман по распоряжению Министерства народного просвещения за вредное влияние на студентов был уволен из состава профессоров и выехал в Швейцарию. За гра-

ницей Эрисман вошел в сношение с выдающимися русскими эмигрантами, главным образом социал-демократического направления, каковы Плеханов, Аксельрод, Засулич и др., сделался одним из видных членов колонии эмигрантов в Цюрихе и стал одним из руководителей находящихся в Цюрихе русских студентов.

Справка подписана заведующим Особым отделом Департамента полиции чиновником особых поручений Ратаевым. «Редактируемый Филипповым журнал „Научное обозрение“, — писал вице-директор Департамента полиции Зволянский, — представляет собой орган так называемых марксистов, причем большая часть помещаемых в нем статей посвящена социализму и экономическим вопросам... Как усматривается из прилагаемой при сем справки, в нем сотрудничают эмигранты и те писатели, что и в «Жизни», издававшейся Поссе.

Сначала, из опасения закрытия, социализм журнала был очень робкий и редакция заботилась о том, чтобы изобилие статей по социализму не бросалось сразу же в глаза. За последнее время, несмотря на научность, журнал принял более резкое и определенное направление, за что и удостоился сочувственного адреса от рабочих, чем Филиппов, по имеющимся указаниям, очень гордился...

Значение таких органов, как „Жизнь“ и „Научное обозрение“, рельефно определяется мнением революционной среды, которая считает потерю подобных изданий гораздо более существенным общественным минусом, нежели все другие меры административного воздействия»².

Полиция пристально следила за каждым шагом ученого. Доносчики проникали всюду: на легальные собрания, на тайные студенческие вечеринки, в литературные салоны, в редакции прогрессивных журналов и газет и даже в домашнюю среду революционно настроенной интеллигенции.

В одном из донесений охраны сообщалось, что Филиппов присутствовал 8 февраля 1898 г. на студенческой вечеринке и произнес речь тенденциозного содержания. Весной 1899 г. на публичном заседании в Обществе содействия промышленности и торговле, в присутствии со-

² Доклад директора ОПб. департамента полиции С. Э. Зволянского о М. М. Филиппове, подвергнутом обыску в числе членов радикальной группы писателей. ЦГИАМ, ф. ДП-00, 1898, д. 13, ч. 33, лл. 46—48 и 48 об.

тен учащейся молодежи и в самый разгар студенческих беспорядков, Филиппов произнес речь, дышащую злобой и ненавистью к правительству, распрастраняясь о розгах и нагайках, докладывал другой доносчик.

Именно в это время, в марте 1899 г., Филиппов представил в Цензурный комитет «Программу сведений о материальном положении учащихся в высших учебных заведениях» для опубликования в «Научном обозрении». Программа ставила своей задачей выяснить, на какие средства существует основная масса студенчества, каков действительный бюджет ее расходов, какой процент студентов имеет собственные заработки и какой существует за счет обеспеченных родителей. Учитывая экономическую необеспеченность подавляющего большинства студенчества и волнения в высших учебных заведениях, Цензурный комитет, конечно, не разрешил опубликования опросных листов.

18 октября 1899 г. в Охранное отделение поступает донесение по поводу вечера, устроенного редакцией журнала «Жизнь», где раздавались голоса протеста в связи с запрещением правительством съезда литераторов и книгоиздателей, а также высказывались мнения о необходимости свободы печати.

На этом вечере, по сообщению того же провокатора Гуровича («Харьковцева»), выступал редактор «Научного обозрения» Филиппов, предложивший тост за 18 марта в России³ и за Чернышевского, как первого представителя рабочего социализма.

8 февраля 1900 г. Филиппов главным образом защищал марксизм от упреков в теоретичности и доказывал, что времена торжества уже недалеки и близко то время, когда мы увидим на Невском баррикады, говорилось в очередном донесении в охранку. В одном из докладов начальника Петербургского охранного отделения полковника Пирамидова сообщается о «вечеринке», устроенной 20 января 1901 г. на квартире у писателя Гарина-Михайловского под председательством М. М. Филиппова. Это собрание, посвященное памяти декабристов, превратилось фактически в митинг солидарности с бастующими студентами Киевского университета. На нем присутствовали до 200 студентов различных учебных за-

³ 18 марта — день Парижской коммуны.

ведений Петербурга, делегаты от некоторых других университетских городов и представители рабочих кружков столицы.

О том, что происходило на этой вечеринке, имеются два сообщения, отмечает в своем докладе Пирамидов,— от агента из рабочей среды и от интеллигента. И далее сообщает, что Филиппов прочитал телеграмму из Киева от «Киевского союзного совета», приглашая студентов других университетов примкнуть к забастовке киевлян.

6 ноября 1900 г. полиция переписала всех присутствовавших на нелегальном собрании на квартире у известного петербургского адвоката Стасова, в том числе и Филиппова.

В декабре 1900 г. Филиппов на вечеринке в Лесном (в то время пригород Петербурга), устроенной слушателями Рождественских курсов, по донесению агента полиции, участвовал в прениях «о наилучших способах борьбы с правительством».

В январе 1901 г. полиция приняла меры к ликвидации петербургских революционных групп, занимавшихся пропагандой среди рабочих. Начались массовые обыски и аресты. Домашнему обыску был подвергнут и Филиппов, но, как указывалось в докладе Зволянского, «по отсутствию результатов» оставлен на свободе. Охранное отделение в «совершенно секретной» записке от 27 февраля 1901 г. довело до сведения начальника Петербургского губернского жандармского управления, что после обыска Филиппов «выделен в особое дознание». 18 апреля его вновь подвергли обыску, но так же безрезультатно.

Крайнее озлобление в официальных кругах вызвали статьи Филиппова в «Научном обозрении», в которых он резко критиковал систему среднего и высшего образования в России и реакционную политику генерала В. П. Ванновского, назначенного министром народного просвещения и пытавшегося, по словам Ленина, заигрывать с обществом⁴. Филиппов выступал против рутинных программ средней и высшей школы, против засилья классицизма, перегрузки учебных планов древними языками в ущерб изучению новых западноевропейских и отечественного языков. Он высказывался за коренную реформу русских гимназий и университетов, введение преподава-

⁴ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 34.

ния естественных наук, распространение реального образования.

«Несмотря на свое название,—писал он,— реальные училища платят очень ничтожную дань таким реальным наукам, каковы естественные в настоящем смысле слова. Число часов, отведенных на естественную историю, ничтожно, и самое преподавание в большинстве реальных училищ сводится к сухому изучению начал морфологии и систематики. Химия и часть механика выброшены теперь из курса реальных училищ, и есть немало голосов, вполне сочувствующих этому под тем предлогом, что нельзя в реальном училище создавать технологов, химиков и механиков. Рассуждающие таким образом, очевидно, не знают, что при разумной постановке преподавания химии предмет этот способен заинтересовать уже двенадцатилетних детей, а тем более учеников старших классов... Совершенно непонятно, как могла прийти на ум несчастная мысль счесть этот предмет «бесполезным» для реальных училищ».

Далее Филиппов выдвигает свою программу «единой средней школы» с тремя отделениями после пятого класса: естественно-математическим, историко-филологическим и техническим, учитывая индивидуальные склонности и способности учащихся.

Говоря о связи школы с обществом и семьей, ученый указывает, что «школа в общем такова, каково общество, заслуживающее эту школу», что школа отражает, как правило, весь общественный строй, что она развивалась и приходила в упадок параллельно с общественным развитием и упадком. «Приходится крайне пожалеть о том, что общественный подъем в начале 60-х годов XIX в. не вызвал соответствующей реформы всего учебного дела в России и, в частности, коренной реформы средней школы. Однако одного уже уничтожения позорной розги достаточно, чтобы убедиться в том, что 60-е годы прошлого столетия все же далеко не остались бесплодными в истории русской школы».

Серьезное раздражение в официальных сферах вызвал также выпуск редакцией «Научного обозрения» приложения к журналу под названием «Народный университет».

25 ноября 1900 г. Петербургский цензурный комитет в специальной записке вынужден был давать по этому поводу объяснение Главному управлению по делам печати,

придумывая всевозможные «оправдания» своему столь необдуманному «проступку» — выдаче разрешения на приложение.

Во-первых, сочинения, которые должны были появиться под этим общим заглавием, говорилось в записке, все без исключения относятся к области точных наук и в цензурном отношении представляются совершенно безразличными; характер этих приложений свидетельствует о новом повороте во взглядах и направлении журнала, который заметно утрачивает прежнюю марксистскую и социалистическую окраску.

В самом названии «народный университет», указывалось далее, нельзя усмотреть чего-либо опасного или вредного. Народные университеты на Западе действительно существуют, но в России говорить о них по меньшей мере преждевременно, ибо русские народные массы нуждаются в элементарных школах, а не в университетах. А посему, дескать, цензор Соколов, давший разрешение редактору на выпуск этого скромного приложения, не вышел из пределов разрешенной журналу «Научное обозрение» программы.

В данном случае Цензурный комитет защищал, конечно, не Филиппова, а честь своего мундира. «Народный университет» имел своей целью распространение научно-материалистических и социально-экономических знаний в форме популярных сочинений и статей, «доступных даже для читателей, обладающих самой элементарной подготовкой», как говорилось в опубликованном в журнале объявлении⁵.

Несмотря на отсутствие прямых улик, компрометирующей переписки, прокламаций и т. п., Филиппову инкриминировалась принадлежность к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», к «Рабочему знамени» и редакционной группе «Рабочей социал-демократической библиотеки».

Насколько основательны были обвинения, предъявленные Филиппову охранкой, установить точно по материалам архива Департамента полиции не представляется возможным. Во всяком случае связи Филиппова с революционными организациями России так же, как и с группой «Освобождение труда», не вызывают никаких сомнений.

⁵ «Научное обозрение», 1900, № 9.

В 1901 г. предпринимается новый решительный полицейский нажим на Филиппова. Постановлением особого совещания Министерства внутренних дел от 1 июня 1901 г. ему запрещается жительство в университетских городах и фабричных местностях страны сроком на три года.

24 июня того же года и. о. вице-директора Департамента полиции Лемтюжников препровождает петербургскому градоначальнику секретное распоряжение следующего содержания:

«Признавая полезным подчинить проживающего в С.-Петербурге сына титулярного советника, доктора философии Михаила Михайловича Филиппова негласному надзору, согласно положению 1-го марта 1882 г., Департамент полиции имеет честь просить Вас, милостивый государь, учредить за означенным лицом негласный надзор, руководствуясь указаниями циркуляра от 1-го декабря 1889 г. за № 4113...»⁶

«Милостивому государю» петербургскому градоначальнику, правда, не пришлось утруждать себя этими хлопотами, потому что осуществление тайного надзора за Филипповым вскоре было перепоручено тем же Лемтюжниковым начальнику финляндского жандармского управления, поскольку Филиппов избрал местом жительства Териоки (ныне Зеленогорск). Этот курортный пригород Ленинграда относился в то время к Великому княжеству Финляндскому и не фигурировал в запретном перечне Министерства внутренних дел. В Териоках образовалась небольшая колония русских ученых, высланных из Петербурга, в составе которой, между прочим, был и П. Ф. Лесгафт, находившийся также под негласным надзором полиции. Особым секретным распоряжением от 16 октября 1901 г. Лемтюжников обязывал финляндское жандармское управление установить слежку за Филипповым и Лесгафтом, предусмотрительно сообщив, что оба «состоят под заботливым» и неослабным попечением столичной полиции и числятся на регистрации в С.-Петербурге.

⁶ ЦГИАМ, ф. ДП-3, 1897, д. 1671, л. 28— отпущк.

История одного совпадения

В первом издании книги «Тернистый путь русского ученого» мной было высказано предположение, что начало сотрудничества В. И. Ленина в «Научном обозрении» может быть отнесено к 1898 г.

Впервые мне пришлось столкнуться с этим вопросом еще в 1923 г., когда я работал над статьей, посвященной памяти отца, для журнала «Красная летопись».

Через много лет, в 1958 г., с аналогичным предположением выступила Н. И. Филиппова в своей публикации «К истории журнала „Научное обозрение“»¹.

Что побудило нас сделать этот вывод?

17 февраля 1897 г. В. И. Ленин был выслан из Петербурга. В первых числа марта он прибыл в Красноярск, где задержался сначала в ожидании назначения места ссылки, а затем начала навигации, так как дальше предстояло следовать на пароходе до Минусинска, а оттуда на лошадях в село Шушенское.

17 апреля Владимир Ильич просил А. И. Ульянову: «Напиши, пожалуйста, писателю, что я был бы очень рад, если бы он отделил несколько десятков рублей и согласился послать мне вместо них книг: и русских, и иностранных, и для рецензий, и просто так. Предметы, меня интересующие, ему известны, а посылать книги он мог бы тебе. С удовольствием взял бы и всякие вещи для переводов: я мог бы уже сам распределять между минусинцами и даже туруханцами (*не очень спешные*), взяв на себя самое предприятие перевода и ручательство за их своевременное и надлежащее выполнение».

В примечании Владимир Ильич добавляет по поводу «писателя», упоминаемого в письме: «На выбор его я полагаюсь вполне, а интересует меня эта уплата книгами потому, что это — единственный способ получать *тогда же* важные новинки: для работы в журнале своевременность статей и рецензий зело важна»².

После этого письма в № 6, 7 и 9 (июнь, июль, сентябрь) за 1898 г. «Научного обозрения» были опубликованы

¹ «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 107—138

² В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 55, стр. 33.

Когда написана.		Когда и где печаталась.
1897 г.	Отправка в ссылку (Сибирь) в конце февраля 1897 г. до февраля 1900 г. К характеристике экономического романтизма (К. Т-н).	Журнал «Новое Слово», 1897, апрель, май, июнь, июль.
	Задачи русских демократов *) (брошюра).	Издана в Женеве в октябре 1898, «Группой Освобождения Труда».
	О законе 2-го июня 1897 г. (брошюра)	Издана в Женеве в начале 1899, «Группой Освобождения Труда».
	По поводу одной газетной заметки (К. Т-н). («Рус. Вед.» 30/УИИ Н. Левитского).	«Новое Слово» 1897 г. октябрь.
1898 г.	От какого наследства мы отказываемся?	Сб. В. Ильин. «Экономические Этюды Статья», 1899
Начало года.	Первы народнического проженктерства.	Сб. «Экономич. Этюды Статья» 1899 г.
После мая.	К вопросу нашей фабрично-заводской тистики.	Сб. «Экономич. Это Статья», 1899 г.
Средина.	Кустарная лерепись 1894/6 Пермск. губ. и общие вопросы кустарной промышленности.	Сб. «Экономич. Этюды 1899 г.
	A. Baranski. Die vorgeschichtliche Zeit im Lichte der Haushier Kultur. Wien, 1898 (Ва. Ул.). Рецензия.	Журнал «Научное Обозрение», 1898 г.
	2. Wiell Altmann. Ausgewählte Urkunden ausserdeutschen Verfassungsgeschichte seit 1776. Berli, 1897 (Ва. Ул.). Рецензия.	
	3. H. Höllding. Rousseau und seine Philosophie. Stuttgart, 1898 (В. Ул.).	
	Carl Ballod. Die Lebensfähigkeit der städtischen und ländlichen Bevölkerung. Leipzig, 1897 (Ва. Ул.).	«Научное Обозрение», июнь 1898

*Не
написано?
Одлично?
Уже это?
Не мое?*

* Эта и следующие работы — до начала 1890 г. — написаны в ссылке.

восемь рецензий за подписью «В. Ул.» на немецкие издания, посвященные экономическим, правовым и философским вопросам.

В перечне литературных псевдонимов Владимира Ильича «В. Ул.» до сих пор нигде не значится, но в т. 55 Полного собрания сочинений В. И. Ленина (издание пятое) и в письмах Ленина к родным подпись «В. Ул.» неоднократно встречается.

Как известно, посредником, через которого передавались статьи Ленина в «Научное обозрение», был Струве. О нем упоминает Владимир Ильич в письмах к родным, конспирируя Струве под кличкой «écrivain» и «писатель».

В рецензиях, о которых идет речь, дан критический разбор следующих книг:

А. Баранский. Доисторическое время в свете культуры домашних животных. Вена, 1897;

«Избранные документы по истории конституций в негерманских государствах с 1776 года». — Берлин, Изд. В. Альтман, 1897;

Г. Геффдинг. Руссо и его философия. Штутгарт, 1897;

К. Баллод. Жизнеспособность городского и сельского населения. Лейпциг, 1897;

Г. И. Розенберг. К рабочему законодательству в России. Лейпциг, 1897;

Р. Гильдербранд. Право и нравственность на различных хозяйственных ступенях культуры Германии, ч. 1. Йена, 1896;

К. Валькер. Карл Маркс. Лейпциг, 1897;

В. Штида. Жизнеспособность ремесленного производства в Германии. Росток, 1897³.

³ Названия рецензируемых книг в подлинниках:

1. A. Baranski. Die vorgeschichtliche Zeit im Lichte der Hasisthierkultur. Wien, 1898.
2. Wiell Altmann. Ausgewählte Urkunden zur ausserdeutschen Verfassungsgeschichteseit 1776. Berlin, 1897.
3. H. Höffding. Rousseau und seine Philosophie. Stuttgart, 1897.
4. Carl Ballod. Die Lebensfähigkeit der städtischen und ländlichen Bevölkerung. Leipzig, 1897.
5. G. Rosenberg. Zur Arbeiterschutzgesetzgebung in Russland. Leipzig, 1897.
6. R. Hilderbrand. Recht und Sitte auf verschiedenen wissenschaftlichen Kulturstufen. Jena, 1896.
7. Karl Waleker. Karl Marx. Leipzig, 1897.
8. Wilh. Stiede. Die Lebensfähigkeit des Deutschen Handwerkes. Rostok, 1897.

Уже сам псевдоним «В. Ул.», совпадающий с начальными буквами имени и фамилии Владимира Ульянова, послужил поводом для выяснения вопроса: кто же был автором этих рецензий?

Основываясь на «Перечне напечатанных работ В. И. Ленина» (вып. 1, 1894—1914 гг.), изданном при жизни Владимира Ильича в Москве в 1920 г. (где эти рецензии указаны), я в примечании к своей статье в «Красной летописи» констатировал принадлежность этих рецензий Ленину.

Однако уже в 1925 г. в том же журнале (№ 2/13, стр. 284) появилось «Письмо в редакцию» Ив. Товстухи, утверждавшего, что ему «удалось точно установить автора этих рецензий, подписанных буквами „В. Ул.“» «Это не *Вл. Ульянов*, а *Вас. Ульрих*, известный по работе в Риге марксист, ныне здравствующий в Москве (отец председателя военно-революционного трибунала В. В. Ульриха)».

Правда, заявление Ив. Товстухи звучало несколько голословно, поскольку он не сослался на какие-либо источники, и до сих пор неясно, как им была установлена подлинная принадлежность рецензий. Со стороны Василия Ульриха никакого подтверждения в печати о своем авторстве не последовало. Таким образом, с точки зрения научно-исследовательской вопрос не был решен. Он несколько прояснился после издания «Каталога библиотеки В. И. Ленина в Кремле», где были воспроизведены собственноручные пометки Владимира Ильича на отдельных книгах. Оказалось, что на полях указанного «Перечня» возле рецензий, подписанных псевдонимом «В. Ул.» и опубликованных в «Научном обозрении» в 1898 г., Владимир Ильич поставил вопросительные знаки и сделал пометку: «Не помню. Думаю, что это не мое»⁴. Это можно было понять скорее всего как отрицание своего авторства, но первые слова — «не помню» — не давали все же повода прийти к окончательному выводу. Ведь В. И. Ленин действительно мог забыть свои рецензии 20-летней давности, в особенности тех лет, когда он главным образом уделял время знаменитому труду «Развитие капитализма в России». Теперь предстояло выяснить, достаточно ли основательно утверждение Ив. Товстухи в 1925 г. о том, что

⁴ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог». М., 1961, стр. 123.

это «Вас. Ульрих, известный по работе в Риге марксист?» Ответ на этот вопрос дают статьи А. И. Володина «Из истории марксизма в России»⁵ и «Необоснованное предположение»⁶.

Хотя тематика значительной части рецензий совпадала с кругом вопросов, интересовавших В. И. Ленина, прямым доказательством ошибочности предположения о принадлежности их Ленину следует считать не только стилистические особенности, несвойственные великому теоретику марксизма-ленинизма, но и прямое несоответствие некоторых положений общеизвестным взглядам Владимира Ильича. Как указывает редакция «Вопросов истории КПСС», они «при всей своей содержательности не отличаются той марксистской выдержанностью и политической остротой, которые присущи работам В. И. Ленина».

Так, например, в одной из рецензий, напечатанной в «Научном обозрении» в 1901 г., «В. Ул.» пишет, что третий том «Капитала» вряд ли представляет собой аутентичное произведение К. Маркса, чем и объясняются, по мнению «В. Ул.», некоторые противоречия между ним и предыдущими томами «Капитала». Однако известно, что примерно в эти же годы В. И. Ленин выступает против «критиков» марксизма, доказывая, что между первыми двумя и третьим томом «Капитала» нет никаких противоречий.

Уже этот один довод, приведенный Володиным и разделяемый редакцией «Вопросов истории КПСС», настолько убедителен, что сразу же снимает все сомнения.

Редакция «Вопросов истории КПСС» отмечает также, что «исследуемые рецензии, как правило, лишены завершающего вывода, отражавшего позицию рецензента, что не соответствует приемам ленинского письма».

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС А. И. Володин обнаружил анкету-автобиографию Василия Даниловича Ульриха, из которой явствовало, что он дважды высылался в Сибирь. В последний раз был арестован в Риге в конце 1897 г., подвергнут строгому тюремному заключению и 31 марта

⁵ А. В о л о д и н. Из истории марксизма в России.— «Известия Академии наук Латвийской ССР», 1961, № 5 (166).

⁶ А. И. В о л о д и н. Необоснованное предположение.— «Вопросы истории КПСС», 1962, стр. 150—153.

1899 г. выслан в Илимск, Иркутской губернии, где и пробыл до 1903 г. «Кроме работы пропагандистской, он все время занимался также литературной работой по экономическим вопросам, в частности, был постоянным сотрудником и переводчиком журналов с марксистским направлением...» Ульрих прямо указывает на свое сотрудничество в «Научном обозрении»⁷.

Впервые имя В. Ульриха в качестве сотрудника «Научного обозрения» дается полностью, как это ни странно, в самый тяжкий период для него и наименее удобный для редакции журнала: на обложках номеров в 1899 г. наряду с именами В. И. Ильина (Ленина) и А. Кирсанова (Плеханова), где сообщалось о продолжении подписки на «Научное обозрение» в 1899 г. и начале подписки на 1900 г.

В 1900 г. в журнале впервые появилась статья В. Ульриха «„Доброе старое время“ в Ливонии» за полной подписью ее автора.

В том, что В. Ульрих и «В. Ул.» одно и то же лицо, убеждает еще одна любопытная деталь. В № 3 «Научного обозрения» за 1901 г. на стр. 286—290 помещена рецензия «В. Ул.» на книгу С. Франка «Теория ценности Маркса и ее значение». Однако по какой-то случайности редакция в оглавлении расшифровала псевдоним: «В. Ул-х» (В. Ульрих).

Я счел необходимым рассказать обо всем этом не только потому, что приведенные выше факты подтверждают связи редакции «Научного обозрения» с революционными марксистами (В. Ульрих вступил в социал-демократическую партию в 1901 г. в Сибири), но и потому, что история ошибочной гипотезы о принадлежности Ленину рецензий за подписью «В. Ул.» особенно поучительна в свете широчайших поисков новых ленинских документов в период подготовки к 100-летию со дня рождения основателя Советского государства. Она еще раз убеждает в том, с какой осторожностью и глубиной должны работать исследователи.

Расшифровке литературного псевдонима или публикации без подписи порой помогает не только всесторонний анализ произведения, но и доказательства иного по-

⁷ А. В о л о д и н. Из истории марксизма в России.— «Известия АН Латвийской ССР», 1961, № 5 (166), стр. 3—11.

рядка: бухгалтерская книга издателя, квитанция о почтовом переводе литературного гонорара и т. п.

С. Белов в «Вечернем Ленинграде» писал, что ему удалось найти документ, еще раз подтверждающий сотрудничество В. И. Ленина в журнале «Научное обозрение». «Собирая материалы о жизни и деятельности П. П. Сойкина, я обнаружил в отделе социального обеспечения Петроградского района пенсионное дело издателя, скончавшегося в 1938 году. Среди прочих документов в деле находится автобиография П. П. Сойкина, в которой издатель сообщает: «...факт сотрудничества В. И. Ленина-Ульянова в издаваемом мной журнале „Научное обозрение“ подтверждается: 1) прилагаемым при сем фотографическим снимком с почтовой квитанции о переводе мною, П. П. Сойкиным, В. И. Ульянову-Ленину, отбывавшему в ту пору административную кару в г. Минусинске, гонорара за статьи, напечатанные в „Научном обозрении“».

С. Белов указывает далее, что на следующем листе пенсионного дела Сойкина он обнаружил фотоснимок конторской книги издателя с почтовым переводом В. И. Ленину гонорара — 54 рублей за статью «Еще к вопросу о теории реализации». На почтовом переводе сумма гонорара, название города — Минусинска — и фамилия — Ульянов ⁸.

Вполне возможно, что усилиями исследователей будут заполнены «белые пятна» истории «Научного обозрения», касающиеся вопроса о том, как и через кого попадали в редакцию статьи и рецензии ссыльного поселенца Василия Даниловича Ульриха. Каковы причины того, что в списках Охранного отделения, составленных на «краснольных» сотрудников журнала, отсутствует фамилия осужденного на поселение в Сибирь Ульриха? Каким образом царская цензура оставила без всякого внимания подпись Василия Ульриха, разрешив ее к печати? Не могло же Цензурное ведомство не быть осведомленным о его слишком явной «политической неблагонадежности»?

⁸ С. Белов. Находка в пенсионном деле. — «Вечерний Ленинград», № 158 (5395), 6 июля 1963 г.

Связи с Л. Н. Толстым

Филиппов впервые обратился к Толстому в 1881 г., вскоре после убийства Александра II.

Первое письмо Филиппова к Толстому как к «властителю дум» свидетельствует о той внутренней борьбе, которая происходила в душе молодого 22-летнего человека в эпоху «безвременья».

Письмо это — своеобразная исповедь интеллигента 80-х годов, далеко не свободного от многих предрассудков, в том числе национальных и религиозных, но ищущего пути к правде, к решению моральных проблем своего века. Несомненно в его сознании созрело убеждение, что дальше «так жить нельзя», что печальная действительность завела русское общество в тупик, выход из которого он видел лишь в борьбе против экономического и политического порабощения масс. Однако Филиппов главной силой считал крестьянство и недооценивал исторической роли рабочего класса в условиях развития капитализма в России.

Несмотря на некоторую наивность и экзальтированность, юношеское письмо Филиппова представляет интерес как документ эпохи. Оно написано на бланке редакции «Русского богатства»:

«Уважаемый Лев Николаевич!

Я только что прочел Ваше письмо к NN ¹, и из всех Ваших произведений оно произвело на меня самое сильное впечатление, потому что вопрос о борьбе с насилием занимал меня с тех пор, как я стал жить сознательную жизнь. Правда, некоторые благоприятные обстоятельства спасли меня от греха убийства и других смертных грехов, но я твердо верю в евангельскую истину, которая гласит, что грешить можно не только делом, но и мыслью, и словом. Я не омыл рук в крови правительственных лиц, но я мог совершить подобное дело, потому что не считал его греховным. Я не украл в своей жизни ни одной копейки у бедняка, но я мог сделать это в несколько худ-

¹ Речь идет о письме Толстого к М. А. Энгельгардту.

ших обстоятельствах, потому что не считал греховным занять 100 рублей у товарища на греховные цели, которые скрыл от него, так как в противном случае не получил бы от него денег. Греховность наших поступков зависит, конечно, не от того, удалось ли нам убить, ограбить или совершить насилие над женщиной, а от того, что мы — сознательные существа и не тигры, а люди; поэтому, хотя я не убил, не украл, не изнасиловал, — я считаю себя совершившим все эти поступки. Я ликовал, когда узнал о смерти покойного государя. Правда, какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что такое ликование не только греховно, но и глупо, что смерть одного человека — будь он Александр II или Иван Иванович — ровно ничего не изменит...

Еще раньше того произошла у нас в университете „сабуровская история“. Я видел, как один из моих товарищей ударил министра и бросился бежать между стульями. В то же время сверху посыпались дождем прокламации. Я не одобрял этой истории, но не потому, чтобы не сочувствовал насилию, а потому что считал самый поступок слишком глупым и бестактным.

Вскоре после „сабуровской истории“ у нас произошли сходки по поводу предполагаемого студенческого бала. Некоторые студенты предложили послать приглашительные билеты заграничным анархистам и революционерам. Я считал эту выходку детски глупой, но по поводу ее в университете возгорелась беспримерная распря.

На одной из сходок одолело консервативное большинство, и какой-то юрист IV курса внес предложение:

— Если Сабуров явится к нам на бал, то образовать вокруг него почетную стражу!

Другой, еще более ярый консерватор, закричал:

— О господи! А я предлагаю, если кто-нибудь из бунтарей осмелится хоть свистнуть при появлении министра, немедленно заявить о том ректору.

Один из радикалов, протискиваясь сквозь толпу, гневно сказал:

— Я называю вас подлецами! Подлец тот, кто доносит на товарищей!

— Не только доносить, а выносить вас будем! — ответил консерватор.

Поднялся невообразимый шум и гам; чуть не дошло до свалки. Естественники и математики одного из курсов

прислали к юристам депутата. Когда оказалось, что в собрании юристов консерваторы неминуемо одолеют, этот депутат вскочил на скамью и закричал:

— Господа! От имени моего курса заявляю вам, что мы не можем считать себя солидарными с людьми, которые желают обратиться в добровольных сыщиков.

Дальше описывать не стану. Но после этой истории университет мне опротивел. Не потому, чтобы я считал себя лучше других, а потому что увидел в других свою собственную гадость. Многих из моих товарищей предали университетскому суду. После 1 марта были произведены многочисленные аресты. Я не попал ни под суд, ни в руки полиции, но по некоторым обстоятельствам все же должен был оставить университет. Обстоятельства эти заключались в следующем.

Моя мать владела имением в Киевской губернии.

История этого имения ничем не отличается от истории других разорившихся имений, а потому я не стану об ней распространяться. Словом, имение было разорено, заложено в банке, перезаложено ростовщику... и обременено векселями... Я не знал о положении имения до тех пор, пока не получил письма от дяди (соседа моей матери по имению). Прочитав, я ужаснулся; но, подумав несколько, решил, что дело непоправимо и что ради этого не стоит ехать из Петербурга».

Далее Филиппов пишет о том, что явилось основной побудительной причиной для выезда его к матери, в Киевскую губернию.

«Я знал подробности недавнего чигиринского бунта, в котором участвовало несколько тысяч крестьян, и был уверен, что теперь возникнет нечто еще более грандиозное, новая пугачевщина, которая перейдет на всех богатых людей и приведет к полному разрушению государства, основанного на экономическом и политическом порабощении масс...»

Чигиринский бунт или так называемый «чигиринский заговор», о котором писал Филиппов, возник в 1877 г. в Чигиринском уезде, Киевской губернии, на почве крестьянских волнений, охвативших свыше сорока сел. Волнения начались уже в начале 70-х годов среди бывших государственных крестьян, в связи с люстрацией земель (опись государственных земель), в ходе которой крестьяне потребовали распределения земли по душам. Требова-

ние это было выдвинуто беднейшей частью деревни, в то время, как зажиточные крестьяне отстаивали существующие надворные формы землепользования.

Инициаторами «чигиринского заговора» была группа народников (Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, И. В. Бохановский и др.), при содействии которых в Чигиринском уезде были созданы крестьянские «тайные дружины» в целях организации вооруженного восстания против помещиков.

Однако эта организация была вскоре раскрыта полицией и активные ее участники (Е. Олейник, И. Писковой, М. Гудзя, К. Прудкий, Л. Тененик и др.) осуждены на долгосрочные каторжные работы.

«Чигиринское дело» вызвало широкий резонанс далеко за пределами Украины, но в то же время способствовало усилению полицейского произвола, который принимал настолько уродливые формы, что под влиянием растущего массового возмущения и гласности, судебные власти вынуждены были привлекать иногда к ответственности полицейских, творивших беззаконие.

В книге активного участника «Земли и воли» О. В. Аптекмана, изданной в Петрограде в 1924 г., указывается, что в 1876 г. взбунтовавшаяся волость Шабельники, Черниговского уезда, была наказана военным постоем и совершенно разорена; около ста крестьян заключены в тюрьмы.

Перед этим, в том же Черниговском уезде двое крестьян, отказавшихся от уплаты податей, были засечены насмерть.

К сожалению, пропаганда, которая велась среди крестьянства, наталкивалась часто на пассивность деревенского населения, на вековую отсталость и веру в справедливость «царя-батюшки», в то, что причиной всех бед является не вся система царизма, а «злодеи-чиновники», над которыми якобы обязательно учинит управу российский государь.

Для того чтобы стимулировать «чигиринский бунт» Стефанович прибег к хитрости и предъявил чигиринцам два «документа»: «царскую грамоту» и «устав тайной дружины», якобы исходящих от царя и приказывающих крестьянам объединяться и восстать против помещиков, дворян, попов и великих князей, которые де мешают «царю-батюшке» предоставить крестьянам свободу и наделить их землей.

Только после этого шага Стефановича, действовавшего под именем «царского комиссара», удалось поднять крестьян на попытку добиться облегчения своей тяжелой доли.

Репрессии против деревенской бедноты усилились по всей Российской империи, но крестьянские волнения все же продолжались.

Из донесений вятского губернатора Н. А. Троицкого министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву от 31 октября 1881 г. выяснилось, что за невзнос податей только в двух сельских обществах были в 1878 г. подвергнуты телесному наказанию 618 человек. Киевский губернатор Н. П. Гесс писал в своем донесении министру внутренних дел о попытках захвата крестьянами помещичьих земель графа Потоцкого в Звенигородском уезде Киевской губернии, где находилось также небольшое имение матери М. М. Филиппова².

Вести о крестьянских волнениях проникали в широкие слои городского населения.

М. М. Филиппов, оказавшись в Звенигороде, почувствовал напряженность атмосферы. В том же письме к Толстому он пытается рассказать о своих мыслях по приезде в родные места:

«Начинается,— подумал я.— Будут бить и станových, и помещиков, и моего достолюбезного дядюшку, которого я не терплю за его консерватизм, и... мою мать, которая всю жизнь думала о том, как облагодетельствовать мужиков, лечила их, давала деньги беднякам; жертвовала собою во время холеры 1870 года, расстроила имение, потому что не могла брать с крестьян высокой платы за землю... Мне стало больно и стыдно, но я подавил в себе стыд и утешал себя уверением, что мою мать мужики не тронут, если даже перережут всех помещиков».

В том же письме к Толстому М. М. Филиппов высказывает свое возмущение разнузданными действиями черносотенцев, против которых он выступал в печати. Национальная ограниченность, шовинизм, противопоставление «малым» народам, «великодержавность» вызвали у Филиппова стихийный дух протеста.

«Одна из моих брошюр,— пишет Толстому Филиппов,— была изложена в крайне резком и почти револю-

² Крестьянское движение в России, 1881-1889 гг. Изд-во соц.-эконом. литературы, 1960 г., стр. 56.

ционном духе, но одесская цензура все же пропустила ее, так как я дал младшему цензору взятку (весьма ничтожную, но правительственные цензоры лишь немного требовательнее околоточных надзирателей; трудно поверить,—но это истина,— что цензор удовольствовался 15 рублями).

Я сознавал, что давать взятки так же подло, как и брать их, что я давая взятку, являюсь таким же членом «бюрократического режима», как и взяточник-цензор. Но в то же время я следовал еще правилу: цель оправдывает средства; при том я был уверен в пользе, которую принесет моя брошюра и твердо решил, что бы то ни стало издать ее».

Заканчивая исповедь, обращенную к Толстому, Филиппов сознает несовершенство своего мышления, отсутствие ясно осознанной целеустремленности. Множество «больных вопросов» русской действительности требовало ответа. Молодому человеку были далеко еще не ясны пути искоренения вопиющей несправедливости, произвола, угнетения и насилия в мире, которым правил «золотой телец».

И далее он пишет в этом письме:

Простите, Лев Николаевич, что я пишу без всякой системы, я хотел лишь излить перед Вами свою душу, как Вы излили Вашу душу перед всеми мыслящими людьми. Так как мое письмо и без того вышло вполне сумбурным, то я немногим нарушу гармонию, если перейду теперь к совсем другому вопросу, касающемуся Вас столько же, сколько и меня.

В Вашем письме к NN Вы отвечаете на упрек, который могут сделать Вам, примерно в такой форме: «Вы, Лев Николаевич, проповедуете христианскую истину, говорите о том, что богатый не может войти в царствие небесное, а между тем у Вас 600 тысяч капитала». Вы сами ответили на это предполагаемое обвинение. Но, надеюсь, Вы не посетуете на меня, если я скажу несколько слов о том же предмете.

Как раз в то время, когда я выступил в провинции с брошюрами по еврейскому вопросу, где, защищая евреев, я вместе с тем нападаю на еврейских и русских богачей, в моем собственном материальном положении произошла крупная перемена. Дела моей матери окончательно запутались, и имение ее было продано за бесценок; она

осталась ни с чем и с тех пор живет уроками. Я никогда не пользовался сколько-нибудь значительной поддержкой матери, и потому для меня в сущности изменилось не многое в настоящем. Но зато мои планы по отношению к будущему изменились совершенно. Когда я окончательно убедился в неразумности народного восстания против евреев, я понемногу стал думать о несостоятельности моих революционных принципов и, наконец, дошел до того, что стал помышлять вместо революции об устройстве артелей. Я решился с этой целью начать с именина моей матери и явиться пропагандистом общинных начал среди малороссов. Ближайшее знакомство с народом убедило меня, что, несмотря на участковое владение, общинные начала не вымерли в Киевской губернии и что недаром существует пословица: «Громада, великий человек». Продажа именина моей матери обратила в прах все мои планы, и я сам очутился в положении безземельного и бездомного «интеллигентного пролетария». И тем не менее я считаю себя богатым человеком и могу применить к себе евангельское изречение о трудности для богатого попасть в царствие небесное.

Объяснюсь подробнее. Вы — владелец именина и капитала в 600 000. У меня нет именина (кроме двух десятков книг), и я с грехом пополам зарабатываю 30—40 рублей в месяц. Я бедняк по сравнению с Вами, но богач по сравнению с нищим, у которого нет 5 копеек на ночлег. Я ем 2 блюда вместо Ваших 5, но я сыт и имею всегда здоровую пищу, а потому я богач по сравнению с нищим, у которого нет куска хлеба. Скажу Вам свое искреннее убеждение: такие богачи, как я, гораздо хуже таких богачей, как Вы! У Вас нет стремления к богатству; и у меня его нет по принципу, но иногда сама жизнь заставляет стремиться к более обеспеченному положению. Теперь я одинок; но представьте себе, что я женюсь на болезненной девушке, даже не избалованной, но требующей известных удобств. А потом дети... Богач я потому, что у меня есть потребности и мысли богача; снова повторю то, с чего я начал письмо: убийца и вор не тот, кому удалось убить и украсть, а тот, кто способен на эти поступки по своему душевному настроению. У кого есть жажда богатства, тот Ротшильд, хотя бы у него не было ни гроша в кармане; разве мы не знаем, что почти все миллионеры вышли из подонков общества, были почти нищими в на-

чале своей карьеры? Бывший радикал — и человек, неспособный отделаться от мысли о золотом тельце; здесь нет никакого противоречия! Думаю, впрочем, что я выйду победителем из этой душевной борьбы.

Уважающий Вас

М. М. Филиппов,
секретарь редакции»³.

Обращение молодого Филиппова к великому писателю было вполне закономерным, ибо Толстой «сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования»⁴.

Отмечая противоречия во взглядах Толстого, Ленин указывал, что это «не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху»⁵.

Впоследствии общественное движение конца 70-х и начала 80-х годов, крестьянские восстания и студенческие волнения заставили Филиппова глубже всмотреться в жизнь, вдуматься в события, освободиться от религиозных и национальных предрассудков, используемых правительственными кругами для того, чтобы отвлечь массы от революционной борьбы.

Начиная с середины 80-х годов учение Маркса явилось для Филиппова животворным источником мысли и побудило его иначе взглянуть на многие вопросы, связанные с дальнейшим развитием русского общества. Оно помогло ему избрать четкое направление — от революционного демократизма к марксизму, способствовало разрыву со славянофилами, противопоставило мелкобуржуазной идеологии народничества.

³ Все письма М. М. Филиппова, приведенные в настоящей главе, упоминаются в книге: «Корреспонденты Л. Н. Толстого». М. Гос. соц. экономическое изд-во, 1940, стр. 162.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 20.

⁵ Там же, стр. 22.

В своей работе «Социологическое учение Карла Маркса»⁶, подвергая критике вульгарных экономистов, полемизировавших с Марксом, Филиппов писал:

«Все фразы об этических началах в политической экономике сильно напоминают пресловутые «гармонии» между капиталом и трудом... Утверждать, что «экономические отношения могут быть построены на идиллической основе, значит попросту обращать социальный вопрос в шутку. Кто поверит серьезности намерений экономиста, способного утверждать, что отношения найма рабочих, купли и продажи, или хотя бы кредита во всех его разнообразных формах, могут быть в общем пересозданы на альтруистических началах, без того, чтобы весь современный экономический строй утратил всякую почву под ногами?» Филиппов подчеркивает, что решение вопроса о тяжелом положении рабочего класса в условиях капитализма может быть достигнуто «не слезливой сентиментальностью, сплошь и рядом вступающей в жалкие компромиссы, но мужественной борьбой за право».

В то же время, критикуя воззрения либеральных народников на исход борьбы крупного и мелкого производства, Филиппов в конце XIX в. уже ясно видел процесс классового расслоения деревни: «По их (народников.— Б. Ф.) теории кулак, эксплуатирующий трех или четырех рабочих, есть истинный представитель народного начала, потому что он пьет чай за одним столом со своим наемником, тогда как капиталист, ведущий дела на европейскую ногу, «особенно вреден» и потому должен быть искоренен».

Остановливаясь на вопросах исторического материализма, Филиппов приходит к выводу, что «это учение никак не повинно в намерении придавить личность и обратить ее в марионетку, управляемую заранее заведенными экономическими пружинами. Оказывается, что, сделав свое дело, т. е. раскрыв мотивы, управляющие исторической эволюцией, социологическое учение Маркса в конечном выводе стремится дать людям то, что дороже всего для сколько-нибудь развитой личности. Конечная цель и последнее слово этого учения — Свобода».

⁶ «Научное обозрение», 1897, № 1, 2, 3, 4.

19 ноября 1900 г. в дневнике Льва Николаевича Толстого появилась краткая запись: «Говорил с Филипповым о марксизме».

В связи с этим следует привести одно из высказываний Толстого 80-х годов прошлого столетия:

«Я смолоду еще много раз задумывался над условиями экономической жизни нашего общества и, чтобы уяснить себе представляющиеся мне вопросы, обращался к науке. Это повторялось в моей жизни раза 3, и всякий раз, почитав Бастиа, Милля, Лассаля, Прудона, Маркса, не дочитав всего, бросал книгу и говорил себе, что или я глуп и неспособен, или все, что написано в этих книгах, есть величайший вздор... но в разговорах о политической экономии с образованными и учеными по этой части людьми я признавал себя несведущим»⁷.

В 1911 г. Г. В. Плеханов отмечал в своей статье «Карл Маркс и Лев Толстой»:

«Граф Толстой, часто утверждавший, что у него нет ничего общего с социалистами, насколько я знаю, ни разу не постарался точно и ясно определить свое отношение к научному социализму Маркса. Оно и понятно: этот социализм был ему мало известен. Однако в книге «Спелые колосья» есть строки, в которых, вероятно, без ведома гр. Толстого, как нельзя яснее обнаруживается полная противоположность его учения с учением Маркса»⁸.

И все же Толстой пытался понять сущность учения Маркса об экономическом развитии общества.

Толстому были известны симпатии Филиппова к марксизму, и, быть может, именно поэтому он охотно согласился принять у себя редактора журнала, на страницах которого публиковались переводы работ основоположников марксизма и марксистские статьи.

Беседе Толстого с Филипповым предшествовали следующие обстоятельства. Весной 1900 г. Филиппов отправил писателю большое письмо, в котором, в частности, говорилось:

⁷ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Юбилейное издание. М., 1937, т. XXV, стр. 633—634.

⁸ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. V. М., 1958, стр. 634.

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

С апрельского № редактируемого мною „Научного обозрения“ я начну печатание в нем ряда статей под заглавием „В помощь самообразованию“... В наш век ремесленная наука в свою очередь становится орудием эксплуатации в двух направлениях. Капиталист эксплуатирует умственных работников и затем, с помощью этих самых умственных работников, еще успешнее эксплуатирует физический труд.

Истинная наука должна учить, как жить надо: в этом Вы глубоко правы, и это отрицают лишь те, кому выгодно отрицать. Но как надо жить — это другой вопрос. По моему, надо жить в борьбе с стихиями и с неправдою... Посвятить на чужую жизнь, здоровье и т. д. никто не вправе. Но, если при мне расшвырявший ремесленник истязает мальчика, я вправе силою удержать его за руки.

Судя по Вашим отзывам о Марксе, Вы не сочувствуете марксистам, к которым я принадлежу. Но Вы сочувствуете рабочему люду, не разбирая — мужик ли он или фабричный. На меня произвела сильное впечатление статья Шестакова в „Русской мысли“ о грамотности фабричного населения. Замечу, что в Петербурге эта грамотность, по всей вероятности, еще выше. Многое мог бы Вам сообщить и о других течениях среди фабричных. Ведь фабричных теперь на Руси два миллиона и потребность в книге у них велика. Этой потребности я и думаю отчасти удовлетворить задуманным изданием, которое нарочно сначала печатается в научном журнале, а потом выйдет отдельно⁹. Может быть, это дело Вас заинтересует. Может быть, время и здоровье позволят Вам написать об этом для „Научного обозрения“ несколько слов, строк или страниц. Взамен этого я истребую от издателя известную сумму¹⁰, например, на голодающих в Бессарабии и по Вашему указанию перешлю Вам на подобные цели. А затем прошу принять уверение в моем совершенном почтении и глубоком удивлении к автору «Воскресения», показавшего, что творческая сила Ваша не только не ослабела, но даже развилась.

Михаил Филиппов.

⁹ Речь идет о задуманной мной отцом серии статей «В помощь самообразованию», которые он намеревался печатать в «Научном обозрении».

¹⁰ Издатель в силах уплатить до 300 рублей с печатного листа. (прим. М. М. Филиппова.—Б. Ф.)

Огромное уважение к Толстому-художнику Филиппов сочетал с критическим отношением к Толстому-моралисту.

В конце 1899 г. Филиппов выступает с публичной лекцией в Петербурге на тему «Проповедники гуманности Виктор Гюго и Лев Толстой». Он подробно анализирует национальные особенности творчества писателей, идейную сторону их произведений, проводя параллели между романтизмом Гюго и реализмом Толстого. Основное внимание в этих лекциях ученый уделяет общественному значению литературного творчества обоих писателей и их влиянию на развитие революционного движения.

И на этот раз Филиппову пришлось преодолеть серьезные препятствия. Главное управление по делам печати обратилось в Департамент полиции за «консультацией», связанной с выдачей разрешения на прочтение лекции. В докладной записке директору Департамента полиции С. Э. Зволянскому цензор писал:

«Имею честь доложить Вашему превосходительству, что по представленной доктором философии Филипповым программе лекции о гр. Л. Н. Толстом трудно судить, что именно он будет читать об этом писателе, и как вообще он будет относиться, и будет ли лекция апофеозом гр. Толстого или же критикой его взглядов и учения.

Это существенно важно еще и в том отношении, что лекция будет прочитана в пользу слушательниц высших женских курсов, следовательно, привлечет массу учащейся молодежи. Полагал бы потребовать дополнения программы и указания отношения лектора к теме, даже лучше присылки конспекта самой лекции». 19 ноября 1899 г. директор Департамента полиции «приказал просить доставить конспект лекции». Конспект был составлен Филипповым в весьма завуалированной форме и отправлен цензору, после чего лекцию разрешили¹¹.

В своей статье о «Воскресении»¹², напечатанной в «Научном обозрении», Филиппов писал, что великий писатель оставляет без внимания все сложные, исторически упрочившиеся связи, составляющие сферу социальной несвободы. Отбросив их мысленно, Толстой полагает, что они и фактически перестали существовать.

¹¹ ЦГИАМ, ф. ДП-3, 1897, д. 1671, лл. 9—9 об.

¹² М. Ф и л и п п о в. Лев Толстой и его «Воскресение». — «Научное обозрение», 1900, № 6, стр. 1120—1134; 1900, № 7, стр. 1292—1310.

Беседа Михаила Михайловича с великим русским писателем состоялась в Москве, в доме Толстого по Хамовническому переулку (ныне улица Льва Толстого). По воспоминаниям моей матери, в ней затрагивались многие вопросы, волновавшие умы передовой русской интеллигенции. Отец ознакомил Толстого с материалистическим направлением журнала, составом его сотрудников, представлявшим в то время подлинное созвездие русской передовой науки.

Толстой никак не принимал марксистского определения мира как различных форм движущейся материи. В то же время выяснилось, что Лев Николаевич читал не только Маркса, Энгельса, Гегеля и Фейербаха, но даже Дицгена — немецкого рабочего, философа-самоучку, работавшего в 60-х годах на кожевенном заводе в Петербурге и написавшего труд «Сущность головной работы человека», а также рецензию на первый том «Капитала». О Дицгене сочувственно отзывались Маркс и Ленин.

До последних лет своей жизни Толстой оставался на идеалистических позициях, утверждая, что «определение мира как произведения движения материи, по Марксу, Энгельсу, Фейербаху, Дицгену, гораздо, несравненно сложнее, труднее и запутаннее и, главное, еще больше безосновано, чем определение бога»¹³.

Точно так же Толстой не мог усвоить, что с развитием капитализма растет и пролетариат.

Полностью находясь во власти своих нравственных идей, Толстой не считал нужным для себя глубоко разобратсья в научных теориях, не совпадающих с его собственными взглядами. Но все же он внимательно слушал доводы собеседника о консервативности гегелевской философии, о том, что призрачная сторона гегелевской диалектики была понята и правильно оценена Марксом задолго до появления его капитальных работ, еще в ту пору, когда немногие осмеливались посягнуть на авторитет Гегеля.

В процессе беседы возникли вопросы, связанные с философией здравствовавшего в то время Герберта Спенсера, его «Социальной статикой» и проповедью «невмешательства государства в жизнь личности». С особым сочувствием Толстой отстаивал идеи Генри Джорджа. Филиппов в

¹³ Л. Толстой. Полн. собр. соч. Юбилейное издание, т. 56, стр. 84.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
Фотография начала XX в.

деликатной форме пытался доказать Толстому ошибочность его увлечений, субъективистскую сущность очаровавших его теорий. Но попытки разубедить Толстого оказались бесплодными. Толстой обещал все же написать для «Научного обозрения» статью о помощи голодающим. При этом, вспоминала моя мать Л. И. Филиппова, Лев Николаевич посетовал:

— В наше время, если человек плохо знает Дарвина и Маркса, — его сразу сочтут за невежду, а если не знает, где и как сеют хлеб, и почему бывают неурожаи, и как живет крестьянину, это удивления не вызывает.

Высылка Филиппова из Петербурга помешала ему закрепить свои связи с Толстым. Редактор «Научного

обозрения» попытался возобновить их только тогда, когда ему было разрешено полицией обосноваться на ст. Удельная, Финляндской железной дороги, в непосредственной близости от Петербурга.

15 октября 1902 г. Филиппов направляет Толстому новое письмо с просьбой о сотрудничестве в журнале:

«Многоуважаемый Лев Николаевич!

Не знаю, помните ли Вы мою беседу с Вами, когда я был у Вас в Москве и просил написать что-либо для „Научного обозрения“: говорили мы тогда о марксизме, об идеалистической философии и о многом другом. С тех пор много воды утекло. Весною 1901 года я был выслан из Петербурга, и редактируемый мною журнал, подобно мне самому, перенес много тяжелых испытаний.

В настоящее время я имею снова возможность редактировать журнал и, вероятно, получу вскоре право жить в Петербурге, но мое пребывание в Финляндии (я был сослан сначала в Териоки, и лишь недавно мне разрешили переехать ближе) не могло не отразиться на положении журнала, который теперь только понемногу опять становится на ноги.

В настоящий момент Вы, Лев Николаевич, могли бы своим участием сразу укрепить положение нашего журнала, уже десятый год бескорыстно служащего науке и делу ее распространения в массе; замечу, что значительный процент среди наших читателей составляют народные учителя, фельдшера и вообще интеллигентные бедняки. Так как цензура отняла у нас всякую возможность писать по вопросам публицистическим, то единственное, кроме науки, что еще остается нам, это беллетристика. Отдел этот, по счастью, у нас теперь есть благодаря хлопотам одного высокопоставленного лица ¹⁴ (странно даже сказать — нам не давали беллетристики без протекции!). Если бы Вы, Лев Николаевич, могли дать нам какое-либо произведение, Вы бы сделали доброе дело; Вы могли бы также написать Чехову, чтобы и он принял участие в журнале, которому трудно бороться с чудовищной рекламой некоторых богатых и, главное, недобросовестных издателей, заманивающих читателей обещаниями, потом

¹⁴ Речь идет о князе Барятинском, издававшем в конце 90-х годов в Петербурге либеральную газету «Северный курьер», в которой сотрудничали М. Горький, В. Вересаев и др.

не выполняемыми, сулящих за подписную цену небывалые приложения и т. п. Журнал, подобный „Научному обозрению“, мог бы, конечно, постепенно приобрести широкий круг читателей, если бы его не давили с одной стороны — представители „американской“ рекламы, с другой — цензоры, вытравливающие всякую живую мысль.

Беллетристика теперь чуть ли не единственная область, где все же еще возможно проводить идеи гуманности и любви.

Я думаю, Лев Николаевич, Вы откликнитесь и придете на помощь младшим товарищам; я и все сотрудники заранее благодарим Вас. Такой небогатый журнал, как наш, не может, разумеется, и думать о том, чтобы соперничать с изданиями, сидящими на золотых мешках, но все же у нас свыше 3000 интеллигентных и вполне сочувствующих нам читателей, которые, если бы могли, конечно, присоединились бы к этой моей просьбе.

Преданный Вам М. Филиппов».

Автору письма и на этот раз явно «не повезло». В 1901 и 1902 гг. Толстой перенес тяжелую болезнь в Гаспре. Врачи и родные опасались за его жизнь. Правда, в долгие месяцы своей болезни в Крыму Лев Николаевич продолжал работать, но письма доходили до него лишь в исключительных случаях. Положение больного было настолько серьезным, что многие предвещали его конец.

Н. А. Буланже, близкий знакомый писателя, вспоминает, что, узнав о болезни Толстого и возможности смертельного исхода, обер-прокурор Синода Победоносцев принял самые «неожиданные, невероятные меры». К дому в Гаспре, предоставленному в распоряжение писателя графиней Паниной, прилегал домовая церковь. В самые тревожные минуты Победоносцев отдал распоряжение местному духовенству объявить во всеуслышание, что умирающий покаяться перед смертью, а духовенство радуется возвращению «блудного сына» в лоно православной церкви. «Эта чудовищная ложь, — писал в своих воспоминаниях Буланже, — должна была облететь всю Россию и весь мир и сделать то дело, которого не могла сделать за десятки лет ни русская цензура, ни гонения на сочинения Льва Николаевича»¹⁵.

¹⁵ «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. II. М., 1955, стр. 133.

Только в июне 1902 г. Толстой почувствовал себя лучше. Однако и по приезде писателя в Ясную Поляну последствия болезни давали о себе знать, и близкие оберегали его от многочисленных корреспондентов.

Приведенное письмо М. М. Филиппова не было вручено Льву Николаевичу, что выяснилось уже позднее.

10 февраля 1903 г. редактор «Научного обозрения» адресует Льву Николаевичу новое письмо через сотрудника журнала В. Ф. Тотомиянца. В «Еженедельнике» С. А. Толстой сохранилась запись от 12 февраля 1903 г.: «Был Тотомиянец, просил сотрудничества Л. Н. от Филиппова». На этот раз Толстой положительно отнесся к просьбе редактора журнала.

— Вы говорите, что среди читателей журнала много народных учителей. Вот для них, да и о них и следует написать. Передайте Филиппову, что я хорошо помню встречу в 1900 г. Правда, марксиста из меня он не сделал, но рассказал много поучительного и полезного. А насчет того, что он был в ссылке, слышу впервые. Об этом ведь не сообщают. Я в эти годы трудно болел в Гаспре, а он «болел» в Финляндии. Пожалуй, ему все же было хуже, чем мне!

Сближению Толстого с редакцией «Научного обозрения» не суждено было состояться. С июня 1903 г. журнал прекратил свое существование из-за смерти редактора.

Борьба за журнал продолжается

В архивах семьи Филиппова сохранилась написанная им памятная записка, проливающая свет на историю «Научного обозрения» в конце XIX и начале XX в., рассказывающая о борьбе его редактора с темными силами, пытавшимися захватить журнал в свои руки.

«В 1894 г., — писал Филиппов, — мною был основан журнал „Научное обозрение“. Журнал этот был издаваем мною с 1894 по 1898 год под моим редакторством и за все это время развивался непрерывно, так как вначале у меня было лишь 1500 подписчиков, тогда как в середине 1898 г. состояло 2500. Тем не менее, крупные убытки,

понесенные мною на некоторых других моих изданиях, и незначительность средств, с которыми я вел журнал в первый год существования, все же привели меня в 1898 г. к решению продать журнал какому-либо капиталисту. В июне 1898 г. я действительно продал право издания на „Научное обозрение“ Петру Петровичу Сойкину. При заключении договора моей главной заботой было выговорить такие условия, которые обеспечивали бы мои *литературные права как основателя и руководителя журнала* (курсив мой.— *Б. Ф.*). Ради этой цели я готов был понести материальные жертвы и согласился, между прочим, на уступку П. П. Сойкину вместе с изданием „Научного обозрения“ также „Научного словаря“, составлявшего род платного приложения к журналу.

Как видим, Филиппов особо подчеркнул свое главное требование: Сойкин не должен вмешиваться в дела идейного руководства журналом. В седьмом номере «Научного обозрения» за 1898 г., в объявлении от редакции, сообщалось: «С переходом права собственности на издание „Научного обозрения“ к книгоиздательской фирме П. П. Сойкина, издателя журнала „Природа и люди“ и других изданий, в составе редакции, а следовательно, и в *направлении журнала* (курсив мой.— *Б. Ф.*) не произойдет ни малейших изменений, материальная же часть журнала будет, по мере расширения дела, постепенно улучшаться».

Сойкина меньше всего интересовало идейное направление журнала. Ему нужна была прибыль. Не преминув воспользоваться тяжелым материальным положением Филиппова, Сойкин выкупил у него право издания «Научного обозрения» вместе с «Научным словарем» за 4500 руб. Кроме того, в объявлениях, данных Сойкиным в различные периодические издания, он самовольно переименовал словарь в «Научно-энциклопедический». Новое название обязывало Филиппова значительно расширить тематику словаря и более чем в два раза превысить первоначально намеченный объем, доведя его до 135 печатных листов. Предприимчивый издатель не успокоился и на этом. Поскольку М. М. Филиппов был подвергнут полицейским репрессиям и не мог защищать свои литературные права, Сойкин использовал «Научно-энциклопедический словарь» также в качестве приложения к еженедельному журналу «Природа и люди», усилив тем самым приток подписчиков и на это издание.

Характерно, что директор Петербургского департамента полиции Зволянский в своем докладе министру внутренних дел указывал: этот словарь «должно было бы назвать „социалистическим“, так как в нем особенно подробно и тщательно разработаны термины и библиографические указания, касающиеся социализма»¹.

Уступая право издания «Научного обозрения» на столь кабальных для себя условиях, Филиппов надеялся, что под прикрытием «политически благонадежного» издателя-капиталиста ему, быть может, удастся избавить журнал от повседневного гнета предварительной цензуры.

По настоянию Филиппова Сойкин от своего имени обратился с ходатайством в Главное управление по делам печати об отмене предварительной цензуры. Однако и на этот раз Цензурный комитет выступил с резкими возражениями, указывая на материалистическое направление журнала и частое запрещение статей, представляемых для публикации в «Научном обозрении».

Положение журнала еще более осложнилось после высылки Филиппова из Петербурга в Териоки, где он поселился с семьей на даче Богомолова. Филиппов имел возможность получать из столицы необходимую литературу, продолжать свою научную и литературную работу, поддерживать связи с петербургскими сотрудниками журнала через свою жену—Л. И. Филиппову, на которую полицейские репрессии формально не распространялись. Но в создавшихся условиях трудно было рассчитывать на новые контакты с революционными марксистами, находившимися в эмиграции и в ссылке.

В Териоках Филиппов сблизился с Бехтеревым, Лесгафтом, Коллонтай и получил их согласие на участие в «Научном обозрении». Его нередко посещали петербургские друзья, но зато часто навещали и жандармы, проверявшие, не отлучился ли он самовольно в Петербург.

Местная жандармерия усердно выполняла поручение столичного начальства, наблюдая за каждым шагом «дачника поневоле», вплоть до перлюстрации отправляемой и получаемой им корреспонденции. Подвергнув Филиппова высылке, Министерство внутренних дел на этом не успокоилось. Сойкину «посоветовали» принять меры к прекращению издания журнала или подыскать

¹ ЦГИАМ, ф. ДП-00, 1898, д. 13, ч. 33, лл. 46—48 и 48 об.

А. М. КОЛЛОНТАЙ
Фотография конца XIX в.

другую кандидатуру на пост редактора. Решить этот вопрос Сойкину было не так просто. Его связывал с редактором юридически оформленный договор, в котором оговаривались литературные права Филиппова. Даже если бы Сойкин пожелал переуступить кому-либо издание, Филиппову предоставлялось преимущественное право вновь выкупить журнал в течение трехмесячного срока.

Поэтому Сойкин начал действовать осторожно. Прежде всего он поставил Филиппова в известность о том, что считает возможным продолжать издание журнала в 1902 г. лишь при наличии второго редактора, проживающего в Петербурге. Кандидатура, предложенная Филипповым (сотрудник «Научного обозрения» Н. А. Полетаев), не встретила поддержки Сойкина. Это вынудило Филиппова предпринять шаги к подысканию лиц, которые могли бы вы-

купить право издания у Сойкина, не требуя изменения ни руководства, ни идейного направления журнала.

Наступил момент, когда издатель-капиталист показал свое истинное лицо. Он запросил за уступку журнала непомерно высокую по тем временам сумму 20 000 руб. и 6000 руб. за заказанные им на 1902 г. объявления о подписке. На покупку права издания имелось два претендента, с которыми Филиппов вел переписку: профессор Киевского политехнического института Булгаков и петербургский литератор Фальковский.

Письмо Филиппова к Булгакову, посланное 1 декабря 1901 г., перехватили агенты охраны, и о нем было доложено директору Петербургского департамента полиции. В этом письме Филиппов излагал Булгакову свои соображения о приглашении новых сотрудников и расказывал о направлении журнала.

«Приглашение Кистяковского и Д. Н. Овсяннико-Куликовского я могу только приветствовать... Материалов у меня немало: А. Коллонтай — „Аграрный строй в Финляндии“, Лозинский — „Земельная эволюция Украины“; есть статья Штиммера (в переводе брата Петра Бернг. ²), статья Зиммеля и др. Объявлять о статьях не всегда удобно: в 1898 г. цензура обратила внимание как раз на заранее объявленное и многое из этого запретила. К сотрудникам прибавились академик Бехтерев и Лесгафт». Далее Филиппов подчеркивал, что «редакция верна своим прежним убеждениям, но как раз это направление неприятно цензуре»³. В другом письме, от 16 декабря 1901 г. Филиппов сообщает Булгакову о том, что журнал намеревается приобрести группа окололитературных дельцов, с которыми вступили в переговоры, без ведома Филиппова, Сойкин и один из сотрудников «Научного обозрения» П. Ю. Шмидт.

«Компания эта, — писал с горечью Филиппов, — состоит не из литераторов (имена пайщиков: Акерман, двое Метельниковых ⁴, Юрьевич и т. п.). Один только Лоний мой знакомый и, по-видимому, лучший из всех.

Они задались целью игнорировать не только мои нравственные права, но и юридические»⁵.

² Петр Бернгардович Струве.

³ ЦГИАМ, ф. ДП-00, 1898, д. 13, ч. 33, л. 58.

⁴ Или Метальниковых.

⁵ Из письма М. М. Филиппова С. Н. Булгакову от 16 декабря 1901 г. Архив Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

Однако переговоры Филиппова с Булгаковым были прерваны, так как последний недвусмысленно поставил вопрос о разрыве с ортодоксальными марксистами, о повороте журнала в сторону ревизионизма. Только на этих условиях он соглашался финансировать журнал. Условия, предложенные Булгаковым, были категорически отвергнуты Филипповым.

В декабре 1901 г. один из активных сотрудников «Научного обозрения» известный популяризатор науки В. В. Битнер предупредил Филиппова о новых происках *Сойкина*.

«Многоуважаемый Михаил Михайлович:

Все, что я Вам сообщаю, должно остаться тайной, требую от Вас честного слова. Только что удалось мне узнать стороной о проекте, который направлен против Вас. Давно уже хотят Вас „сплавить“, но это нелегко... Наконец, придумана комбинация, которая, по моему мнению, имеет эту только цель.

Хотят ни больше ни меньше, как объединить все издания под одной редакцией, с сохранением редакторов каждого журнала („Научное обозрение“, „Русский паломник“ (!), „Природа и люди“, „Сельский хозяин“). Говорят, что это будет только номинально, а редакторами всех изданий — почтенный Ф. С. Груздев!! Интересный главный редактор. Если номинально и без особых серьезных экономических соображений, то столь практичный человек, как Петр Петрович, по-видимому, делал бы глупость.

Но, как Вы и сами поймете, тут умысел другой. Согласитесь Вы на столь, по-моему, обидную комбинацию, последствия будут следующие, о чем мне уже раз пришлось услышать намек. Главное управление по делам печати нетрудно попросить об устранении одного из „неблагонадежных“ редакторов. При теперешних условиях журнал должен был бы закрыться: тогда же он может спокойно существовать уже без неудобного человека. Может быть, я ошибаюсь, хотя вряд ли, но я считал долгом предупредить Вас о проекте (хранящемся в тайне — случайно узнал). Это письмо Вы порвите немедленно, чтобы оно случайно не попало куда не следует»⁶.

Тучи над журналом сгущались. 15 декабря 1901 г. истекал трехдневный срок, назначенный Сойкиным для взноса денег нотариусу, в противном случае издатель

⁶ Архив Б. М. Филиппова. Автограф.

угрожал продать журнал компании Акермана, отказавшись по каким-то соображениям от варианта, о котором предупреждал Филиппова Битнер,

Филиппов предпринял еще одну попытку спасти журнал — заинтересовать издательство товарищества «Знание», пайщиком которого был М. Горький.

Переговоры велись с директором-распорядителем «Знания» Константином Петровичем Пятницким.

Однако Горький, с которым Пятницкий советовался по этому вопросу, высказался отрицательно. В то же время Пятницкий вел какие-то «закулисные» переговоры с Булгаковым, что явствует из иронического письма к нему М. Горького в середине декабря 1901 г.:

«... Булгаков, в Киеве, говорил жене, что будто вы покупаете „Научное обозрение“. Жена удивилась. Булгаков сообщил, что он будет редактором сего журнала. Жена еще удивилась и — по простоте души — спросила — „а Поссе?“ Булгаков заявил: „Я и Поссе — не совместимы в одном журнале“. Это очень скромно и хорошо сказано. И это верно сказано. Умница он Булгаков! Сразу видит, что Владимир не может пойти рядом с автором умильной, трогательной и блестящей маслом лекции „О Иване Карамазове как философском типе“⁷.

15 декабря 1901 г. К. П. Пятницкий, будучи информирован, что П. П. Сойкин решил продать журнал компании Акермана, Метельникова⁸ и пр., отвечает М. Горькому:

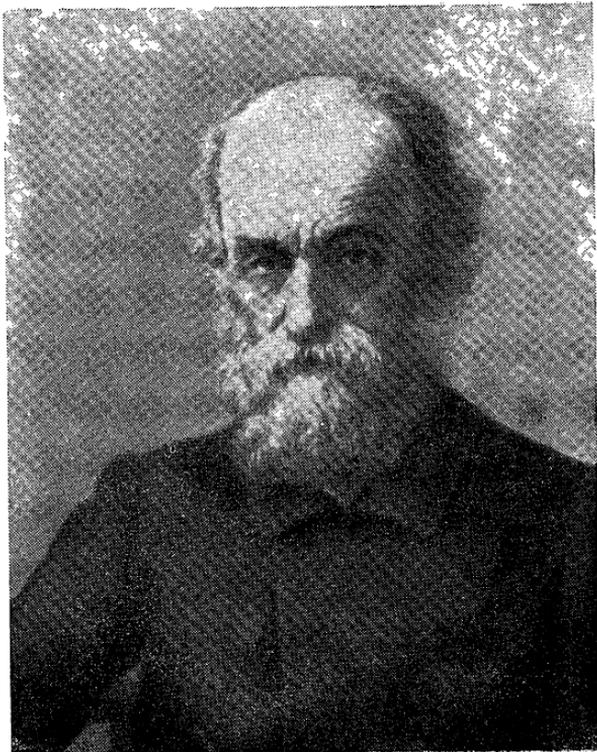
«Припомните затем наш разговор о покупке „Научного обозрения“ Вы советовали оставить это дело. Так я и написал издателю. По-видимому, продажа состоялась. Приобретает журнал кружок из нескольких лиц, в том числе Метельников. Эту фамилию называла Вам Ярцева. У Метельникова есть имение около Партенита. Вам говорили, что там можно поместиться на зиму. Хорошо, что это предложение было отклонено, иначе Вы были бы связаны. Теперь нет журнала, который не мечтал бы о содружестве М. Горького. Эту же мечту питает компания, купившая „Научное обозрение“⁹.

Письмо Пятницкого свидетельствует о том, что ком-

⁷ А. М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954, стр. 59. «Владимиром» Горький называет Поссе.

⁸ Или Метальникова.

⁹ Архив А. М. Горького. Ин-т мировой литературы АН СССР. К-Г-П-62-1-31.

П. Ф. ЛЕСГАФТ
Фотография 90-х годов XIX в.

пания дельцов, пытавшаяся приобрести «Научное обозрение», стремилась окольными путями заполучить Горького в качестве автора. Конечно, ей было выгодно это даже по «коммерческим» соображениям, учитывая громадную популярность писателя. И все же этой компании не удалось захватить журнал в свои руки.

Опираясь на договор, предоставляющий право редактору приискать покупателя не в трехдневный, а в трехмесячный срок, Филиппов выиграл время и создал небольшое паевое товарищество писателей и ученых, которые выкупили журнал «Научное обозрение» у Сойкина через подставное лицо — Веру Ивановну Москалеву, оставшуюся до последних дней существования журнала его номинальной издательницей.

С № 4 за 1902 г. В. И. Москалева фигурирует в качестве официального издателя, а главная контора журнала открывается в доме № 79 по Невскому проспекту. Вскоре она переезжает на Кирочную улицу в дом № 16.

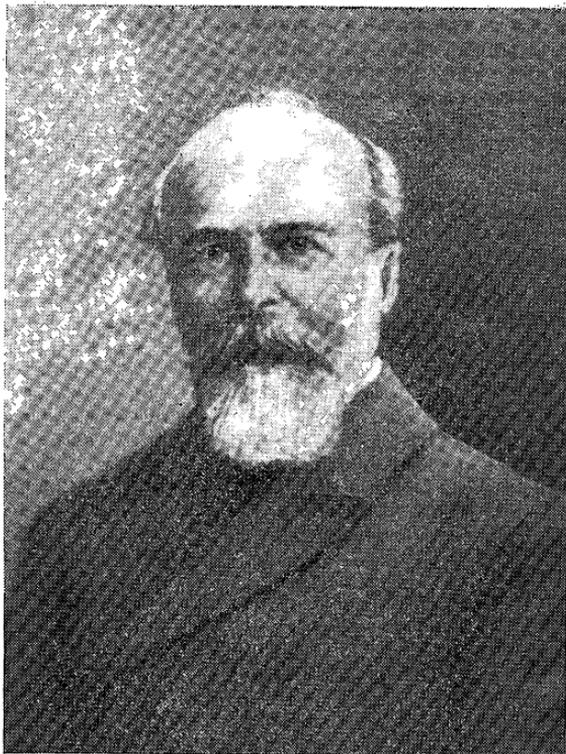
Фактически пайщиками журнала являлись Филиппов, Бехтерев, Глазенап, Лесгафт, петербургский драматург Фальковский, профессор историк Трачевский, профессор экономист Исаев, согласившиеся с программой и идейным направлением журнала как трибуны передовой научно-материалистической и общественной мысли. Сам Филиппов отказался от какого-либо вознаграждения за редактирование журнала и от получения гонорара за свои статьи до тех пор, пока издание не станет полностью окупать все производимые на него затраты по печати, объявлениям и литературным гонорарам.

В шестом номере «Научного обозрения» было помещено специальное объявление, в котором сообщалось, что главная контора «имеет честь заявить г. г. подписчикам, что в редакции журнала *не произошло никаких* перемен. Что же касается материальной стороны издания, то с переходом журнала в другие руки ни редакция, ни контора ни в каких отношениях к прежнему издателю П. П. Сойкину не состоят».

В конце 1902 г. вся финляндская «колония» высланных литераторов и ученых вернулась в Петербург, и редакция «Научного обозрения» возобновила свою деятельность в столице. В условиях усилившегося цензурного гнета Филиппов вынужден был значительно сократить публикацию статей на социально-экономические темы.

С 1902 г. в связи с усилением идеалистической реакции вокруг «Научного обозрения» консолидируются крупнейшие научные силы России.

Читатели были извещены о том, что журнал издается под редакцией М. Филиппова, при ближайшем участии великого русского химика Д. И. Менделеева и выдающегося астронома С. П. Глазенапа, принявшего на себя редактирование отдела научных новостей. В качестве постоянных сотрудников в журнале выступают Н. Н. Бекетов, внесший огромный вклад в развитие современной физической химии, П. И. Бахметьев, ученый-экспериментатор, известный своими исследованиями анабиоза, О. Д. Хвольсон, крупный физик, занимавшийся вопросами внутренней диффузии света и солнечной энергии,

С. П. Г Л А З Н Е В
Фотография конца XIX в.

а также В. А. Кистяковский — выдающийся ученый, работавший в области физической химии и электрохимии.

В журнале сотрудничали психиатр и невропатолог В. М. Бехтерев и физиолог Н. Е. Введенский, основоположник учения об общих закономерностях реагирования возбудимых систем организма; профессор Лозаннского университета физиолог А. А. Герцен (сын великого русского мыслителя А. И. Герцена); педагог П. Ф. Лесгафт; В. Вагнер, специалист в области зоопсихологии и биологии, и А. И. Воейков, известный географ; Н. Холодковский, не только крупный зоолог, но и талантливый поэт — переводчик Байрона, Гёте, Шиллера, Лонгфелло и др.

В журнале еще с 1895 г. публиковались работы К. Э. Циолковского. Известный биограф и популяризатор трудов

К. Э. Циолковского Б. Н. Воробьев подчеркивает роль «Научного обозрения» в становлении и развитии великого русского ученого:

«Особое значение имело для Циолковского знакомство с М. М. Филипповым, основавшим в 1894 г. первый большой научно-популярный журнал в России с ярко выраженным материалистическим направлением. Именно в этом журнале Циолковский в дальнейшем поместил ряд своих наиболее серьезных работ»¹⁰.

В 1897 г. неизвестный тогда калужский учитель принес М. М. Филиппову одну из первых своих крупных работ «Продолжительность лучеиспускания Солнца». Основанная на строго научных данных, она была предложена автором как нельзя более кстати, поскольку в то время широко распространялись невежественные слухи о предстоящем «конце мира», распускаемые церковниками. Вскоре «Научное обозрение» опубликовало ее полностью.

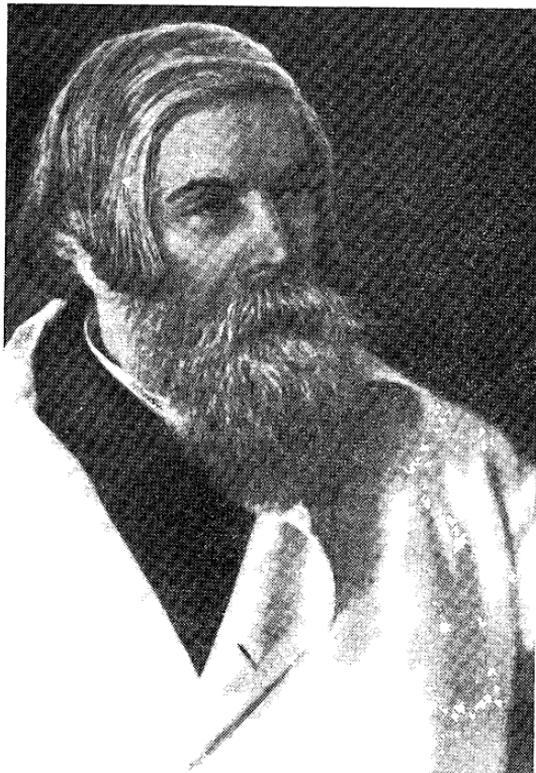
В своих воспоминаниях об отце Л. К. Циолковская писала, что Константин Эдуардович представил в Академию наук доклад «Давление воздуха на поверхности, введенные в искусственный воздушный поток», но доклад был бы похоронен, если бы не журнал „Научное обозрение“, который согласился напечатать краткое извлечение из доклада»¹¹. В журнале были напечатаны также работы Циолковского «Вопросы воздухоплавания» и «Успехи воздухоплавания в XIX в.». В майском номере «Научного обозрения» за 1903 г. Филиппов поместил знаменитую работу Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», положившую начало новой эре — эре завоевания космоса.

К. Э. Циолковский писал тогда Филиппову: «Я разработал некоторые стороны вопроса о поднятии в пространство с помощью реактивного прибора, подобного ракете. Математические выводы, основанные на научных данных, много раз проверенные, указывают на возможность с помощью таких приборов подниматься в небесное пространство»¹².

¹⁰ Б. Воробьев. Циолковский. М., 1940, стр. 114.

¹¹ Работа К. Э. Циолковского была опубликована в «Научном обозрении» в 1902 г. под названием «Сопrotивление воздуха и воздухоплавание».

¹² Цит. по кн.: М. С. Арлазоров. Константин Эдуардович Циолковский, его жизнь и деятельность. М., 1952, стр. 75.

В. М. БЕХТЕРЕВ
Фотография конца XIX в.

Однако, по мнению царской цензуры, космическое пространство относилось к «ведомству господ бога», и дерзновенное стремление проникнуть в тайны космоса, да еще с перспективой ракетных полетов на другие планеты, представлялось попыткой подорвать устои религии и церкви.

Никакие доводы Филиппова, пытавшегося втолковать цензорам научное значение открытия Циолковского, ни к чему не привели. Тогда Филиппов решил посоветоваться со своим другом и учителем Д. И. Менделеевым.

Ознакомившись с работой Константина Эдуардовича и выслушав жалобы редактора «Научного обозрения» на цензорский произвол, Менделеев сказал ему:

— А вы не сдавайтесь и не «вешайте нос». Ну, конечно,

цензор есть цензор. Он ведь получает жалованье не за разрешения, а за запрещения. Но я вам дам совет не как химик, а как дипломат. Сведите все ваши доводы в защиту Циолковского к пиротехнике. Докажите им, что, поскольку речь идет о ракетах,— это очень важно для торжественных праздников в честь тезоименитства государя императора и «высочайших особ». Вот пусть тогда запретят печатать статью!»

Отец воспользовался советом и, стараясь быть предельно серьезным, изложил эти «соображения» самому ретивому цензору А.* Елагину.

31 мая 1903 г. разрешение цензуры на публикацию работы Циолковского было получено.

В Доме-музее Циолковского в Калуге сохранилась запись великого ученого, сделанная им на своей статье, вырезанной из журнала «Научное обозрение»: «Я благодарен Филиппову, ибо он один решился издать мою работу».

И действительно, нужно было обладать поистине разносторонней эрудицией и таким даром научного предвидения, каким обладал Михаил Михайлович, чтобы на пороге XX в. оценить значение работы Циолковского.

К участию в литературном отделе журнала были привлечены М. Горький, В. Вересаев, П. Засодимский, Т. Щепкина-Куперник, В. Тан-Богораз. На страницах «Научного обозрения» печатались также и малоизвестные авторы, в чьем творчестве звучали гражданские мотивы.

Вот один из примеров:

Под свист паров, под скрежет пил,
Под лязг и гром железа, стали,
Я в глубине души открыл
Источник скорби и печали...
Гудок ли властно рокотал
С гигантской крыши над трубою —
Мне чудилось, что он стонал
В своем раскате надо мною...

И скрип станков, и шум машин,
И дробь от молота по стали,
Все мне звучало, как один
Огромный стон людской печали ¹³

¹³ Д. Поступаев. Как я запел.— «Научное обозрение», 1903, № 2, 262.

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

Фотография конца XIX в.

Наряду с очерками, рассказами, повестями и стихами русских писателей и поэтов в журнале систематически помещались произведения выдающихся представителей западноевропейской литературы: Золя, Мериме, Ибсена, Гауптмана, Зудермана, Стриндберга.

Однако и здесь шла ожесточенная война с цензурой. Особый интерес в этом отношении представляет конфликт Филиппова с Петербургским цензурным комитетом в начале 1903 г. по поводу публикации перевода романа Э. Золя «Правда». Конфликт этот был доведен до сведения министра внутренних дел, который решил его, разумеется, в пользу цензурного ведомства. В результате — в февральском номере «Научного обозрения» за 1903 г. появилось объявление, повергшее читателей в недоуме-

ние. Редакция сообщала, что «по обстоятельствам, от нее не зависящим», продолжение романа напечатано не будет.

Эти «не зависящие от редакции обстоятельства» заключались в следующем. Вновь вступивший в должность цензора «Научного обозрения» А. Елагин, несмотря на то, что роман был разрешен к печати его предшественником, наложил запрет на дальнейшую публикацию произведения Золя.

Попытки Филиппова опротестовать цензурный приговор оказались напрасными. В своем обращении к министру внутренних дел он писал, что «для запрета романа Золя нет никаких оснований», что «роман этот, безусловно полезный для укрепления режима дружественной нам Франции, не представляет ничего опасного и с точки зрения русской религии и государственности. Роман направлен против клерикалов и антисемитов. В России клерикализм невозможен, в чем убеждает вся история нашей церкви со времен патриарха Никона; что же касается антисемитизма, то противником его был, например, такой столп консерватизма, как Катков»¹⁴.

Как же реагировало на эти доводы Министерство внутренних дел? Возражения Филиппова были переданы на рассмотрение Главного управления по делам печати, которое сочло более убедительным следующее объяснение цензора Елагина:

«Обращаясь к мысли г. Филиппова о безвредности или даже полезности романа «Правда», имею честь доложить комитету: роман этот представляет собой третью часть задуманной Золя тетралогии, т. е. четырех Евангелий, переписанных на социалистический лад. В 1900 г. появился первый роман этой тетралогии «Fécondité» [«Плодовитость»] (Евангелие от Матфея), в прошлом 1902 г. — второй, «Travail» [«Труд»] (Евангелие от Луки), первоначально признанный С.-Петербургским цензурным комитетом подлежащим действию 149 ст. Устава о цензуре и выпущенный Советом Главного управления по делам печати лишь после доклада г. министру внутренних дел, с огромными урезками, изменившими в значительной мере смысл романа. «Vérité» [«Правда»] — это Евангелие от Марка.

Содержание первых глав, напечатанных в январской

¹⁴ «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 129—130.

книге «Научного обозрения», следующее: население небольшого уездного города Майбуа крайне взволновано гнусным преступлением: маленький воспитанник школы капуцинов Зефирин, мальчик еврейского происхождения, но католик, только что впервые причастившийся, найден в своей комнате задуманным с явными признаками скрытого садизма. Народ волнуется и грозит монахам и священникам; автор довольно прозрачно дает понять, что преступление совершено духовным лицом. В дело вмешивается герой романа Марк Фроман, по профессии учитель светской школы, эмансипированный молодой человек, «не веривший ни в бога, ни в черта и проповедовавший благодетельное (слова автора!) уничтожение церкви» (стр. 24). Впрочем, по мнению Золя, «церковь перестанет существовать с того момента, когда народное образование ускользнет из ее рук» (стр. 26). Можно с уверенностью сказать, что эти мысли получают в дальнейших главах достойное точки зрения Золя развитие»¹⁵.

Председательствовавший на заседании Совета Главного управления по делам печати А. Катенин согласился с вышеприведенными доводами цензора, и Совет подтвердил своим постановлением запрещение романа французского классика, о чем и было объявлено Филиппову.

Но не только один этот факт характеризует солидарность Филиппова с общественными воззрениями Золя — великого писателя и гражданина своей страны.

В 1901 г. на страницах «Научного обозрения» публикуется дневник невинно осужденного по обвинению в шпионаже офицера французской армии Альфреда Дрейфуса, в защиту которого пламенно восстал Золя, сыгравший огромную роль в деле его освобождения и реабилитации. В предисловии к дневнику Филиппов писал:

«В конце 1894 г. не только Франция, но и весь цивилизованный мир стал с напряжением следить за великой судебной трагедией, известной под именем „процесса Дрейфуса“. На первый взгляд, может показаться удивительным, каким образом этот процесс, имеющий, по-видимому, чисто местное, французское значение, мог привлечь к себе всеобщее внимание, мог разделить весь мир на дрейфусаров и антидрейфусаров и вообще волновать умы в течение столь долгого времени».

¹⁵ «Исторический архив», 1958, № 6, 130—132.

Отвечая на этот вопрос, Филиппов видел причины возникновения знаменитого дела мнимого государственного изменника Дрейфуса в политической реакции во Франции, в реваншистских настроениях реакционных кругов.

«Разве не общеизвестно, — продолжал он, — что к реваншу здесь присоединился еще антисемитизм, в основе которого, каковы бы ни были его дальнейшие политические и экономические примеси, всегда лежит все же различие исповеданий... И до сих пор еще есть не мало людей, которые все еще верят в виновность Дрейфуса.

В числе их есть «умеренные», усматривающие все же в помиловании Дрейфуса акт политической мудрости. Не знаем, разубедит ли этих людей в виновности Дрейфуса печатаемый здесь дневник самого героя этой прискорбной драмы, но на всех непредубежденных людей он производит впечатление полной искренности и правоты»¹⁶.

Высокая принципиальность в постановке общественных вопросов, волновавших умы современников, всегда являлась отличительной чертой журнала, просуществовавшего в общей сложности около 10 лет.

В конце последнего, майского, номера «Научного обозрения» случайно оказались опубликованными стихи, прозвучавшие как эпитафия безвременно окончившему свой жизненный путь редактору журнала. Неизвестный автор стихотворения, подписавшийся инициалами «Н. З.», скорбит об утрате человека, которого он увидел слишком поздно:

Я знал его потом таким несчастным, —
Свой крест тяжелый нес он одиноко,
И скорбь не разделял ни с кем, но властно
В груди своей все затаил глубоко.
Его еще в последний раз я встретил,
Когда в гробу лежал он безмятежно, —
И здесь в чертах его впервые я заметил,
Как много было в нем любви и грусти нежной...¹⁷

¹⁶ Альфред Дрейфус. Пять лет моей жизни (1894—1899 гг.). — «Научное обозрение», 1901, № 10.

¹⁷ «Научное обозрение», 1903, № 5, стр. 288.

MORS EX CAUSA IGNOTA¹

В хмурое, дождливое лето 1903 г. в Петербурге выдался на редкость ясный и жаркий день. 16 июня под лучами палящего солнца от дома № 37 по улице, названной именем отца русского романтизма поэта Жуковского, двинулась немногочисленная похоронная процессия.

Миновав широкую пыльную Лиговку, траурное шествие повернуло на Расстанную. Так окрестили эту улицу много лет назад потому, что по ней провожали петербуржцы своих близких на Волково кладбище, расставаясь с ними навеки. Грустное, поэтическое название осталось у этой улицы и до наших дней. Пройдя ее, погребальная процессия достигла кладбищенской ограды и была встречена мерным колокольным звоном. После церковного обряда, совершенного по иронии судьбы у гроба убежденного атеиста своего времени, состоялась краткая гражданская панихида, и на «Литераторских мостках» (месте захоронения писателей), неподалеку от могил Белинского и Добролюбова, возник новый могильный холм с надписью на кресте:

*Михаил Михайлович
Филлипов*
Основатель и редактор
журнала
«Научное обозрение»
(1858—1903)

С горечью и сожалением прозвучали над свежей могилой ученого прощальные слова его друга, профессора историка А. Трачевского.

«Судьба была ему мачехой. Он был непреклонным борцом за правду и истину. Его мало понимали: даже иные спутники по жизненной стезе окидывали его не прямым взглядом... Печать страдания лежала на старческом облике сорокачетырехлетнего философа, пользовавшегося слишком большим «вниманием» сверху и недостаточной оценкой снизу... Бился он по вся дни, как рыба об лед, но и не думал слагать оружие. Он только покрылся броней суховатости. Трудно было проникнуть в эту наболевшую душу и в тайники этого глубокого ума.

¹ Смерть от неизвестной причины (*лат.*).

Этот математик, философ, естествоиспытатель, экономист, социолог и беллетрист был еще чутким публицистом. Его волновали все злобы дня: он немедленно давал ответы на все запросы жизни. Его гражданским долгом был обет немолчания»².

Трудно было дать более точную характеристику короткого жизненного пути М. М. Филиппова, трагически погибшего на своем научном посту.

Прогрессивные газеты и журналы России в многочисленных некрологах отметили большую утрату, которую понесла отечественная наука. Бульварные издания попытались использовать необычные обстоятельства его смерти как очередную сенсацию.

Группа петербургских писателей и ученых, как сообщали газеты, задумала издать в пользу семьи М. М. Филиппова, оставшейся без всяких средств к существованию, научно-литературный сборник, посвященный его памяти, а также устроить литературный вечер, сбор от которого должен был пойти на стипендию имени М. М. Филиппова в одном из высших учебных заведений Петербурга. По этому поводу в «Санкт-Петербургских ведомостях» было опубликовано ответное письмо вдовы М. М. Филиппова. Она писала:

«Я глубоко сочувствую этой идее, выражая искреннюю благодарность и признательность, но признаю невозможным для своей семьи извлекать материальную пользу из сборника.

...Я лично заинтересована лишь в том, чтобы журнал, десятилетний труд моего покойного мужа, перешел в чистые руки, и если не сумеют или не захотят сохранить характера, то направление безусловно должно остаться нетронутым...»

После Великой Октябрьской социалистической революции в советской печати неоднократно публиковались статьи, посвященные памяти М. М. Филиппова.

В 1930 г. о трагической судьбе русского ученого-материалиста напомнил А. М. Горький в своих «Беседах о ремесле». В связи с попыткой итальянца Маркони передавать электрическую энергию без проводов Горький писал:

² А. Т р а ч е в с к и й. Нежданная слеза.— «Русские ведомости», 19 июня 1903 г.

«Это же было сделано 27 лет тому назад у нас литератором и ученым М. М. Филипповым, который несколько лет работал над передачей электротока по воздуху и в конце концов зажег из Петербурга люстру в Царском Селе. На этот факт не было обращено должного внимания. Филиппова через несколько дней нашли в его квартире мертвым, аппараты и бумаги его арестовала полиция...»³

В последние годы своей жизни М. М. Филиппов интенсивно занимался физико-техническими и пирохимическими исследованиями. Будучи связан с Д. И. Менделеевым, непосредственно общаясь с выдающимся французским химиком Бертелло и крупным немецким химиком Виктором Мейером, глубоко изучив математику, физику и химию, М. М. Филиппов приступил к разработке научной проблемы, решение которой, с его точки зрения, могло принести человечеству неопределимую пользу, стать серьезным препятствием для развязывания новых войн. Такой проблемой являлась электропередача взрывной волны на большие расстояния. Об этом писал ученый в своем предсмертном письме 11 июня 1903 г. в редакцию газеты «Русские ведомости»:

«В ранней юности я прочел у Бокля, что изобретение пороха сделало войны менее кровопролитными. С тех пор меня преследовала мысль о возможности такого изобретения, которое сделало бы войны почти невозможными. Как это ни удивительно, но на днях мною сделано открытие, практическая разработка которого фактически упразднит войну.

Речь идет об изобретенном мною способе электрической передачи на расстояние волны взрыва, причем, судя по примененному методу, передача эта возможна и на расстоянии тысячи километров, так что, сделав взрыв в Петербурге, можно будет передать его действие в Константинополь. Способ изумительно прост и дешев. Но при таком ведении войны на расстояниях, мной указанных, война фактически становится безумием и должна быть упразднена. Подробности я опубликую осенью в мемуарах Академии наук. Опыты замедляются необычайной опасностью применяемых веществ, частью весьма взрывчатых, как NCl_3 (треххлористый азот), частью крайне ядовитых».

³ «Горький и наука». Статьи, речи, письма, воспоминания. М., 1964, стр. 51.

В начале XX в., когда человечество не могло даже представить, что появится столь смертоносное оружие, угрожающее цивилизации, как атомная и водородная бомбы, когда радио и авиация находились еще в зачаточном состоянии, сообщение об открытии нового способа передачи взрывной волны на большие расстояния произвело сильное впечатление на русское общество.

Однако тайна изобретения М. М. Филиппова, стоившего ему жизни, до сих пор осталась неразгаданной. Все бумаги и приборы были изъяты охранкой немедленно после его смерти и пропали бесследно.

Предварительные опыты М. М. Филиппов начал еще в Териоках в годы ссылки и продолжал главным образом в 1903 г. За этот период он провел двенадцать опытов, которые дали ему основание считать поставленную перед собой задачу разрешенной. Предстоял последний, тринадцатый, лабораторный эксперимент, после которого в середине июня 1903 г. М. М. Филиппов предполагал выехать на несколько дней во Францию для консультации с известным французским химиком Бертело по поводу некоторых деталей.

Лаборатория Филиппова находилась в его квартире и являлась в то же время его рабочим кабинетом. В этой же квартире помещались редакция и контора «Научного обозрения».

11 июня 1903 г., вечером, ученый предупредил родных, что будет допоздна работать, и просил разбудить его не ранее 12 часов дня. На следующий день он был обнаружен мертвым на полу, возле стола, уставленного различными приборами, колбами и ретортами. Попытки вернуть его к жизни ни к чему не привели. Вызванный вольнопрактикующий врач Полянский затруднился определить причину наступившей смерти и записал в медицинском свидетельстве: «Mors ex causa ignota».

О смерти М. М. Филиппова немедленно стало известно Охранному отделению, и на место происшествия срочно нагрянули представители власти, изъявшие после тщательного обыска переписку, документы, записи опытов и все приборы.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла доступ к архивам Департамента полиции, что дало возможность выяснить некоторые подробности действий охранки, предпринятых после трагической смерти

1903

годъ X й.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

НАУЧНО ФИЛОСОФСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 5

М А Й.

С. ПЕТЕРБ. РРЪ
Типографія Э. П. Лереховичевой, Бас.
1903

*Обложка журнала «Научное обозрение»
(1903, № 5)*

ученого. В архивах не удалось обнаружить ни заключений экспертов, ни изъятых при обыске у Филишова документов. Имеется основание предполагать, что все это погребено во время пожара в здании Охранного отделения, подожженного охранниками в дни Февральской революции 1917 г.

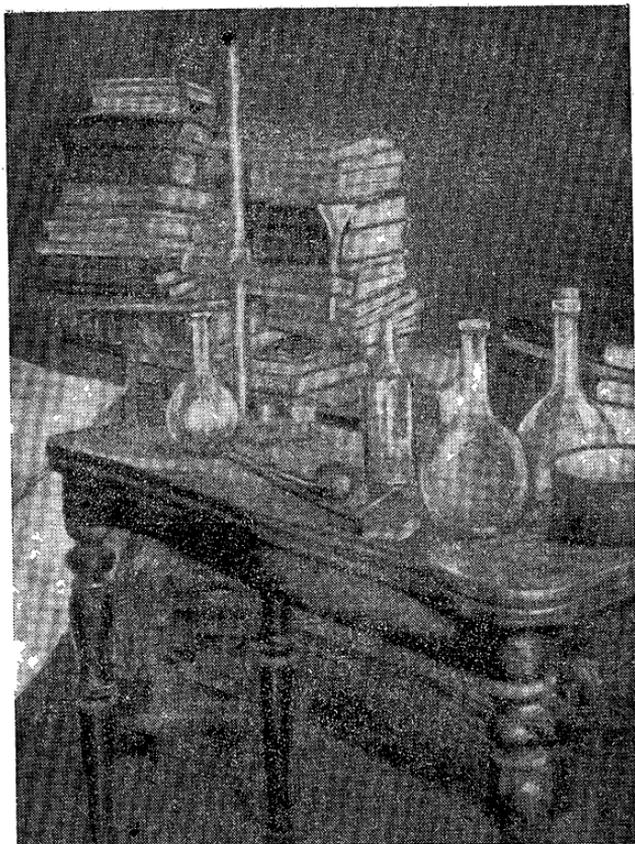
Кое-какой свет проливает лишь «совершенно секретная» записка Петербургского охранного отделения директору Департамента полиции о скоростижной смерти М. М. Филишова, датированная 16 июня 1903 г.

Из нее явствует, что сотрудники охраны стремились всячески скрыть истинные причины смерти ученого и даже создали для этой цели версию о его самоубийстве, хотя полицейский врач Решетников установил, что смерть произошла от паралича сердца вследствие органического сердечного порока. Для экспертизы опытов, производимых ученым, охранка через три дня после смерти М. М. Филишова привлекла делопроизводителя Главного артиллерийского комитета полковника Гельфрейха.

Кроме того, в ночь на 15 июня труп Филишова по распоряжению судебных властей, инспирированному охранкой, был вывезен в Мариинскую больницу для вскрытия. Под нажимом Охранного отделения и полицейский врач Решетников, и «ученый» эксперт дважды меняли свои заключения.

Полковник Гельфрейх заявил, что смерть ученого последовала вследствие неосторожного добывания им паров синильной кислоты. В заключении эксперта говорилось, что «в числе вещественных доказательств найден каменный котелок с какой-то (?) солью и жидкостью. Если эта соль — желтая соль, а жидкость — разведенная серная кислота, то не может быть сомнения в том, что эта операция велась М. Филишовым исключительно с целью самоотравления»⁴. Полковник Гельфрейх даже не считал необходимым подкрепить свои предположения химическим анализом обнаруженных веществ в упомянутом им каменном котелке. Какие цели преследовала охранка — сказать довольно трудно. Можно только предположить, что чья-то невидимая рука направляла действия титулярного советника Левицкого, подписавшего записку Охранного отделения. Очевидно, кто-то был серьезно

⁴ ЦГИАМ, ф. ДП-00, 1898, д. 13, ч. 33, л. 64.

Кабинет М. М. Филиппова

заинтересован в том, чтобы скрыть записи опытов Филиппова и завуалировать причину его смерти.

Вероятно, не без влияния охранки 30 июля 1903 г. на страницах черносотенной газеты «Новое время», издававшейся в Петербурге, появилась статья, подписанная инициалами А. Т., в которой делалась попытка доказать несостоятельность идеи изобретения Филиппова. Статья была написана безграмотно и обнаруживала полное незнание ее автора с элементарными вопросами химии.

С ответом в защиту изобретения М. М. Филиппова на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» выступил Д. И. Менделеев, показавший некомпетентность «А. Т.».

В музее Д. И. Менделеева в Ленинграде сохранился автограф великого ученого, который содержит ответ на вторичную попытку того же «А. Т.» посмертно дискредитировать Филиппова перед лицом общественного мнения.

«То, что я прочел в статье «Нового времени», — пишет Менделеев, — содержит в действительности не «научный разврат», а научную белиберду, и как она связана с именем покойного М. М. Филиппова, от которого я ничего подобного никогда не слышал и с которым всегда беседовал с большим удовольствием, мне совершенно неясно. Узнав перед самым моим отъездом в деревню о кончине М. М. Филиппова, после того я ничего или почти ничего сколько-нибудь достойного доверия не слыхивал, и для меня остается совершенно неясной связь между белибердой статьи г. А-та и кончиной человека, который, по моему мнению, оставил о себе добрую память у всех, кто его знал»⁵.

Профессор А. Трачевский также свидетельствовал на страницах печати об отношении великого русского химика к работам Филиппова: «Отправился я к Д. И. Менделееву поговорить о дальнейшей судьбе его «Заветных мыслей», начатых в последней (майской) книжке «Научного обозрения». Не мог же я не коснуться химического открытия перед лицом самого Дмитрия Ивановича! В ответ я услышал, что в основной идее Филиппова нет ничего фантастического: волна взрыва доступна передаче, как волна света и звука»⁶.

Не стало Филиппова, и тотчас же прекратил свое существование его журнал. Майский (пятый) номер за 1903 г. явился последним взлетом «Научного обозрения», его подлинным апофеозом. В этом номере рядом с «Заветными мыслями» Д. И. Менделеева была опубликована знаменитая статья К. Э. Циолковского об исследовании мировых пространств реактивными приборами.

Прозорливым взглядом редактор «Научного обозрения», русский ученый-энциклопедист М. М. Филиппов, отдавший всю свою недолгую жизнь борьбе за прогресс и великое будущее своего народа, видел грядущие победы науки.

⁵ НАМ ЛГУ, ф. I, архив гр. А, папка 26, ч. I, док. 12. Автограф.

⁶ «Санкт-Петербургские ведомости», № 192, 17 июля 1903 г.

Послесловие

В 1923 г. в Петрограде меня пригласила к себе Прасковья Францевна Куделли, старая большевичка, представительница славной ленинской гвардии, возглавлявшая Петроградский испарт и журнал «Красная летопись». В свое время она была близка к редакции «Научного обозрения», хорошо знала моего покойного отца и высоко ценила его как ученого и общественного деятеля. Тогда и получил я предложение написать свою первую статью об отце в связи с 20-летием со дня его смерти. Я был еще зеленым юнцом и, признаться, весьма сомневался, в состоянии ли буду осилить столь трудную задачу. Однако Куделли ободрила меня и сказала, что мне будет открыт доступ в архив Департамента полиции, где обнаружено объемистое дело «Научного обозрения». Кроме того, она обещала помочь своей личной консультацией.

Так появилась первая в советскую эпоху публикация о Михаиле Михайловиче Филиппове¹. Документы, обнаруженные мной в полицейских архивах, наглядно свидетельствовали, в какой атмосфере насилия и произвола приходилось отцу бороться за свои идеалы.

С момента публикации упомянутой статьи прошло почти полвека. Изредка печатались новые материалы о жизни и деятельности Филиппова. «Философом-марксистом конца XIX века» называет Филиппова проф. С. О. Грузенберг в своей статье, опубликованной в «Вестнике знания» (1928, № 15). Как о последовательном борце за материалистическую науку пишет о нем проф. П. Ю. Шмидт в 1924 г. на страницах журнала «Человек и природа» (1929, № 1). Однако после 1930 г. имя отца постепенно стиралось в памяти читателей, несмотря на то, что его деятельность пользовалась искренними симпатиями выдающихся ученых нашего времени. В 1938 г. мой старший брат Л. М. Филиппов обратился по этому поводу к президенту Академии наук СССР С. И. Вавилову. Ответ был получен незамедлительно:

¹ См. «Красная летопись», 1924, № 1.

Глубокоуважаемый Леонид Михайлович!

Я получил Ваше письмо относительно увековечения памяти М. М. Филиппова. Очень хорошо было бы получить от Вас статью для «Природы» для отдела «История науки». В статье желательно осветить деятельность М. М. Филиппова, дать конкретную характеристику «Научного обозрения» и иллюстративный материал (в частности, могла бы быть помещена и присланная Вами фотография могилы). Если вы не найдете возможным написать статью, то, может быть, укажете, кому бы можно было это поручить.

Я наведу справки в архиве Академии относительно материалов к сборнику памяти Вашего отца и в зависимости от состояния дела попытаюсь воскресить это начинание².

Мне трудно обещать Вам что-либо в отношении кинофильма. Наши киноорганизации крайне неповоротливые, и продвижение этого вопроса, насколько я знаю, будет трудным и громоздким.

Забота о сохранении могил наших ученых имеется, но не в должной степени, и проводится случайно. За последние годы Академия наук на свои средства реставрировала могилы многих русских ученых. На кладбище Александровской лавры устроен в 1937 г. наш «Пантеон», где соединены могилы выдающихся деятелей русской культуры, в том числе и ученых. Это — дело Ленинградского Совета. Полагаю, что обращение в Лен. Совет поможет и в отношении могилы М. М. Филиппова.

С искренним приветом

С. Вавилов³

² Мемориальный сборник о «Научном обозрении» и его редакторе М. М. Филиппове готовился к печати в 1933 г. История этого начинания такова: в Ленинградском Доме ученых собрались бывшие сотрудники журнала — ботаник И. В. Палибин, зоолог П. Ю. Шмидт, известный деятель большевистской партии Д. И. Лещенко и др. Здесь был разработан план сборника, составителем которого являлся профессор Института истории искусств И. В. Егоров. Сборник был включен в план ленинградского отделения Издательства Академии наук (директором был тогда П. И. Чагин), но подготовка его затянулась, и сданные в издательство материалы до сих пор не обнародованы.

³ Архив Б. М. Филиппова. Автограф.

Пожелание С. И. Вавилова о публикации в журнале «Природа» статьи, посвященной М. М. Филиппову, удалось осуществить практически только через 20 лет ⁴.

В период 40-х и 50-х годов некоторые советские авторы пытались не только умалить значение деятельности Филиппова, но даже представить ее в резко отрицательном свете.

Так, например, В. Г. Баскаков объявил Филиппова «ученым лакеем буржуазии» и «махровым идеалистом, мракобесом и безродным космополитом» ⁵. Удивляет, что эти «характеристики» использованы Баскаковым в его работах, посвященных Белинскому и Чернышевскому, ярким пропагандистом творчества которых Филиппов являлся в мрачную эпоху царизма.

Это необоснованное выступление В. Г. Баскакова получило достойную отповедь в статье В. Жданова на страницах журнала «Вопросы литературы». Подвергая доказательной критике книгу Баскакова, искажающую многочисленные факты истории русской общественной мысли, В. Жданов пишет:

«По отношению к таким деятелям, которые отнесены автором в антидемократический лагерь, в книге применяется одна только черная краска; исключение не делается даже в тех случаях, когда речь заходит о видных русских писателях. Например, Тургенев безоговорочно зачислен в лагерь крепостников и монархистов; по мнению В. Баскакова, создатель «Отцов и детей» является не больше и не меньше как представителем «крепостнической реакции», связанным с идеологией «дипломированных лакеев царизма».

После этого уже не приходится удивляться, что автор вовсе не церемонится с какими-нибудь публицистами или критиками. Особенно круто он обошелся с известным деятелем конца прошлого века М. Филипповым, о чем придется рассказать подробнее.

Литератор и ученый-энциклопедист Михаил Михайлович Филиппов был смелым борцом за научный прогресс, за развитие материалистической мысли... Представив себе облик замечательного русского ученого, мы сможем

⁴ Б. Филиппов. Русский ученый-материалист. — «Природа», 1958, № 9.

⁵ В. Баскаков. Социологические воззрения В. Г. Белинского. М., 1948, стр. 8.

полнее оценить научную добросовестность В. Баскакова: в одном месте своей книги он называет М. Филиппова «махровым идеалистом-мракобесом» и в качестве такового ставит его рядом с Акимом Волынским⁶; в другом — идет еще дальше и уже без обиняков относит его к числу «махровых идеалистов и безродных космополитов», труды которых особенно широко рекламировались реакционной прессой». Не довольствуясь этим, Баскаков тут же поясняет, что авторы упомянутых трудов старались во что бы то ни стало похоронить материалистическую традицию, которая выковывалась на протяжении многих веков в истории русской общественной мысли. Вот к чему приводит эта удивительная непринужденность обращения с фактами и именами. Может ли после этого читатель верить автору?»⁷

Совершенно иных взглядов на творчество Филиппова придерживается также известный ученый-литературовед Д. Д. Благой: «Подробно прослеживая и анализируя историю сложных и мучительных исканий Белинским передового мировоззрения, передовой теории, М.М. Филиппов, даже говоря о его заблуждениях, порою срывах, стремится «очистить здоровое зерно от плевел». Легко видеть, что в своем отношении и к истории русской философии, и к Белинскому М. М. Филиппов находится на том пути, по которому пошли в этих вопросах советские философы и советские литературоведы. Тому же диалектическому принципу, что и в отношении Белинского, следует он и в статье о Некрасове, ставящей своей задачей обрисовать своеобразную личность поэта и рассмотреть поэзию Некрасова в связи с историей русской общественности 60-х и 70-х годов»⁸.

Поворотным этапом в освещении творчества Филиппова явилось совместное заседание институтов истории естество-

⁶ Аким Волынский — псевдоним Акима Флексера. Проповедовал смесь гегельянства с началами «Ветхого завета». М. М. Филиппов резко критиковал этого реакционного философа в 1894 г. в статье «Ребяческий идеализм» («Русское богатство»).

⁷ В. Жданов. Надо уважать факты. — «Вопросы литературы», 1959, № 9, стр. 189—190; В. Г. Баскаков. Мировоззрение Чернышевского. М., 1956, стр. 372.

⁸ М. М. Филиппов. Мысли о русской литературе, стр. 5, 372, 712.

знания и техники, философии и экономики Академии наук СССР 20 октября 1958 г. в связи со 100-летием со дня рождения ученого.

На этом заседании была четко определена его прогрессивная роль в истории развития материалистической науки и общественной мысли в России. Доклады, заслушанные на заседании, послужили серьезным стимулом к глубокому изучению литературного наследия Филиппова.

За последнее десятилетие в печати появилось немало статей и исследований, связанных с различными сторонами деятельности ученого.

Большое значение для выяснения подлинной роли М. М. Филиппова в истории развития русской общественной мысли имеет работа Н. И. Филипповой «К истории журнала „Научное обозрение“»⁹.

Она ценна тем, что знакомит читателя с подлинными документами, подтверждающими факт борьбы редактора «Научного обозрения» против цензурного произвола, его отношение к революционным марксистам; вскрывает систему полицейских преследований М. М. Филиппова.

Значение этих документов подчеркнуто автором публикации во вводной статье.

Не вызывает никакого сомнения, что названная публикация пробудила в среде ученых и литераторов интерес к личности Филиппова и проложила путь дальнейшему изучению его научного и литературного наследия.

В последние годы социологические, философские и экономические труды М. М. Филиппова послужили темами для защиты диссертаций на соискание ученых степеней в университетах страны. Его жизнь нашла отражение в научно-художественной литературе и даже... в поэзии.

⁹ «Исторический архив АН СССР», 1958, № 6, стр. 107—138. — Включенные в публикацию многочисленные документы выявлены и хранятся в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ), в фондах Главного управления по делам печати (ф. 776) и Петербургского цензурного комитета (ф. 777), в Центральном Государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ), в фондах Департамента полиции (ф. 102), в Архиве Дома Плеханова в Ленинграде (ф. В439), в Научном архиве Д. И. Менделеева при Ленинградском государственном университете (НАМ ЛГУ, ф. 1).

Так, известный поэт Леонид Мартынов посвятил ему свою «Петербургскую балладу».

Кто такой
Филиппов?
Погодите:
Это не кондитер ли известный?
Нет! Другой Филиппов, не кондитер,
В Петербурге жил в квартире тесной.
Все о нем, конечно, плохо знали,
И дошло до вас гораздо позже,
Что печатал он в своем журнале
Ленина, и Циолковский тоже
Опубликовал однажды что-то
В этом же «Научном обозрении».
Словом, шла научная работа,
И Филиппов был на подозренье.

Далее Мартынов пишет об изобретении ученого, ставшем причиной его гибели:

Он такими пригрозил лучами,
Что невольно жить придется в мире,
Позабыв про всякие походы...
Он сказал: «Учтите, полководцы,—
В бой соваться будет неохота,
На орало меч перекуется!»
Не берусь
гадать, чем было это.
Может быть, что в недрах кабинета
Измышлял он генератор света,
Фантазер, новатор по природе.

И заканчивает свою балладу словами:

Вот что я припомнил при рассказе,
Что такое лазер или мазер,
На какой они возникли базе ¹⁰.

Иронически начало «Петербургской баллады» Л. Мартынова звучит потому, высказывает предположение Д. Д. Благоев, что в вышедшем в 1958 г. монументальном коллективном труде—двухтомной академической «Истории

¹ Л. Мартынов. «Петербургская баллада». — «Наука и жизнь», 1965, № 7, стр. 114.

русской критики» — в именном указателе упомянут «Филиппов», но только известный в свое время булочник. Имя же М. М. Филиппова — видного литературного критика — отсутствует.

Не меньшим свидетельством «научной дезинформации» следует считать заметку в Большой Советской Энциклопедии о журнале «Научное обозрение», где в качестве редактора «Научного обозрения» назван не М. М. Филиппов, а издатель П. П. Сойкин (!). Правда, впоследствии редакция БСЭ исправила ошибку в заметке, уже непосредственно относящейся к М. М. Филиппову ¹¹.

Нельзя не привести еще один пример произвольного обращения с фактами. В сборнике исследований и материалов, выпущенном издательством «Книга», помещена публикация Н. Г. Малыгина, посвященная тому же П. П. Сойкину. В ней можно встретить многочисленные ссылки на первое издание моей книги «Тернистый путь русского ученого». Автор не отрицает, что М. М. Филиппов с глубокой симпатией относился к марксизму и его пропаганде, но в то же время полностью игнорирует памятную записку отца, раскрывающую истинную роль П. П. Сойкина. Более того, вопреки истине Н. Г. Малыгин пишет, что заслуга П. П. Сойкина в данном случае состояла в том, что он, «гибкий и многоопытный издатель, создал условия для деятельности Филиппова и «Научного обозрения», чем способствовал распространению марксистских идей» ¹².

Автор ставит в заслугу Сойкину даже появление в 1903 г. на страницах «Научного обозрения» «Заветных мыслей» Д. И. Менделеева, переименовывая, правда, известную работу великого ученого в «Заветные письма»! Следует напомнить, что в эти годы П. П. Сойкин никакого отношения к «Научному обозрению» уже не имел.

Д. И. Менделеев, выпустивший в том же 1903 г. «Заветные мысли» отдельной брошюрой, сообщил в предисловии, что он начал их «писать для журнала покойного друга М. М. Филиппова и в майской книжке напечатал уже вступление, здесь повторенное, лишь с небольшими дополнениями; но с кончиной уважаемого редактора

¹¹ См. БСЭ, изд. 2, т. 29, стр. 261; т. 45, стр. 106.

¹² «Сборник исследований и материалов», вып. XIV М., 1967, стр. 170 и 172.

выход книжек журнала остановился, и я решил издать свои «Заветные мысли» в виде отдельных брошюр»¹³.

Совершенно непонятно, почему автор публикации умолчал о том, что журнал «Научное обозрение» был с трудом отвоеван Филипповым и группой ученых в начале 1902 г. из-под «гибкой» опеки П. П. Сойкина. Впрочем, о «гибкости» многоопытного издателя свидетельствует и то, что в годы напа он не пошел по пути передачи своего опыта государственным издательствам, а мгновенно организовал на базе своей типографии издательство частно-предпринимательского порядка, о чем свидетельствует и сам Н. Г. Малыхин в своей статье.

Значительно большего внимания заслуживают исследования молодых советских ученых А. Ф. Сметанникова и П. Д. Данюшина. Первый избрал темой своей кандидатской диссертации экономические взгляды М. М. Филиппова, а второй его социологические воззрения. Кроме того, они выступили с рядом статей о научном творчестве Филиппова на страницах «Известий Академии наук Казахской ССР» и «Вестника Московского университета». П. Д. Данюшин анализирует также взгляды Филиппова на вопросы философии.

Положительной чертой работ этих ученых является изучение трудов М. М. Филиппова с позиций марксизма-ленинизма.

П. Д. Данюшин указывает, что «в философском отношении М. М. Филиппов оформился и прочно стоял на позициях естественноисторического материализма. С этих позиций он подходил к пониманию явлений природы и вел борьбу против идеализма и метафизики. Ученый не стихийно принимал материализм в рассмотрении природных явлений. Изучая то или иное явление, он, сознательно руководствуясь материалистическими положениями, приходил к правильным научно-теоретическим обобщениям... Признание объективной реальности, существующей независимо от сознания человека, пронизывает все научное творчество М. М. Филиппова. В основе всех вещей и явлений мира, по мнению М. М. Филиппова, лежит материя, состоящая из атомов. Материя объективна, бесконечна, никем не создана и неуничтожима. Отстаивая положение о делимости атомов, ученый писал:

¹³ Д. И. Менделеев. Заветные мысли. СПб., 1903, стр. 2.

«Почему не допустить, что разделение атома на части было бы равносильно уничтожению тех или иных физических свойств составленной из него материи?» Мы можем и должны, утверждал Филиппов, «допустить даже бесконечную делимость материи... Мы можем стремиться узнать, и, наверно, когда-нибудь узнаем, изменяются ли свойства материи по мере ее раздробления».

П. Д. Данюшин отмечает, что ряд ошибок Филиппова не позволяет причислить его все же к диалектическим материалистам, но «ученый стоял на верном пути, пути, который рано или поздно привел бы его к диалектическому материализму, о чем говорит жизнь М. М. Филиппова, его философская, естественнонаучная и общественная деятельность. Сопоставляя величие идей К. Маркса и Ф. Энгельса, М. М. Филиппов стоял на пути восприятия марксизма как единственно научной теории, хотя, в силу ряда ошибок и колебаний, не смог сформироваться как последовательный марксист»¹⁴.

А. Ф. Сметанников также не считает М. Филиппова последовательным диалектиком. Но он отмечает, что «Филиппов много писал в защиту марксистской теории стоимости от нападок откровенно вульгарных буржуазных экономистов» и полностью разделял марксистское определение категории капитала. Являясь сторонником марксистского учения о концентрации и централизации капитала, Филиппов критиковал Э. Бернштейна, отрицавшего это положение Маркса и утверждавшего «преимущество» мелкого товарного производства. На основании статистических данных германской промышленной переписи 1895 г. Филиппов показал высокие темпы роста крупной промышленности... Анализ выступлений прогрессивного ученого по важнейшим проблемам политической экономии, по мнению Сметанникова, свидетельствует о существенной близости его воззрений экономическому учению К. Маркса. Научная ценность трудов ученого становится очевидной, если учесть, что М. Филиппов работал в то время, когда марксизм в России делал лишь первые шаги¹⁵.

¹⁴ П. Д. Данюшин. Философ-материалист.— «Вестник Московского университета», серия VIII. Экономика. Философия. Вып. 3, 1965, стр. 85—89.

¹⁵ «Известия Академии наук Казахской ССР». Серия общественная, 1967, № 1, стр. 33—39.

В своей рецензии на кандидатскую диссертацию Сметанникова Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии акад. С. Г. Струмилин писал, что он находит его работу весьма содержательной, интересной и нужной. «М. М. Филиппов, — подчеркивает Струмилин, — которого я помню еще по личным встречам, был не только «прогрессивным» ученым. В те далекие годы мы его еще знали в качестве ученого-революционера. И вывести из забвения в наши дни этого бесстрашного пропагандиста революционных идей Маркса в удушливой атмосфере царского мракобесия — это несомненная заслуга нашего диссертанта. Конечно, теперь, через полвека после революции, располагая не одним уже полным собранием сочинений наших учителей, не так трудно заметить, что доктор философии Филиппов кой в чем все же не был «последовательным» марксистом».

Не меньший интерес представляет свидетельство Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии акад. К. И. Скрябина.

В монографии, посвященной этому выдающемуся советскому гельминтологу, напечатаны следующие строки, привлекая особое внимание автора настоящей книги:

«...„Философия действительности“ М. М. Филиппова помогла юноше (К. И. Скрябину. — Б. Ф.) глубже разобраться во многих теоретических вопросах общей биологии»¹⁶.

В связи с этим я обратился с письмом непосредственно к Константину Ивановичу Скрябину. Ответ не замедлил последовать:

«24 мая 1966 г.

Глубокоуважаемый Борис Михайлович!

Спасибо за письмо, которое меня очень обрадовало, всколыхнув светлые воспоминания моих юношеских лет.

Я познакомился с «Научным обозрением» в период моего ученичества в старших классах Томского реального училища, полюбил этот журнал и выписывал в годы своего студенчества. Одновременно я с удовольствием читал очерки Вашего отца, публикуемые в издании Пав-

¹⁶ А. А. Гильденблат, И. Ф. Заянчковский. Академик К. И. Скрябин и советская гельминтология. М., 1963, стр. 10.

ленкова «Жизнь замечательных людей», которые мне очень нравились и которыми я чрезвычайно увлекался.

Эта серия изданий, а также «Философия действительности», сыграли большую роль как в общем моем образовании, так и в формировании материалистического мировоззрения.

К сожалению, я с Вашим отцом лично не встречался, что вполне понятно, так как я был юнцом-школьником по сравнению с крупным ученым того времени М. М. Филипповым!

Спасибо Вам за присылку Вашей книжки «Тернистый путь русского ученого», которую я приобрел уже 2 года тому назад и читал с удовольствием.

Очень приятно, что Вы продолжаете работать над биографией Михаила Михайловича. Если таковая будет издана,— очень прошу поставить меня в известность.

Что касается лично меня, то мне уже 87 лет, но я не пенсионер, я продолжаю работать в качестве директора лаборатории гельминтологии АН СССР и полагаю, что не покину этого поста до последней минуты своей жизни.

Шлю Вам дружеский привет и самые наилучшие пожелания. Очень рад нашему «заочному знакомству».

Уважающий Вас К. Скрыбин».

К приведенной в письме К. И. Скрыбина характеристике материалистического направления творчества М. М. Филиппова следует добавить слова комментатора его работы в области космологии и космогонии — советского ученого Ю. Г. Переля: «Автор „Философии действительности“ был высокообразованным ученым-энциклопедистом в то время, когда ученые-энциклопедисты уже отошли в прошлое, и его огромная эрудиция нашла свое достойное отражение в космологических и космогонических главах его труда; он не имел возможности безошибочно найти новое, но он умело и глубоко критиковал старое и тем самым помогал в поисках нового»¹⁷.

Можно также сослаться на мнение о трудах М. М. Филиппова крупнейшего советского биолога Героя Социалистического Труда акад. А. И. Опарина:

«В своем основном научном труде «Философия действительности» М. М. Филиппов дал сжатый, но очень выпуклый

¹⁷ М. М. Ф и л и п п о в. Этюды прошлого. М., 1963, стр. 351.

очерк главнейших философских систем, подготовивших путь к созданию правильного научного материалистического мировоззрения»¹⁸.

Я мог бы привести много аналогичных высказываний, но наиболее целесообразным будет сослаться на официальный орган — «Вестник Академии наук СССР»¹⁹, который свидетельствует, что «для научных идей ученого... характерно стремление обобщить те принципы науки XIX в. и предшествующих столетий, которые прокладывали дорогу естествознанию XX века». После этого может показаться по меньшей мере странным утверждение С. Л. Соболя, обвиняющего М. М. Филиппова в «грубом невежестве во всех областях естествознания». По-видимому, такого рода оценку работ ученого можно сделать, только не утруждая себя хотя бы элементарным знакомством с ними²⁰.

Пожалуй, самым значительным итогом изучения и популяризации научного и литературного наследия М. М. Филиппова следует признать издание Академией наук СССР двух сборников его избранных произведений. Один из них — «Этюды прошлого» — выпущен в 1963 г. и включил избранные очерки, научные работы, художественную прозу и литературно-критические статьи; второй — «Мысли о русской литературе», вышедший в 1965 г., — избранные литературные исследования и критические статьи, написанные Филипповым в период с 1894 по 1901 г.

Подготовка к печати трудов М. М. Филиппова, в особенности «Этюдov прошлого», была сопряжена с немалыми трудностями: и это понятно, если учесть, что содержание сборника составляют статьи об Аристотеле и Леонардо да Винчи, о Ньюtone и Паскале, о Лейбнице и Лессинге, о Лобачевском и Некрасове, о М. Метерлинке и М. Горьком. Пришлось привлечь в качестве комментаторов группу специалистов различных областей науки.

Труды Филиппова, вновь возрожденные к жизни в наше время, встретили многочисленные положительные отклики на страницах советской печати. Они прошли испытание временем.

¹⁸ Академик А. И. О п а р и н. Ученый. Писатель. Редактор. — «Литературная газета», № 17 (4809), июнь 1964 г.

¹⁹ «Вестник Академии наук СССР», 1958, № 12, стр. 105—106.

²⁰ См. Ч. Д а р в и н. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». Редакция перевода, вступительная статья и комментарии С. Л. Соболя. М., 1941, стр. IV.

Глубоко верю в то, что читатель поймет, какое чувство удовлетворения испытывает в связи с этим автор настоящей книги. И все же я не считаю свою задачу исчерпанной до конца. Усилия, предпринимаемые мной в этом направлении, продиктованы чувством не только сыновнего, но и общественного долга. Литературное наследие М. М. Филиппова и деятельность журнала «Научное обозрение» несомненно требуют дальнейшего изучения, с тем чтобы использовать наиболее ценное в интересах современного читателя.

В 1968 г. В. И. Новиков опубликовал интересное исследование, свидетельствующее о том, что, помимо известных статей Ленина, напечатанных в «Научном обозрении» под псевдонимом «В. Ильин» и «Владимир Ильин» и вошедших в Собрание сочинений, им направлялись в редакцию указанного журнала также и рецензии.

В. И. Новиков обнаружил архивные материалы, подтверждающие, что Лениным была написана рецензия на книгу К. Р. Качоровского «Русская община», но в ночь на 30 января 1901 г., при обыске у редактора «Научного обозрения», изъята полицией и значится в описи рукописей и документов, отобранных у М. М. Филиппова²¹.

Старейший советский писатель и ученый, лауреат Ленинской премии К. И. Чуковский писал мне в связи с первым изданием «Тернистого пути русского ученого»:

«В 1899 г. мне было 17 лет, и так как я, подобно многим тогдашним подросткам, признавал единственный путь к науке — самообразование, Вы можете представить себе, как жадно мы читали «Научное обозрение» и каким мудрым учителем был для нас всезнающий редактор журнала, такой же самоучка, как и мы.»

Вот почему мне хотелось бы закончить свое «последствие» словами Пушкина:

«Я дорожу именем своих предков, ибо это единственное наследие, которое они мне оставили».

²¹ В. И. Новиков.—В. И. Ленин и псковские искровцы. Л., Лениздат, 1958, стр. 49—50.

Краткий перечень основных работ
М. М. Филиппова
(1881—1903)

1881

1. Борьба за существование и кооперация в органическом мире. «Мысль», № 3, март, стр. 350—364.
2. Курс математики по Серэ, Фидлеру, Сальмону, Шлемильху, Дорежу, А. Мейеру, т. I, вып. 1, 2 и 3. Под ред. М. М. Филиппова. Одесса.

1882

3. Русско-еврейский вопрос. Одесса, тип. «Труд» В. Семенова, 160 стр.
4. Еврейский вопрос (3-я часть соч. Филиппова: «Русско-еврейский вопрос» (гл. «Евреи в России»). Попытки разрешения еврейского вопроса в России (Подписано: Филиппов, М. М., 2-й). «Век», кн. 7, отд. V, внутреннее обозрение, стр. 1—39.
5. Чарльтон Б а с т и а н и. Человеческий мозг. Перев. с франц., изд. и прим. М. М. Филиппова. «Век», кн. 9, отд. III, научный, стр. 105—122.

1883

6. Поземельный кредит. «Век», кн. 1, отд. V, внутреннее обозрение, стр. 1—25.
7. Социологические идеи Огюста Конта. (Очерк из предполагаемого автором социологического труда). «Век», кн. 1, отд. VIII, библиографический, стр. 1—12; кн. 2, отд. VIII, библиографический, стр. 58—61; кн. 4, отд. VIII, библиографический, стр. 87—94.
8. Смерть Тургенева (статья-заметка). «Век», кн. 6, отд. II, исторический, стр. 286—288.
9. И. С. Тургенев. (Некролог). «Век», июль-август, отд. II, словесность, стр. 5—11.
10. Прометей. (Рассказ из древнегреческой жизни). «Век», июль-август, отд. I, словесность, стр. 74—82.
11. По поводу писем Гоголя. (Письма архиепископу Иннокентию и в «Выбранных местах из переписки»). «Век», кн. 1, отд. II, исторический, стр. 1—17.
12. Несколько слов о народничестве. «Век», кн. 1, отд. V, внутреннее обозрение, стр. 1—12.
13. Солнце. (Популярная беседа). «Колосья», кн. 1, январь, стр. 248—258.
14. Человеческие расы. (Антропологическая статья). «Русское богатство», № 5—6, май-июнь, научный и критический отд., стр. 405—444.

178

15. Финансовые надежды. (По поводу государственной росписи за 1885 г.) «Русское богатство», № 1, январь, по внутренним вопросам, стр. 163—174. (Подписано: М. М. Ф.).
16. Социальный вопрос (по Генри Джорджу). «Русское богатство», № 5—6, май-июнь, научно-философский отд., стр. 316—365.
17. Poleмика между Гербертом Спенсером и Лавелэ. (Заметка о полемике Спенсера и Лавелэ о законе борьбы за существование в социологии). «Русское богатство», № 5—6, май-июнь, научные новости, научные рефераты, стр. 537—538. (Подписано: М.М.Ф.)
18. Еще о прививании холеры. Окраска животных. Как измерить скуку. Арабские воздухоплаватели. Обнажение континентов. Цветная фотография. Гнезда Саланган. Археологические фальсификации. Успехи телефонии. Последнее сообщение д-ра Феррана. Исследование головы гильотинированного. «Русское богатство», № 7, июль, научные новости, научные рефераты, стр. 154—163. (В оглавлении подписано: М. М. Ф.).
19. «Nouvelle Revue» (1 августа). О гипнотизме Поля Рише. Разбор «Войны и мира» Толстого. Фр. Сарсэ. (Заметка). «Русское богатство», № 8, август, обозрение иностранных журналов, стр. 187—191. (В оглавлении подписано: М. Ф.).
20. «Русская мысль», август («Дохнуть некогда» Г. Успенского, «Елец» В. И. Немировича-Данченко, «О происхождении крепостного права в России» В. Ключевского). «Вестник Европы», сентябрь («О волостных писарях» Н. А.-реева, Философия Донского» Н. Стороженко, «Пессимизм прогресса» А. Красносельского). (Заметка). «Русское богатство», № 9, сентябрь, журналистика русская, стр. 179—184. (В оглавлении подписано: М. Ф.).
21. Посмертный труд Карла Маркса (о втором томе «Капитала»). «Русское богатство», № 10, октябрь, стр. 179—188; № 11, ноябрь, стр. 183—190; № 12, декабрь, стр. 187—198.

1886

22. Упрощение основных алгебраических действий. Изд. 2. СПб. 1887.
23. Народник-идеалист (критический этюд о соч. Златовратского). «Дело», № 6, октябрь, стр. 72—101.
24. Результаты пастеровской прививки. (В оглавлении: Метод Пастера). (Заметка). «Русское богатство», № 12, декабрь, научные рефераты, стр. 215—220. (Подписано: М. Ф.).

1887

25. Литературная деятельность г. Михайловского (критический этюд). «Русское богатство», № 2, стр. 133—173)
26. Остат. Историческая повесть. Из времени Хмельницкого. СПб., изд. М. М. Филиппова, 1886 (на обложке 1887), IV + 188 стр. изд. 2. СПб., Изд. Пороховщикова, 1898.

27. Что делается за границей. «Русское богатство», № 2, стр. 123—135.
28. Дневник императора (Фридриха III Германского). «Русское богатство», № 10 (Что делается за границей), стр. 153—158. (Подписано: М. Ф.).
29. Итоги нынешнего года. «Русское богатство», № 12 (что делается за границей), стр. 189—200. (Подписано: М. Ф.).
30. Осажденный Севастополь. Исторический роман, т. 1. СПб., изд. В. В. Комарова, 226 стр.

31. Славянская взаимность в настоящем и будущем. «Славянские известия», № 1 и 2, стр. 5—7.
32. Русские (о Щедрина). «Славянские известия», № 19, стр. 473—475.
33. Прусская идея. «Русское богатство», № 5—6, май-июнь (что делается за границей) стр. 341—352.
34. Чешский народный театр (у западных славян), «Славянские известия», № 27, стр. 648—660.
35. Лейб-философ князя Бисмарка (по поводу книги Эдуарда фон Гартмана). «Исторический вестник», т. XXXVI, кн. V, стр. 384—398.
36. Осажденный Севастополь, т. 2. СПб., изд. В. В. Комарова, стр. 263.

- 36а. Дворянская честь. Быль прошлого столетия (проза). «Исторический вестник», т. XII, октябрь, стр. 5—44; ноябрь, стр. 343—391; декабрь, стр. 632—670.
37. Листочки до вінка на могилу Шевченка. Львів, 1890. (Рецензия). «Исторический вестник», т. XVII, декабрь, 822—824. (Подписано: М. Ф.).
38. Хорваты и борьба с Австрией. С введением и эпилогом М. Д. Билайградского. Пг., изд. «Русско-славянского книжного склада», т. VIII, 168 стр.

39. Лессинг, его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. СПб., изд. Ф. Павленкова, 96 стр.
40. Паскаль, его жизнь и научно-философская деятельность. Биографический очерк. Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. СПб., изд. Ф. Павленкова, 78 стр.
41. Ян Гус. Его жизнь и реформаторская деятельность. Библиографический очерк. СПб., изд. Ф. Павленкова, 78 стр.

42. Леонардо да Винчи как художник, ученый и философ. Биографический очерк. СПб., изд. Ф. Павленкова, 88 стр.
43. Ньютон, его жизнь и научная деятельность. Биографический очерк. СПб., изд. Ф. Павленкова, 80 стр.
44. Sur les invariations des équations différentes lineaires. СПб., изд. М. М. Филиппова.
45. В дебрях метафизики. (А. И. Введенский. Взгляды его в области психологии). «Русское богатство», № 5, стр. 1—16.
46. Ребяческий идеализм. (А. Л. Волянский). «Русское богатство», 1893, № 9, стр. 60—78.
47. Философия мнимых и мнимая философия (по поводу столетия со дня рождения Н. И. Лобачевского). «Русское богатство», № 10, стр. 41—54.
48. Спенсер против дарвинизма. «Новости», № 256.
49. Лейбниц, его жизнь и деятельность, общественная, научная и философская. Биографический очерк. СПб., изд. Ф. Павленкова, 96 стр.
50. Иммануил Кант, его жизнь и философская деятельность. Биографический очерк. СПб., изд. Ф. Павленкова, 84 стр.

51. Судьбы русской философии. «Русское богатство», № 1, 3, 4, 8, 9, 11.
52. Гальванизм и гегелизм (из истории заблуждений). «Научное обозрение», № 3, стр. 78—86.
53. Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания. Н. Н. Ланге. Одесса, 1893; «Научное обозрение», № 4, стр. 115—121.
54. Пространство Лобачевского и многомерное пространство. «Научное обозрение», № 15, стр. 450—459; № 19, стр. 577—583; № 22, стр. 679—697; № 24, стр. 749—755, стр. 669—776; № 27, стр. 833—841; № 28, стр. 865—872.
55. По поводу теории Вейсмана (о статье В. Шимкевича «Спенсер и Вейсман о вопросах наследственности»). «Научное обозрение», 1894, № 15 (приложение, № 15).
56. Доказательство теоремы о символической подстановке. «Научное обозрение», № 16, стр. 507—509.
57. Еще о Вейсмানে. (О статьях В. Шимкевича. «Спенсер и Вейсман о вопросах наследственности» и «К вопросу о пассивных структурах»). «Научное обозрение», № 18, стр. 655—662.
58. Задача № 48. (Математическая задача). «Научное обозрение», № 19, стр. 606.
59. Решение задачи М. Филиппова. (См. задачу № 48 в № 29 «Научного обозрения»). «Научное обозрение», № 34, стр. 1086—1088. (Не подписано).
60. Дарвинизм на русской почве. (К. Тимирязев. Ч. Дарвин и его учение). М., 1894; он же. Исторический метод в биологии. «Русская мысль», 1894; «Научное обозрение», 1894, № 32, стр. 993—1005; № 33, стр. 1089—1105.

61. Критические опыты Н. К. Михайловского. Иван Грозный в русской литературе. Герой безвременья. (Рецензия). «Научное обозрение», № 44, стр. 1403. (Подписано: М. Ф.).
62. О квадратуре круга. «Научное обозрение», № 49, стр. 1537—1547.
63. П. Л. Чебышев (некролог). «Научное обозрение», № 49, стр. 1560.
64. Вера Шиффр. Методы решения вопросов элементарной геометрии. (Рецензия). «Научное обозрение», № 49, стр. 1563. (Подписано: М. Ф.)
65. М. Д. Скобелев. Его жизнь и деятельность военная, административная и общественная. Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. СПб., изд. Ф. Павленкова, 96 стр.
66. Упрощение основных алгебраических действий. Изд. 2. СПб., изд. М. М. Филиппова.

1895

67. Наука и философия. «Научное обозрение», № 1, стр. 1—11.
68. Пространство и время по теории Б. Чичерина. («Вопросы философии», 1894 г., кн. 1, январь. «Научное обозрение», № 6, стр. 161—176.
69. Письмо о трансформизме. «Научное обозрение», № 8, стр. 231—243; № 9, стр. 264—271; № 12, стр. 359—367; № 19, стр. 577—586; № 23, стр. 715—726.
70. Третий том «Капитала». (Рецензия). «Научное обозрение», № 14, стр. 442—444. (Подписано: М. Ф.).
71. «Устрашаительная» окраска. (Мимикрия). «Научное обозрение», № 16, стр. 491—499.
72. Работа и питание мускулов. (Полемика с проф. А. Хорватом; критика им учения Маркса). «Научное обозрение», № 26, стр. 808—819; № 27, стр. 841—853; № 28, стр. 875—888.
73. Вопросы общей биологии. «Научное обозрение», № 37, стр. 1170—1179; № 38, стр. 1190—1195; № 39, стр. 1233—1241; № 40, стр. 1264—1273, № 42, стр. 1327—1333, № 43, стр. 1353—1361; № 46, стр. 1447—1449; № 47, стр. 1481—1487.
74. О новых мыслях Вейсмана. «Научное обозрение», № 49, стр. 1545—1549; № 50, стр. 1586—1590; № 51, стр. 1620—1624; № 52, стр. 1647—1653.

1896

75. Об энергетике. (Речь В. Оствальда «Преодоление научного материализма» и энергетическое мировоззрение). «Научное обозрение», № 10, стр. 300—309; № 11, стр. 330—336; № 12, стр. 365—372; № 13, стр. 389—396. (В оглавлении подписано: М. Ф.).
76. О природе рентгеновых лучей. «Научное обозрение», № 11, стр. 322—323. (Подписано: Ред.).
77. Элементарная теория вероятностей. «Научное обозрение», № 20, стр. 614—620; № 21, стр. 649—652; № 22, стр. 687—694; № 23, стр. 716—719; № 24, стр. 748—754; № 25, стр. 778—788; № 26, стр. 807—815; № 27, стр. 837—842; № 28, стр. 879—882; № 29 стр. 905—912; № 30, стр. 998—948

78. Наследственность по Вирхову. «Научное обозрение», № 36 (обзор общих и специальных журналов), стр. 1137—1141; № 37 (обзор общих и специальных изданий), стр. 1168—1772. (Подписано: Ред.).
79. Философские убеждения В. Г. Белинского. «Научное обозрение», № 5, стр. 16—25; № 6, стр. 52—111; № 8, стр. 70—103; № 9, стр. 67—103.
80. Виктор Мейер (некролог). «Научное обозрение», № 8, стр. 147—148. (Не подписан).
81. Механизм и организм. «Научное обозрение», № 10, стр. 1—33.
82. Решение философского вопроса о достоверности существования в нас души и тела. Самостоятельное философское исследование Свечникова, 1897. (Рецензия). «Научное обозрение», № 10 (библиография), стр. 124—125.
83. Натурализм в истории. (Кн. Г. Риккерта «Границы естествонаучного образования понятий»). «Научное обозрение», № 11, стр. 123—145; № 12, стр. 131—165. (Подписано: М. Ф.).
84. Субъективизм и народничество. (Субъективная школа Михайловского в социологии. Община. «Деревенские будни» Н. Златовратского). «Научное обозрение», № 12, стр. 112—130.
85. Философия действительности. История и критический анализ научных мирозерцаний от древности до наших дней, т. I и II. СПб., изд. М. М. Филиппова, 1895—1897.
86. Опыт программы по самообразованию. «Научное обозрение», № 44, стр. 1326—1329; № 45, стр. 1354—1358; № 46, стр. 1377—1381; № 48, стр. 1436—1437.
87. Женское научное образование. «Научное обозрение», № 46 стр. 1372—1376; № 49, стр. 1453—1457. (Подписано: Ред.)
88. В. Бехтерев. О локализации сознательной деятельности у животных и человека. «Научное обозрение», № 50 (критика) стр. 1479—1484.
89. Элементарная теория вероятностей. (Для лиц незнакомого с началами высшей математики). СПб., 1896, изд. М. М. Филиппова. 126 стр.

1897

90. Социологическое учение Карла Маркса. «Научное обозрение», № 1, стр. 64—80; № 2, стр. 40—67; № 3, стр. 72—100; № 4, стр. 16—35.
91. Н. Минский. При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни. Изд. 2 (288 стр.) СПб. (рецензия). «Научное обозрение», № 1 (критика и библиография), стр. 121—134. (Подписано: Ред.).
92. Философские убеждения В. Г. Белинского. «Научное обозрение», № 5, стр. 16—25; № 6, стр. 52—111; № 8, стр. 70—103; № 9, стр. 67—103.

1898

93. Прудон как идеолог мелкой буржуазии. «Научное обозрение», № 1, стр. 96, № 2, стр. 315.
94. Конт и его учение. «Научное обозрение», № 3, стр. 552.
95. Судьбы русской философии. I. Метафизическая реакция восьмидесятых годов. II. Влад. Соловьев против эмпириков и рационалистов. III. Этика В. Соловьева в его позднейших тру-

- дах. Стыдливость. Возможна ли рациональная теософия. Вопрос уголовный, экономический и международный. Общие заключения об этике В. Соловьева. «Научное обозрение», № 8, стр. 1351—1368; № 9, стр. 1548—1570; № 10, стр. 1793—1812.
96. Красота и правда в искусстве (о книге Л. Толстого «Об искусстве»). «Научное обозрение», № 11, стр. 2006—2027.
97. Пессимизм. (Развитие пессимистических учений, Сенека, блаженный Августин, Эмпедокл, Гегезий, Леопарди, Шопенгауэр, «Гамлет Шекспира»). «Научное обозрение», № 12, стр. 2069—2092.
98. Исторические повести. 1. Дворянская честь. 2. Прометей. СПб. изд. П. Пороховщикова, 240 стр.
99. Конт и его метод. Филиппова Л. И. Огюст Конт и Клотильда де Во. СПб., изд. М. М. Филиппова, 53 стр.
100. Остап. Историческая повесть. изд. 2. Л. Филипповой, 240 стр.
- 1899
101. Психология Авенариуса по неизданным материалам. (Психологическое учение Р. Авенариуса). «Научное обозрение», № 2, стр. 400—423; № 3, стр. 599—619.
102. Оригинальное примирение двух теорий. (О народниках и марксистах). «Научное обозрение», № 3, стр. 704—705.
103. Необходимость и свобода. (Учение о необходимости и свободе Канта, Шопенгауэра, русской субъективной школы и Н. К. Михайловского). «Научное обозрение», № 4, стр. 800—816; № 5, стр. 1014—1032.
104. Современные русские экономисты. (Наследие буржуазной политической экономии. Зибер как критик Рикардо. Зибер — популяризатор Маркса. Критика диалектического метода Маркса И. Кауфманом и критика Маркса Жуковским. Выступление Н. К. Михайловского против Ю. Жуковского. Псевдомарксизм Николая-она. Условия русского капитализма; крестьянское хозяйство, хлебный экспорт и железные дороги, учение народников (В. В.) Об экономической эволюции в России. Промышленность. Внешний и внутренний рынки). «Научное обозрение», № 7, стр. 1345—1372; № 8, стр. 1540—1563; № 9, стр. 1667—1786; № 10, стр. 1912—1924; № 11, стр. 2085—2105; № 12, стр. 2258—2276.
105. Бем-Баверк и его русский последователь. (Теория стоимости Маркса и Бем-Баверка; критика Маркса П. Неждановым). «Научное обозрение», № 8 (очерки текущей литературы), стр. 1585—1597. (Подписано: М. Ф.).
106. Новый талант г. Михайловского (по поводу его «Карьеры Оладушкина»). «Научное обозрение», № 11 (заметки о текущей литературе), стр. 2159—2165.
107. Математические упражнения г. Нежданова. (Статья П. Нежданова «Трудовая теория ценности и закон равной нормы прибыли»). «Научное обозрение», № 11 (заметки о текущей литературе), стр. 2166—2169.

108. Критика новейших экономических учений. (Теория стоимости. Критика Бернштейном Маркса). «Научное обозрение», № 1, стр. 91—108; № 1, стр. 312—327.
109. Новейшие русские экономисты. М. И. Чупров. «Научное обозрение», № 3, стр. 529—564.
110. Теория критически мыслящей личности (П. Л. Лавров и его социологическая теория). «Научное обозрение», № 4, стр. 755—775.
111. Мнимая антиномия (статья против Струве). «Научное обозрение», № 5, стр. 903—913.
112. Лев Толстой и его «Воскресение». «Научное обозрение», № 6, стр. 1120—1134; № 7, стр. 1292—1310.
113. Итоги полемики о ценности (Е. Дюринг, Маркс, Струве, Туган-Барановский, Бем-Баверк). «Научное обозрение», № 9, стр. 1553—1569, 1793—1809.
114. Деятнадцатый век. Обзор науки, техники и политических событий под общ. ред. М. М. Филиппова. СПб., изд. П. П. Сойкина. (По-видимому, М. М. Филиппову принадлежит большая часть обзора).

115. Письма о современной литературе. Современная «смута» в изображении Н. К. Михайловского и в действительности. Новые споры о старых вопросах. О «детях» и «внуках». Книга Н. Бердяева о Михайловском и предисловие к ней П. Б. Струве. — Метафизический идеализм или критический реализм? (Книга Михайловского «Литературные воспоминания и современная смута». Книга Н. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии»). «Научное обозрение», № 1, стр. 65—87.
116. Письма о современной литературе. О Максиме Горьком. («Варенька Олесова», «Фома Гордеев», «Бывшие люди», «Супруги Орловы» и др.). «Научное обозрение», № 2, стр. 104—127.
117. Письма о современной литературе. Великий декадент Ницше и его письма. О «сверхчеловеке». «Научное обозрение», № 3, стр. 206—226.
118. Письма о современной литературе. Драмы и повести Гауптмана. «Научное обозрение», № 4, стр. 175—194.
119. «Русское богатство», № 2. Полемические красоты г. Михайловского. (Ответ на статью Н. Михайловского о Филиппове в «Русском богатстве», 1900, № 1. Столкновение нравственного чувства с необходимостью). «Научное обозрение», № 4 (обзор журналов), стр. 213—217. (Подписано: М. Ф.).
120. Письма о современной литературе. Еще о Гауптмане. Перед восходом солнца. Одинокие. Ткачи. Новеллы. «Научное обозрение», № 5, стр. 106—129.
121. Реформа гимназий и университетов. (Кризис классической системы. История реформ гр. Д. А. Толстого и классицизм. Реальные училища. Н. А. Любимов о средней школе. Женские школы. Общественная сторона образования. Университетские уставы, 1863 и 1884 гг.). «Научное обозрение», № 5, стр. 140—151; № 6, стр. 151—181; № 7, стр. 159—176; № 8, стр. 178—204; № 9, стр. 171—192.

122. Письма о современной литературе. I. Два новых промаха г. Михайловского. II. По поводу одного письма и одной книги о Горьком. (Статья Н. Михайловского в «Русском богатстве», 1901, № 4, о Филиппове). Критика М. Горького Скабичевским, Минским, Поссе, Михайловским, Игнатьевым, Богдановичем, Меньшиковым). «Научное обозрение», № 6, стр. 115—133.
123. Письма о современной литературе. О Зудермане. «Научное обозрение», № 11, стр. 198—211.
124. Письма о современной литературе. О Зудермане и немецком натурализме. «Научное обозрение», № 12, стр. 239—264.
125. Энциклопедический словарь. Составлен под редакцией доктора философии М. М. Филиппова, редактора журнала «Научное обозрение», т. I, II, III. СПб., изд. П. П. Сойкина, XVI стр. + 4208 столб. Бесплатное приложение к журналу «Природа и люди» за 1901 г. (М. М. Филиппову принадлежат многие статьи словаря).

1902

126. Индивидуализм в новейшей французской литературе. (Ж. Пелисье. Развитие литературы Франции в XIX в. Натурализм Золя, Мопассан. Реакция против натурализма. А. Додэ. П. Бурже. Декаденты и символисты. «Парнасцы»: Эредиа, Сюлли Прюдом и А. де Ренье, Малармэ, Верлен, Гюисманс, Метерлинк. Культ силы. М. Барресс. Философия активности Гюйо). «Научное обозрение», № 1, стр. 115—132; № 2, стр. 198—214.
127. Ибсен и новейшая драма. «Научное обозрение», № 3, стр. 211—227; № 4, стр. 220—249; № 5, стр. 161—191; № 6, стр. 183—206; № 7, стр. 180—204; № 8, стр. 181—214.
128. Заметка о Николае-оне и его защите трудовой теории стоимости. (Статья Н-она. Теория трудовой стоимости и некоторые из ее критиков). «Научное обозрение», № 5, стр. 210—217.
129. Психология человека. СПб., изд. «Семейный университет» Ф. С. Комарского, стр. 122.

1903

130. Некрасов. «Научное обозрение», № 1, стр. 239—263; № 2, стр. 180—202.
131. Новый идеализм. «Научное обозрение», № 3, стр. 1—28; № 4, стр. 1—36.
132. Философские письма. I. Творчество личности. «Научное обозрение», № 5, стр. 200—239.
133. Собрание сочинений М. М. Филиппова, т. I, вып. 1—4. История философии с древнейших времен. СПб., изд. Л. И. Филипповой, стр. 1—275.
134. Логика. СПб., изд. «Семейный университет» Ф. С. Комаровского, стр. 75.

1904

135. Судьбы русской философии. СПб., изд. Н. Глаголева, стр. 336 (посмертное издание); изд. 2. СПб., изд. К. Губинского, 1910.

**Работы М. М. Филиппова,
опубликованные в советский период**

1954

136. «Осажденный Севастополь» (отрывок из романа). «Вечерняя Москва», № 245 (4376).

1963

137. Этюды прошлого. Избранные очерки, научные работы, художественная проза. Литературно-критические статьи. М., Изд-во Академии наук СССР.

1965

138. Мысли о русской литературе. Сборник избранных литературно-критических работ. М., изд-во «Наука».
139. Дьявол в конце XIX века. Памфлет. (О Вл. Соловьеве). «Наука и жизнь», № 7, стр. 117—119.

1969

140. Осажденный Севастополь. Главы из романа. «Наука и жизнь», № 3, стр. 130—137.

**Книги, статьи, рецензии,
научные исследования,
художественные произведения,
ссылки и упоминания в научных работах
о М. М. Филиппове
(советский период)**

1924

Б. М. Филиппов. Памяти М. М. Филиппова. «Красная летопись», Л., № 1.

1928

С. О. Грузенберг. Философ-марксист конца XIX столетия. «Вестник знания», № 15.

1929

П. П. Шмидт, проф. Русский философ и энциклопедист. «Человек и природа», № 1.

1930

М. Горький. Беседы о ремесле. Собр. соч., т. 25. М., 1953, стр. 312 (Об изобретении Филиппова).

1940

Б. Воробьев. Циолковский. М., стр. 114.

1952

М. С. Арлазоров. Константин Эдуардович Циолковский. Его жизнь и деятельность. М., Изд-во техн.-теор. лит., стр. 75—76, (О связях М. Филиппова с К. Циолковским).

1955

А. Юнович. А. М. Горький — пропагандист науки. М., изд-во «Советский писатель», стр. 153. (М. Горький о Филиппове).

1958

Б. Кузнецов, проф. Памяти русского ученого. (К 100-летию со дня рождения М. М. Филиппова). «Вечерняя Москва», 12 августа.

Вл. Львов. «Энтузиаст науки» (К 100-летию со дня рождения М. М. Филиппова). «Ленинградская правда», 13 августа.

Г. А. Менделевич. «Добрая память». (К 100-летию со дня рождения М. М. Филиппова). «Огонек», № 58.

А. Н. О п а р и н, акад. Ученый-энциклопедист. К 100-летию со дня рождения М. М. Филиппова. «Советская Россия», № 161(162) Ник. С м и р н о в-С о к о л ь с к и й. «Люстра, зажженная на расстоянии». «Известия», № 180 (12796), 29 августа.
«100 лет со дня рождения М. М. Филиппова». «Вестник Академии наук СССР», № 12.
Н. И. Ф и л и п п о в а. К истории журнала «Научное обозрение». «Исторический архив», № 6. (Архивные документы, письма).
Б. М. Ф и л и п п о в. Русский ученый-материалист. «Природа», № 9. (К 100-летию со дня рождения М. М. Филиппова).

1959

В. Ж д а н о в. Надо уважать факты. «Вопросы литературы», № 9.

1960

Б. М. Ф и л и п п о в. Тернистый путь русского ученого. (Жизнь и деятельность М. М. Филиппова). Предисловие и ред. акад. С. Г. Струмилина. М., Изд-во АН СССР.

1961

В. Б о я р с к и й. Б. М. Ф и л и п п о в. Тернистый путь русского ученого. «В мире книг», № 3. (Рецензия).

А. И о р д а н с к и й. Ученый и борец. «Наука и жизнь», № 3. (Рецензия).

К. А. К а п у с т и н с к а я. Химия в журнале «Научное обозрение». Труды ин-та истории естествознания и техники, т. 35.

Б. К у з н е ц о в, проф. Жизнь ученого. «Вечерняя Москва», № 86, 11 апреля.

Г. М е н д е л е в и ч. Жизнь, отданная науке. «Знание — сила», № 5. (Рецензия).

А. М. О п а р и н, акад. Жизнь, отданная борьбе за науку. «Литература и жизнь», № 35, 22 марта. (Рецензия).

М. П о л я н о в с к и й. Книга о подвиге ученого. «Вечерний Ленинград», № 157, 5 июля. (Рецензия).

С. Н. С м у г л ы й. Геронческая жизнь. «Природа», № 5.

1962

М. С. А р л а з о р о в. Циолковский. «Жизнь замечательных людей». М., изд-во «Молодая гвардия». (Глава о взаимоотношениях Циолковского и Филиппова).

Владимир Л ь в о в. Час космоса. М., изд-во «Молодая гвардия». (Глава «Михаил Михайлович Филиппов»).

В. С а р о б е й. «Наш видатний земляк». «Вечірній Київ», № 219 (5245), 18 вересня.

- С. Белов. Находка в пенсионном деле. «Вечерний Ленинград», № 158 (5395), 6 июля.
- А. А. Гинденблат, И. Ф. Заянчковский. Академик К. И. Скрябин и советская гельминтология. М., Изд-во сельскохозяйственной литературы, стр. 10.
- Владимир Львов. Страницы жизни Циолковского. Л., Лениздат, (Глава «Михаил Михайлович Филиппов»).
- Владимир Львов. Дом на улице Жуковского. (Очерк об М. М. Филиппове). Нева, № 9.

1964

- В. Боярский. «Этюды прошлого». «В мире книг», № 10. (Рецензия.)
- А. И. Опарин, акад. Ученый. Писатель. Редактор. «Литературная газета», 6 июня. (Рецензия.)
- М. Синюков. Книгу нужно переиздать. (О необходимости переиздания исторического романа М. Филиппова «Осажденный Севастополь». «Советский Крым», № 175 (308), 4 сентября.)
- А. Турков. М. М. Филиппов. Этюды прошлого. Избранные очерки, научные работы, художественная проза, литературно-критические статьи. М., Изд-во АН СССР, 1963. «Новый мир», № 4.
- Ю. П. Фролов. Ученый-литератор. (Об М. М. Филиппове). «Огонек», № 28. (Рецензия.)

1965

- П. Даниюшин. Ученый-энциклопедист М. М. Филиппов. «Наука и жизнь», № 7.
- П. Д. Даниюшин. Социологические воззрения М. М. Филиппова. (1858—1903). Автореф. канд. дисс.
- П. Д. Даниюшин. Философ-материалист. «Вестник Московского университета». Серия VIII. (Экономика, философия). М., Изд-во МГУ.
- А. Иволгин. Открытие, быть может, неизвестное. «Московский комсомолец», 17 октября; «Техника молодежи», № 11.
- П. Короп. Что же открыл доктор М. Филиппов? «Московский комсомолец», 17 октября, № 221. «Техника — молодежи», № 11.

1966

- Анатолийев. Тайна одного дома. (Об изобретении М. Филиппова). «Строительный рабочий», 22 октября.
- О. Евгеньев. Мысли о русской литературе. «Вопросы литературы», № 6.
- В. Жданов. Возвращение к читателю. (О книге М. М. Филиппова. «Мысли о русской литературе»). «Литературная газета», № 55, 12 мая. (Рецензия.)
- А. Иванов. Литератор и ученый. (О книге М. М. Филиппова «Мысли о русской литературе»). «Нева», № 7. (Рецензия.)
- Л. Мартынов. Петербургская баллада. (Стихи о Филиппове). «Голос природы». М., изд-во «Советский писатель».

Евгений Осетров. В курганах книг... Заметки библиофила. (О книге М. М. Филиппова «Мысли о русской литературе»). «Литературная Россия», № 20, 13 мая.

А. Ф. Сметанников. К вопросу об экономических воззрениях М. М. Филиппова. Общественные науки, вып. X. Алма-Ата, Мин-во высш. и средн. спец. образования Казахск. ССР.

Л. Ф. Филиппов. «Лесгафтыя» в Териоках. (Воспоминания о М. М. Филиппове и П. Ф. Лесгафте). «Физическая культура в школе», № 8.

1967

Н. Г. Малыхин. Издательская деятельность П. П. Сойкина (из истории издания просветительской и марксистской литературы). «Исследования и материалы», сб. XIV. М., изд-во «Книга».

А. Ф. Сметанников. К вопросу об экономических воззрениях М. М. Филиппова. Мин-во высш. и средн. спец. образования Казахской ССР, Сборник аспирантов и соискателей. Общественные науки, вып. X. Алма-Ата, март. А. Ф. Сметанников. Прогрессивный ученый М. М. Филиппов — критик либерального народничества. Мин-во высш. и средн. спец. образования Казахской ССР. Сборник аспирантов и соискателей. Общественные науки, вып. IX. Алма-Ата, февраль.

А. Ф. Сметанников. Экономические взгляды М. М. Филиппова. (1858—1903). Автореф. канд. дисс.

А. Ф. Сметанников. М. М. Филиппов о некоторых вопросах марксистской политической экономики. «Известия АН Казахской ССР». Серия общественная, № 1, январь.

М. Шехтер. Нашадки Богдана Хмельницкого. (Статья о М. М. Филиппове). «Молодь України», 12.V, № 94.

А. Ф. Сметанников. К вопросу об экономических воззрениях М. М. Филиппова. Общественные науки, вып. X. Алма-Ата, Мин-во высш. и средн. спец. образования Казахской ССР.

Евгений Осетров. В курганах книг... Заметки библиофила. (О книге М. М. Филиппова «Мысли о русской литературе»). «Литературная Россия», № 20, 13 мая.

А. Сухобокова. С трибуны мыслителя. Рецензия на книгу Филиппова «Мысли о русской литературе». «В мире книг», № 12.

Л. Филиппов. Журнал, в котором сотрудничал Ильич. (Из глубины воспоминаний). «Звезда», № 9.

1968

И. Ржавин. Тайна великого открытия. (Об открытии М. М. Филиппова). «Заря молодежи», № 41 (4435), 6 апреля.

Б. Филиппов. Встреча в Хамовниках. (О встрече М. Филиппова с Л. Толстым). «Литературная газета», № 31 (4161), 31 июля.

В. И. Новиков. Ленин и псковские искровцы. Л., Лениздат, 1958, стр. 48—50.

1969

Б. Филиппов. Первый роман о Крымской войне. «Наука и жизнь», № 3, стр. 130—131.

Б. Филиппов. История одного совпадения. «Огонек», № 8 (2173), стр. 10—11.

Указатель имен

- Акерман * 144, 146
Аксаков И. С. 37
Аксаков К. С. 37
Аксельрод Л. И. 100
Аксельрод П. Б. 107, 110
Акций Невий 36
Александр I 19
Александр II 21, 24, 26, 123, 124
Александр III 29
Альберт Великий 50
Анаксагор 50
Анри В. А. 105
Аптекман О. В. 126
Аракчеев А. А. 19
Аристотель 50, 76
Арлазоров М. С. 150
- Байрон Джордж 149
Баскаков В. Г. 167, 168
Бастиа Фредерик 132
Барри-Корнулл (псевдоним
Проекера) 27
Бахметьев П. И. 148
Бекетов Н. Н. 148
Белинский В. Г. 54, 60, 63, 157,
167
Белов С. 122
Бельтов Н. (псевдоним Г. В. Пле-
ханова) 55
Бердяев Н. А. 3, 55, 83
Бернштейн Эдуард 173
- Бертело Пьер Эжен Марселен
31, 48, 159, 160
Бертран Жозеф 36
Бетховен Людвиг ван 9, 62
Бехтерев В. М. 86, 142, 148,
151
Бисмарк Отто 34
Битнер В. В. 145, 146
Благой Д. Д. 66, 168, 170
Богданов А. А. (псевдоним Ма-
линовского) 105
Бокль Генри Томас 22, 159
Бохановский И. В. 126
Боцу В. М. 35
Брож Карел 66
Булгаков С. Н. 3, 83, 94, 96, 97,
98, 144, 145, 146
Буланже Н. А. 138
Бьюнетьер Фердинанд 65
Бэксн Роджер 50
- Вавилов С. И. 165, 166, 167
Вагнер В. А. 149
Вагнер Н. П. 27
Ванновский В. П. 112
Васильковская А. Л. 19, 20
Васильковский Л. С. 17, 18, 19
Введенский Н. Е. 149
Веланский Д. М. 54
Вересаев В. (псевдоним В. В.
Смидовича) 57, 152

- Винчи Леонардо да 45, 176
 Винярский Л. Э. 105
 Войейков А. И. 149
 Володин А. И. 120
 Вольтер (псевдоним Аруэ, Франсуа Мари) 20
 Вольтинский А. (псевдоним Акима Флексера) 168
 Воробьев Б. Н. 150
 Воронцов В. П. («В. В») 57
 Галич А. И. 54
 Гарибальди Джузеппе 45
 Гарин-Михайловский Н. Г. 88, 111
 Гаршин В. М. 88
 Гауптман Гергардт 63, 153
 Гегель Георг Вильгельм 77, 78, 135
 Гельфман Геся 26
 Гельфрейх* 162
 Гераклит 50
 Герцен А. А. 149
 Герцен А. И. 24, 37, 60, 80, 81, 149
 Гесс Н. П. 127
 Гете Иоганн Вольфганг 149
 Глаголев Н. 53
 Глазенап С. П. 12, 86, 148, 149
 Гоголь Н. В. 60
 Гольбах Поль Анри 94
 Горький М. (псевдоним А. М. Пешкова) 57, 60, 63, 65, 146
 Гракхи братья Тиберий и Гай 75, 152, 158, 176
 Гримм (братья Яков и Вильгельм) 12
 Грот Я. К. 61
 Грубер Венцлав 46
 Груздев Ф. С. 145
 Грузенберг С. О. 165
 Гудзя М. 126
 Гурович М. 99, 104, 111
 Гус Ян 40, 41, 44
 Гюго Виктор 62, 134
 Давыдов И. Н. 54
 Данилевский Н. Я. 37, 38
 Даниэльсон Н. (Николай — он) 57
 Даниюшин П. Д. 172, 178
 Дарвин Чарльз 24, 27, 58, 79, 85
 Дейч Л. Г. 126
 Демокрит 50
 Джордж Генри 34, 135
 Дицген Иосиф 135
 Добролюбов Н. А. 24, 64, 81, 157
 Добролюбов В. А. 64, 72, 81
 Дрейфус Альфред 155, 156
 Егоров И. В. 166
 Елагин А. А. 87, 152, 154
 Елизарова А. И. 94, 98
 Жданов В. А. 167
 Желябов А. М. 25, 26
 Жижка Ян 41
 Жоган Габриэль (см. Лев Таксаль)
 Жуковский Ю. Г. 57
 Заславский Е. О. 25
 Засодимский П. В. 106, 152
 Засулич В. И. 4, 100, 104, 106, 107, 110
 Зволянский С. Э. 110, 142
 Зибер Н. И. 57
 Зиммель Георг 144
 Золя Эмиль 63, 80, 153, 154, 155
 Зомбарт Вернер 107
 Зудерман Герман 63, 153
 Ибсен Генрих 63, 153
 Игнатъев Н. П. 127
 Илгерман С. М. 102
 Ишпокевтий 60
 Исаев А. А. 107, 148

- Каразин В. Н. 19
 Карножицкий А. Н. 10
 Карышев Н. А. 85
 Катенин А. 85, 155
 Катков М. Н. 154
 Кауфман И. И. 57
 Кибальчич Н. И. 26
 Кинглэк Александр Уильям 28
 Кистяковский В. А. 144, 149
 Киреевский И. В. 53
 Ковалевский А. О. 25
 Ковалевский М. М. 115
 Коллонтай А. М. 13, 142, 144
 Корнилов В. А. 68
 Кондорсе Жан Антуан 36
 Константин Константинович (Романов) 90
 Конфуций 56
 Кох Роберт 86
 Куделли П. Ф. 165
- Лавров П. Л. 47
 Лавалэ (Ла Вилле Пуссен Шарль Жан) 34
 Лассаль Фердинанд 132
 Левицкий* 162
 Лев XIII 45, 46
 Лейбниц Готфрид Вильгельм 176
 Левкиш 50
 Лемтюжников* 115
 Ленин В. И. 45, 24, 34, 54, 55, 58, 82, 94, 96, 97, 98, 100, 105, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122
 Леонардо да Винчи (см. Винчи)
 Лесгафт П. Ф. 12, 115, 142, 148
 Лессинг Готфольд Еффраим 176
 Лещенко Д. И. 166
 Либкнехт Карл 94
 Ли-пе-Янь 56
 Лобачевский Н. И. 35, 176
- Лобеева А. А. 35
 Лозинский* 144
 Лоний* 144
 Лонгфелло Генри Уодсуорт 149
 Ляпунова А. В. 105
- Магницкий М. Л. 19
 Майков А. Н. 40, 90
 Малыгин Н. Г. 171, 172
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 88
 Маркони Гульельмо 158
 Маркс Карл 6, 24, 32, 33, 34, 50, 54, 58, 74, 92, 93, 104, 130, 131, 132, 133, 135, 173, 175
 Мартынов Л. Н. 170
 Мейер Виктор 159
 Мелченко Н. 99
 Менделеев Д. И. 4, 12, 25, 29, 30, 32, 33, 48, 148, 151, 159, 163, 164, 171
 Мережковский Д. С. 61
 Мериме Проспер 153
 Метельников (или Метальников С. И.) 144, 146
 Метерлинк Морис 63
 Мечников И. И. 25, 86
 Милль Джемс 80, 132
 Михайлов А. 26
 Михайловский Н. К. 13, 32, 34, 53, 57, 61, 62, 88, 103
 Москалева В. И. 147, 148
 Мэн-цзы 56
- Надеждин Н. И. 54
 Нахимов П. С. 68
 Некрасов Н. А. 20, 63, 64, 176
 Немирович-Данченко Вас. И.— 88
 Николай II
 Новиков В. И. 177
 Новиков Н. И. 53
 Ницше Фридрих 63, 65
 Ньютон Исаак 176

- Овсяннико-Куликовский Д. Н. 144
 Олейник Е. 126
 Онкен Вильгельм 28
 Опарин А. И. 175, 176
 Павленков Ф. Ф. 41, 44
 Павлов М. Г. 54
 Палибин И. В. 166
 Панина С. В. 138
 Пантелеев Ю. А. 70
 Паскаль Блэз 52, 176,
 Пастер Луи 86
 Пеликан А. А. 93
 Пенан Жан 19
 Перель Ю. Г. 175
 Перовская С. Л. 26
 Пий IX 46
 Пирамидов В. М. 111
 Пирогов Н. И. 25
 Писарев Д. И. 100
 Писковой И. 126
 Победоносцев К. П. 138
 Погодин М. П. 53
 Полетаев Н. А. 143
 Полянский* 160
 Поссе В. А. 110, 146
 Плеханов Г. В. 3, 4, 47, 82, 94,
 102, 103, 104, 107, 108, 109,
 110, 121, 132
 Прудкий К. 126
 Прудон Пьер Жозеф 132
 Пугачев Емельян 60
 Пушкин А. С. 177
 Пятковский* А. П. 14, 15
 Пятницкий К. П. 146
 Пыпин А. Н. 40
 Радищев А. Н. 53
 Ратаев А. А. 110
 Рентген Вильгельм Конрад 58,
 86
 Решетников* 162
 Риль Алоиз 59
 Роберти де, Л. Ф. 48
 Рубакин Н. А. 88
 Руссо Жан Жак 20
 Рысаков Н. И. 26
 Сабуров А. А. 124
 Салтыков-Щедрин М. Е. 38
 Свобода Людвиг 42
 Сен-Симон Клод Анри 20
 Сенкевич Генрих 59
 Сергеев-Ценский С. Н. 68
 Сеченов И. М. 25, 48
 Скабичевский А. М. 59
 Скворцов П. И. 94
 Скобелев М. Д. 41, 42
 Скрыбин К. И. 174, 175
 Сметанников А. Ф. 172, 173,
 174
 Соболев С. Л. 176
 Сойкин П. П. 103, 122, 140, 142,
 143, 144, 145, 146, 147, 148,
 171, 172
 Соколов* 114
 Соловьев В. С. 46, 47
 Спасович В. Д. 88
 Спенсер Герберт 34, 135
 Станкевич Н. В. 54
 Стасов Д. В. 112
 Стефанович Я. В. 126
 Столяров (см. Филишова Л. И.)
 Стриндберг Август 153
 Струве П. Б. 3, 12, 13, 55, 83,
 96, 98, 103, 133, 134, 135, 136,
 137, 138, 139, 144
 Струмилин С. Г. 174
 Таксиль Лев (Жоган Габриель)
 46, 47
 Тан-Богораз В. Г. (наст. фа-
 милия — Богораз) 57, 152
 Тарквиний Древний 36
 Тененик Л. 126
 Тимашев А. Е. 20
 Товстуха И. П. 119
 Толстая С. А. 139
 Толстой Д. А. 22

- Толстой Л. Н. 5, 62, 65, 66, 69, 70, 71, 123, 130, 132
- Томсен Ханс Петер Юрген Юлиус 31
- Топуридзе Д. (он же Исари и Карский) 103
- Тотомьянц В. Ф. 109, 139
- Трачевский А. С. 109, 148, 157, 164
- Трепов Д. Ф. 107
- Тройницкий Н. А. 127
- Туган-Барановский М. И. 3, 12, 13, 55, 83, 94, 96, 97, 98, 103, 104
- Тун Альфонс 26
- Тургенев И. С. 167
- Умов Н. А. 25
- Ульянов В. И. (см. Ленин В. И.)
- Ульянов Д. И. 99
- Ульянова А. И. 116
- Ульянова М. А. 98, 99, 100
- Ульрих В. Д. 119, 120, 121, 122
- Фальковский Ф. Н. 145, 148
- Фаусек В. А. 109
- Фейербах Людвиг 135
- Филиппов Л. М. 17, 70, 165
- Филиппов М. А. 19, 20, 21,
- Филиппова А. Л. 18, 19, 20, 22
- Филиппова Л. И. 31, 32, 66, 136, 158
- Филиппова Н. И. 7, 116, 169
- Фишер Фридрих Теодор 77, 79
- Фишер Куно 77
- Фукраи* 31
- Фурье Франсуа Мари Шарль 20
- Хвольсон О. Д. 109, 148
- Хмельницкий Богдан 17, 59
- Холодковский Н. А. 149
- Хью-Кин 56
- Циолковский К. Э. 12, 149, 150, 152, 153, 164
- Чагин П. И. 166
- Чернов* 13
- Чернышевский Н. Г. 20, 24, 37, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 111, 167
- Чехов А. П. 137
- Чигорин М. И. 12
- Чугунов С. 100
- Чуковский К. И. 177
- Чуковский Н. К. 17
- Шевырев П. Я. 109
- Шекспир Уильям 62
- Шелгунов Н. В. 106
- Шестаков* 133
- Шиллер Фридрих 149
- Шлемилх* 27, 48
- Шмидт П. Ю. 144, 165, 166
- Штimmer Оскар 144
- Штирнер Макс 65
- Шубинский С. Н. 44
- Щепкина-Куперник Т. Л. 57, 152
- Эвеллинг Эдуард 94
- Эмпедокл 50
- Эрисман Ф. Ф. 109, 110
- Энгельс Фридрих 24, 37, 43, 50, 54, 94, 135, 173
- Энгельгардт М. А. 123
- Юркевич П. Д. 77
- Юрьевич* 144
- Ярцева* 146

Примечание: Обозначение* указывает на то, что полные имена или инициалы не установлены.

Содержание

Предисловие к первому изданию	3
Предисловие ко второму изданию	5
Живые черты	9
Ранние годы	17
Вольнодумный студент	26
В Петербурге	29
М. М. Филиппов и «славянский вопрос»	36
За границей	43
Ученый-материалист	49
Беллетрист и критик	59
Первый роман о Крымской войне	66
Рукопись о Н. Г. Чернышевском	71
Под гнетом царской цензуры	82
Петиция литераторов	88
Выступления марксистов на страницах	
«Научного обозрения»	93
Под надзором охранки	104
История одного совпадения	116

Связи с Л. Н. Толстым	123
Борьба за журнал продолжается	139
Mors ex causa ignota	157
Послесловие	165
<hr/>	
Краткий перечень основных работ М. М. Филиппова (1881 — 1903).	178
Работы М. М. Филиппова, опубликованные в советский период	187
Книги, статьи, рецензии, научные исследования, художественные произведения, ссылки и упоминания в научных работах об М. М. Филиппове (советский период)	188
Указатель имен	192

Борис Михайлович Филиппов

Тернистый путь

Жизнь и деятельность русского ученого
и литератора М. М. Филиппова

Издание 2-е, дополненное и переработанное

*Утверждено к печати редколлегией серии
научно-популярных изданий Академии наук СССР*

Редактор *В. А. Болрский*

Технический редактор *В. В. Тарасов*

Сдано в набор 13/V 1969 г. Подписано к печати 2/X 1969 г.
Формат 84×108^{1/32} Усл. печ. л. 0,50. Уч.-изд. л. 10,0+0,1 вкл. = 10,1.
Тираж 11.000 экз. Т-13652. Бумага тип. № 2. Тип. зак. 2226.

Цена 84 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10